

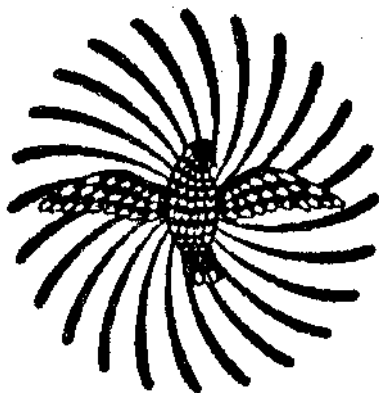
БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО
как историко-культурный феномен

материалы конференции

Санкт-Петербург
1998

КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО КАК
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН
МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ДЕКАБРЬ 1998

САНКТ - ПЕТЕРБУРГ

1998

Составитель	-	В.А. Хршановский
Компьютерная верстка	-	Н.Ю. Давыдов
Оформление обложки	-	А.Ю. Смирнова

При подготовке сборника к печати авторский
текст в основном оставлен без изменений.

НАМ 30!

В 1998 году археологической экспедиции Государственного музея истории религии исполнилось 30 лет. На некрополе боспорского города Илурата, где она родилась в 1968, был проведен 20-й полевой сезон и, одновременно, 15-й подряд. Но и на этом круглые даты не заканчиваются. С 1989 года экспедиция музея параллельно с некрополем Илурата вела раскопки некрополя Китея, и минувший сезон оказался там тоже юбилейным – 10-м!

Мы решили, что лучший способ отметить все эти даты – провести «боспорскую» конференцию, собрав коллег-археологов, историков и искусствоведов для того, чтобы обменяться последними новостями, обсудить общие проблемы, поделится открытиями и сомнениями.

Юбилей – не только повод для торжеств и подведения итогов. Это еще тот момент в стремительно бегущем времени, когда хочется остановиться, оглянуться и с благодарностью вспомнить тех, кто делил все тяготы экспедиционной жизни, помогал ей выжить и добиться признания.

Список людей, которым экспедиция обязана своим существованием, должен быть открыт скончавшимся 8 октября этого года **Михаилом Моисеевичем Кублановым**. Именно он в 54 года, когда многие заканчивают полевую археологическую деятельность, не упустил возможность осуществить мечту своей молодости и через 21(!) год вернулся на Илурат. Именно он, уже в 65 лет, после вынужденного семилетнего перерыва, когда появилась возможность продолжить раскопки этого памятника, приехал туда во главе небольшого музейного отряда.

Тогда, в 1979 году и на протяжении всех последующих лет совместной работы на Боспоре, большую моральную поддержку и организационную помощь оказала нам покойная **Нонна Леонидовна Грач**, начальница Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа. По ее рекомендации начальник Китейской экспедиции **Евгений Александрович Молев** пригласил нас раскапывать некрополь Китея, и тем самым способствовал нашему становлению в качестве полноправного члена археологического сообщества. Он и **Наталья Владимировна Молева** терпеливо отвечали на все многочисленные вопросы, возникшие в начале работы на новом памятнике, и стали не просто коллегами, а друзьями, обретенными в зрелые годы, что редко бывает.

Наша глубокая благодарность сотрудникам Эрмитажа **Нине Захаровне Куниной**, **Олегу Яковлевичу Неверову**, **Людмиле Ивановне Давыдовой**, **Ольге Юрьевне Соколовой**, знания и опыт которых мы старались максимально использовать для полевых и городских консультаций. Многие монеты, найденные на наших некрополях были атрибутированы покойной **Анной Михайловной Гилевич**.

Одной из сильных сторон наших отчетов, как неоднократно отмечали рецензенты, были антропологические и палеозоологические определения остеологического материала, сделанные антропологами В.Хартановичем,

А.Громовым, палеозоологом А.Каспаровым, палеоорнитологом А.Пантелеевым. Им наша признательность.

Археология вообще, и особенно музейная, невозможна без реставрационных работ. Трепетное отношение к извлеченным из земли вещам двухтысячелетней давности и профессиональное мастерство Галины Арсеньевны Светличной, Сергея Александровича Смирнова, Константина Николаевича Благовещенского, позволили сохранить найденные вещи и познакомить с ними на выставках любителей и ценителей античной культуры.

За тридцать лет в экспедиции перебивало немало сотрудников музея. В первых четырех 1968-1972 участвовали Владимир Гендриков, Нелли Деева, Елена Жданова, Владимир Кореньков, Евгений Лукашевский, Рита Филипповна Филипова, Владимир Хмелев, Владимир Хршановский, Галина Ченская (Козлова). В 1979 году - Евгений Абрин, Лариса Ассель, Борис Иванов, Зинаида Лучшева, Ирина Тульпе, Владимир Хршановский. После 1984 года - Николай Борщевский, Татьяна Гельфман, Людмила Иванова (Блюмен), Любовь Кулакова, Ирина Лебедева, Игорь Маслобойщиков, Инна Павлова, Флюра Салимжанова, Ирина Тарасова, Евгений Торчинов, Ирина Тульпе, Зоя Ханугина.

Экспедиции всегда везло на исполнителей чертежных работ, без которых не может быть написан ни один отчет. Принимая чертежную эстафету, сменяли друг друга Лилия Хаит, Маргарита Макарова, Валерия Грабельникова, Наталья Карипова, Ольга Безбородкина, Анастасия Смирнова (Бугаева), Наталья Панина, Мария Жилиева, Вероника Зыкина, Ольга Мещанинова, но ни разу никаких претензий к чертежам у рецензентов не было. Спасибо им.

Не одну сотню профилей и рисунков, украсивших отчеты, сделала в поле Любовь Ильинская.

На протяжении многих сезонов безотказно и на высоком профессиональном уровне выполняла все фотоработы Лариса Ассель.

Если в экспедиции Наталья Борисова – начальник и участники спокойны: что бы ни случилось, – вылечит. Если Павел Погорельский – за воду, продукты и обратные билеты можно не беспокоиться. Если Татьяна Фролова или Марина Аксенова – домашнее четырехразовое питание с добавками обеспечено.

Водители экспедиционной машины – это особая профессия. Она требует постоянной включенности во все экспедиционные проблемы, в самых разных, в том числе и чрезвычайных обстоятельствах. И ни разу никто из них не подвел: Анатолий Романович Оксютин, Сергей Ракитин, Александр Галанин, и последний, нынешний наш водитель - Владимир Павлович. Мы помним и ценим это.

За 30 лет в экспедиции перебивало множество народа. Для кого-то это был случайный эпизод, может быть даже досадный, для кого-то более или менее продолжительное увлечение, для кого-то она стала просто способом существования, делом жизни. Мы постарались с благодарностью вспомнить всех, кто оставил в истории нашей экспедиции последних 15 - ти лет более или менее заметный след, и заранее приносим свои извинения тем, кто не найдет в

общем перечне своей фамилии – если это и произойдет, то не по злему умыслу, а просто из-за невозможности перечислить абсолютно всех.

Спасибо В. Барановой (Корзниковой), А. Беловой, А. Билко, Полине Борисовой, Игорю Висоцуку, В. Гуляеву, Вите Голдовскому, В. Гончарову, Д. Горячеву, Н. Давыдову, Оле Давыдовой, Алексею Давыдову, О. Заикину, Косте Заикину, Н. Захаренкову, И. Ипатову, Вике Ильинской и Марине Лейман, Таиру Касумову, Эльдару Касумову, С. Короткову, В. Костомарову, В. Кощееву, В. Крайнову, Я. Лебедеву, А. Логинову, Л. Логиновой, Ю. Лозневой, С. Лузакову, И. Максиму, О. Максимовой, М. Мещанинову, Б. Моносову, М. Морозовой, М. Мунирову, В. Мусаеву, А. Названову, Ю. Назаровой, Алексею Павлову, Т. Петривляк, Кате Погорельской, Пете Погорельскому, Оле Полещук, И. Рожковой, Н. Селиверстовой, А. Свалову, Н. Смирнову, А. Создателеву, В. Светличному, Наде Светличной, Вале Светличному, А. Семенову, Л. Сулягиной (Махаевой), О. Фомичеву, В. Ханутину, И. Хлебосоловой, А. Хршановскому, Н. Шершовой, Вике Шершовой, С. Шульц, Л. Щербакову и всем, кто, хоть, раз был в экспедиции и полил раскоп своим потом.

Вдали от Санкт-Петербурга, в Керчи, нашим домом – местом, куда мы всегда можем обратиться с постоянно возникающими экспедиционными проблемами, стал Керченский Государственный Историко-Культурный Заповедник. Не было случая, чтобы его руководство бывший директор - **Элеонора Викторовна Яковенко**, нынешний – **Петр Иванович Иваненко**, его заместитель по научной работе **Наталья Валентиновна Галченко** и любой из сотрудников не оказали нам помощь и поддержку. Спасибо за гостеприимство и участие.

Самый горячий энтузиазм оказывается бессилен и бесплоден, если он не имеет материальной базы. На протяжении всех этих лет, в том числе и самых трудных, дирекция Музея, и прежде всего **Станислав Алексеевич Кучинский**, каждый раз изыскивали средства для проведения очередного полевого сезона. Мало кто из музейных археологов может похвастаться таким пониманием значимости и престижности их труда и постоянной поддержкой со стороны начальства.

В последние годы, когда с бюджетным финансированием стало совсем плохо, на помощь пришло ОАО АБЗ – 1: генеральный директор **Владимир Валентинович Калинин** и заместитель генерального директора по экономике **Серфима Александровна Шишилова**. В том, что мы дотянули до сегодняшнего юбилея и можем опубликовать материалы нашей конференции их большой вклад. Зная, как время и обстоятельства вынуждают сейчас считать деньги, мы особенно его ценим.

Мы благодарим всех, откликнувшихся на наше предложение принять участие в юбилейной конференции и предоставивших материалы для публикации.

Осуществления этого издания в крайне сжатые сроки стало возможным благодаря слаженной и оперативной работе В. В. Барановой (сканирование), Н.Ю. Давыдова (макетирование), Н.Ю. Смирновой (художник обложки), Ф.М. Салимжановой.

Ю.А. ВИНОГРАДОВ
Санкт-Петербург, ИИМК РАН

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ ВЕЛИКОЙ СКИФИИ

(Своеобразие стабилизации в регионе во второй половине III - первой половине II вв. до н.э.)

Период в истории Северного Причерноморья, последовавший за крушением Великой Скифии, отличался дестабилизацией военно-политической ситуации почти вплоть до рубежа эр. Однако на этом общем фоне все-таки представляется возможным выделить один хронологический отрезок, который можно связывать пусть с относительной, но все-таки стабилизацией обстановки в регионе - это вторая половина III - первая половина II вв. до н.э. Данный, третий в истории античного Северного Причерноморья период стабилизации, конечно, нельзя сопоставлять с предшествующим периодом расцвета (конец V - IV вв. до н.э.) по масштабам экономической деятельности, интенсивности греко-варварских связей и т.д., но от этого научная значимость его выделения не может быть приуменьшена (Марченко. 1996).

Сарматы, продвинувшиеся в северопричерноморский регион с востока, сокрушившие Великую Скифию и ставшие здесь основными возмутителями спокойствия, к середине III в. до н.э., по всей видимости, уже закончили бурный этап "завоевания родины" и вступили в этап более спокойной, можно сказать, мирной эксплуатации подчиненных им территорий. Как позволяет считать современное состояние археологического знания, эти кочевники после серии сокрушительных походов против Скифии по каким-то причинам не смогли закрепиться в Северном Причерноморье, и вынуждены были сосредоточиться в Подонье-Прикубанье. При этом в Прикубанье сформировался сиракский союз племен (Виноградов. 1963; Ждановский. 1985; Марченко. 1996), а к середине III в. до н.э., вероятно, сложилось сармато-меотское объединение, ставшее весьма влиятельной силой в регионе (Ждановский, Марченко. 1985; Марченко. 1996). Расселение сарматов на земли к западу от Дона начинается не ранее рубежа III-II вв. до н.э.

Общая стабилизация положения в восточной части причерноморских степей, разумеется, не могла не отразиться на положении всех греческих

государств северного берега Понта и, в первую очередь - Боспорского царства. Почти 70 лет назад М.И.Ростовцев писал, что в первой половине II в. до н.э. Боспор переживал своего рода возрождение. Современные археологические исследования полностью подтверждают эту точку зрения, хотя и позволяют сместить нижнюю хронологическую грань названного периода на вторую половину III в. до н.э.

Не вызывает сомнения, что III-II вв. до н.э. вообще были временем расцвета городской жизни в районе Боспора Киммерийского. Весьма показательны, что со второй половины III в. до н.э. начинает возрождаться жизнь на сельских поселениях как европейской, так и азиатской частей государства. Об интенсивности греко-варварских связей, так сказать, на самом высоком уровне свидетельствуют погребения варварской знати, расположенные на Таманском полуострове. Среди них - 2-й Васюринский курган, Буерова могила, Мерджаны и, возможно, Малая Близница.

В отношении Херсонесского государства следует указать на факт строительства около последней четверти III в. до н.э. целой серии укрепленных усадеб, прежде всего, на Гераклейском полуострове, хотя жизнь возрождается и на более отдаленных территориях (Золотарев. 1989; Золотарев, Туровский. 1990; Туровский. 1994). Можно признать, что Херсонесу в это время удалось полностью восстановить свои владения на побережье Западного Крыма.

Приблизительно в то же самое время в предгорьях Крыма начинается процесс консолидации скифского населения и окончательно складывается новое государство - Малая Скифия, которая, по свидетельству Страбона (VII. 4.5), занимала Крым и область за перешейком (Перекопом) вплоть до Днепра. Взгляды исследователей по многим вопросам ранней истории Малой Скифии сильно расходятся. Споры вызывает, в частности, датировка возникновения столицы государства Неаполя Скифского, а также вхождение в состав государства Нижнего Поднепровья, этническая принадлежность нижнеднепровских городищ и т.д. Однако нельзя сомневаться, что на этом этапе Малая Скифия стала реальным и постоянным фактором политической истории Северного Причерноморья. Вместе с тем, складывается впечатление, что интенсивная оседлая жизнь на Нижнем Днепре развивается сравнительно поздней, чем в Крымской Скифии. Иными словами, стабилизация более отчетливо проявляется в восточной части региона и менее ощутима по мере смещения на запад, что представляется в высшей степени показательным.

Обозначенная тенденция еще более рельефно выступает в Ольвии. Возрождение жизни на ее сельскохозяйственной округе в это время происходит в очень скромных размерах (Крыжицкий и др. 1989). К тому же все известные памятники сосредоточены теперь на восточном берегу Бугского лимана, на западном берегу их нет вовсе. Показательно, что расположенный западней Ольвии греческий город Никоний прекратил свое существование приблизительно в середине III в. до н.э. (Секерская. 1997).

На этом этапе в Среднем и Верхнем Поднепровье после запустения, связанного с крушением Великой Скифии, вновь возникает оседлая жизнь, проявляющаяся на сей раз в виде зарубинецкой археологической культуры. Ее нижняя хронологическая грань, скорей всего, приходится на конец III или рубеж III-II вв. до н.э. (Максимов. 1989, 1993; Щукин. 1994; Еременко. 1997). Любопытно и, конечно, не случайно, что в то же самое время начинается и сарматское заселение степной полосы Северного Причерноморья.

Один из остро дискуссионных вопросов современного сарматоведения связан с пониманием причин запустения северопричерноморских степей в III в. до н.э. Высказывалось предположение о его связи с катастрофическими климатическими изменениями (Полин. 1984, 1992), однако их вероятность на узком хронологическом отрезке представляется очень маловероятной. Может быть, еще большие сомнения вызывает предположение, что в III в. до н.э. сарматы уже проникли в самые отдаленные районы Днепровского Левобережья, но еще не успели освоить завоеванных территорий (Костенко. 1979). Столь продолжительный период "завоевания родины", охвативший почти целое столетие, является абсолютно исключительным в истории кочевнических сообществ региона и поэтому вряд ли реалистичным.

Причины такого положения, скорей всего, следует искать в особенностях военно-политической ситуации, которая сложилась в регионе, прежде всего в западной его части. Важнейшим документом для ее понимания является ольвийский декрет в честь Протогена (IOSPE. I. 32), который скорей всего датируется последней четвертью III в. до н.э. (Гайдукевич. 1949; Виноградов. 1989; Русяева. 1993). Содержание этой надписи достаточно хорошо известно. Ольвия находится в очень трудном положении, поскольку ей и с запада, и с востока угрожают варвары, при этом угроза с запада представляется гораздо страшней. С востока Ольвию донимают поборами сайи (царские сарматы) Сайтафарна, с запада готовятся к походу галаты и скиры, недружественную позицию заняли обитающие на границах миксэллины, а внутри государства замыслили измену ойкеты.

В галатах этого эпиграфического документа, скорей всего, следует видеть кельтов, которые создали государство во Фракии с центром в Тиле (280 - 213 гг. до н.э.). Отсюда они, как представляется, совершали походы на сопредельные территории, вероятно, вплоть до Поднепровья. У нас нет никакой уверенности в том, что планировавшийся галатами поход, о котором говорится в надписи, состоялся. Более того, складывается впечатление, что в это время они во многом уже утратили свою боевую силу. Весьма вероятно, однако, что ранее (вторая - третья четверти III в. до н.э.) такие походы были исторической реальностью, и, соответственно, об ужасах кельтских вторжений греки и варвары Нижнего Побужья знали отнюдь не понаслышке. Можно даже предположить, что в последней

четверти III в. до н.э. местное население еще не вполне оправилось от этих вторжений, а вызванная ими мощная волна страха не успокоилась и в любой момент могла подняться вновь даже от слухов о возможном нападении.

Есть веские основания полагать, что кочевья сайев находились не около Южного Буга, а в районе Подонья (Симоненко, Лобай. 1991), откуда кочевники могли совершать походы на Ольвию и даже дальше на запад, где сталкивались с галатами. Как отражение этих столкновений можно рассматривать находки удила прикубанского типа с крестовидными псалиями в Северо-Западном Причерноморье, а с другой стороны - кельтских шлемов в сарматских комплексах Подонья-Прикубанья.

Можно предполагать, что в Северном Причерноморье во второй - третьей четвертях III в. до н.э. столкнулись две волны экспансии - сарматская с востока и кельтская с запада (Симоненко. 1987; Виноградов и др. 1997). По всей видимости, ни один из этих этносов не смог в рассматриваемое время одержать решительную победу и сколь-либо продолжительно здесь закрепиться. По этой причине район Поднепровья на долгое время стал как бы "ничейной землей", на которой любое самостоятельное развитие любых сравнительно многочисленных этнических групп было практически невозможным. Постоянные рейды пришельцев через Поднепровье то с востока, то с запада, на мой взгляд, полностью определило своеобразие военно-политической ситуации в Северном Причерноморье после падения Великой Скифии. Именно это стало основной причиной того, что период стабилизации здесь, начавшийся приблизительно в середине III в. до н.э., был весьма относительным, к тому же значительно более заметным в восточной части региона, нежели в западной. Лишь к концу III в. до н.э. в связи с крушением государства галатов во Фракии (213 г. до н.э.) ситуация в степях изменилась к лучшему, стабилизация стала более ощутимой, и сарматские племена начали постепенно расселяться на землях к западу от Дона. Определенную роль в этих изменениях, как представляется, сыграли и бастарны, которые продвинулись в Подунавье к 216 г. до н.э. и объективно препятствовали кельтским попыткам проникновения вглубь Северного Причерноморья (Shchukin. 1995). Однако приблизительно с середины II в. до н.э. в связи с вторжением новых волн сарматских племен с востока военно-политическая ситуация в регионе опять была дестабилизирована, и на сей раз почти до рубежа эр.

О.В. ШАРОВ
Санкт-Петербург

ПОГРЕБЕНИЯ САРМАТСКОЙ ЗНАТИ НА БОСПОРЕ

В истории Римской империи Боспор играет совершенно особую и важную роль. Это единственное, не превращенное в провинцию самостоятельное вассальное царство. Ввиду постоянной угрозы с востока,

оно рассматривалось в Риме как государство-форпост, как царство-разведчик (Ростовцев, 1914:203) в море варваров, прежде всего сарматов, которые с первых веков н.э. становятся одной из самых главных угроз для понтийских владений Рима. Вполне естественно, что постоянное соседство с сарматскими племенами, заключение с ними военных союзов и династические браки боспорских династов с высшей сарматской знатью не могли не отразиться на укладе жизни, главным образом греческого населения. Процесс взаимопроникновения двух культур зашел так далеко, что "варваризация" боспорского общества затронула практически все стороны духовной и материальной культуры.

Исследование этих процессов в сороковых-шестидесятых годах нашего столетия привело ряд исследователей к выводу о сильном влиянии сарматов на военное дело, искусство и религию, и было предложено именовать период первых веков нашей эры сарматским (Блаватский, 1959:33). В последнее время наблюдается обратная тенденция - показать, что воздействие сарматов было не столь велико, и на Боспоре протекали процессы варваризации армии, населения, вкусов и моды, как во всех уголках Римской империи (Масленников, 1990:219). Попытаемся рассмотреть некоторые аспекты этих сложных процессов, которые нашли отражение в религиозных воззрениях и погребальных обрядах жителей Боспора, а также выделить те новые элементы боспорского костюма, реконструируемые нами по находкам в погребениях. До сих пор лучшей сводкой-каталогом археологических памятников Боспора римского времени остается блестящий труд М.И. Ростовцева "Скифия и Боспор", вышедший в 1925 году. Внеся лишь небольшие уточнения в главу IX, где приводятся описания важнейших погребений II-III веков н.э., число которых за прошедшие после выхода книги 70 лет, не возросло, мы будем следовать в нашем анализе боспорских комплексов с "сарматскими элементами" основным положениям этой работы.

Особенностью погребений римского времени в пантикапейском некрополе является обилие мужских погребений с оружием в противоположность предшествующим эпохам, когда оружие попадалось в виде исключения. Каноническим делается присутствие меча и кинжала. Пантикпейские мечи и кинжалы имеют целый ряд типических особенностей, отличающих их от скифских, и от кельтских; особенно оригинальна ручка. Она делается из дерева и кости и прикрепляется к железному стержню, составляющему одно целое с мечом. Наверху к ручке прикрепляется оригинальное навершие из круглого, овального или 4-угольного полудрагоценного камня или стекла. Камень часто находится в золотой оправе, и золотая оправка часто украшается также камнями или эмалью. Сам меч значительно длиннее акинака, достигая до 1 м длины, и не имеет крестовины. Он носился в ножнах, прикрепленных к португее или к кожаному поясу. Кинжал крепился к штанам воина на бедре особыми ремешками (Ростовцев, 1925:235,236). Мечи так называемого

"сарматского" типа распространяются с рубежа I-II веков н.э. по всей территории обитания сарматских племен, но в тоже время украшение наверхшия из камня или стекла розетками со вставками полудрагоценных камней является важным отличительным признаком именно Боспора и его округи. Кроме появления новых видов наступательного вооружения, открытых в погребениях, происходит изменение самого обряда.

Очень интересно погребение, открытое в 1896 году на Глинище в Керчи и описанное Э.Р. фон Штерном (ЗООИД, XXI,1898; Ростовцев, 1925:271). Здесь была обнаружена плитовая двойная гробница, в одной половине которой лежал скелет мужчины, в другой - скелет лошади. В конце первой комнаты найдены 3 грубых стеклянных сосуда (ЗООИД, 1898:табл.А`- 5, 6, 8), на лбу костяка найден золотой веночек - диадема, типичный для II века. В области шеи найдено 8 бус из мелового камня, в центре - раковина, на руке надет дутый золотой браслет с утолщенными концами (ЗООИД, 1898: табл. А`-9). Около костяка лежал золотой перстень с резным халцедоном. Тут же найдены 6 наконечников медных стрел и у изголовья - деревянный сундук, обитый металлом. В помещении с конем или конями найдены части 2 сбруй: они настолько хрупки, что явно имели только погребальное назначение. Весь состав сбруи - частично из бронзы, частично из низкопробного серебра, частично из золота, становится типичен для Боспорских погребений II века (см.: Bela Posta,1903:368, 372). Это погребение фиксирует начало наиболее ярких изменений в укладе жителей боспорских городов, которые происходят во II веке нашей эры. В погребальном обряде боспоритов становятся частыми захоронения коня и конского убора вместе с покойником, в инвентаре появляются вещи, не имеющие аналогии в античной культуре - браслеты, ожерелья из меловых бус, бляшки в форме геометрических фигур. Это находит параллели в прикубанских погребениях позднего эллинизма и римского времени, т.е. все говорит за связь боспоритов, их культурного уклада с сарматами (Ростовцев,1925:243). Вряд ли мы имеем погребения настоящих сарматов, слишком много еще здесь греческих элементов, связывающих эти погребения с обычными погребениями I века, скорее речь может идти о сильной сарматизации населения Пантикапея во II-III веках.

Наиболее типичны и характерны в данном случае два самых богатых и ярких погребения III века, одно из них находится в кургане по дороге в Аджимушкайской каменоломне и открыто А.Б. Ашиком в 1841 году (Ашик, Часы досуга, 1850:137; он же, Боспорское царство,1848, II, 41,§ 39; ДБК:43, табл. III,3). С южной стороны кургана находился углубленный склеп с коридором. Над сводом коридора были обнаружены кости лошади и среди них была найдена серебряная пряжка или наконечник ремня с тамгой. Дверь в склеп была заложена плитами с буквами, сделанными красной краской на каждой плите (A-R-T-A-E-N-N-O). В склепе был открыт обитый свинцом гроб с захороненным в нем мужчиной, на черепе которого лежал широкий веночек- диадема (Ашик,1848, III, 64, рис.145; ДБК, III, 3; ИАК,

№.49, табл.V,1). Центральная бляха с изображением всадника и стоящей за ним богини с венком была украшена по углам гранатами. Тело погребенного было покрыто саваном или пологом, шитым золотом. Около правой руки лежали меч, наконечник копья с золотой обкладкой втулки (Рис.1), украшенной продольными рядами гнезд с вставленными в них сердоликами и орнаментированной фигурами в виде восьмерок из накладной золотой проволоки между гнездами. Рядом найдены лезвие ножа и золотые бляшки, которыми была украшена ручка и ножны меча. Здесь же лежал кинжал (ДБК, XXVII, 7), рукоятка которого обложена золотом и сверху надета агатовая пронизь, верхняя часть которой украшена золотым навершием. Навершие орнаментировано зеленым стеклом и красными камнями в технике «клуазонне» (Рис.2). Кроме оружия найдены еще серебряные пряжки, кольца и бляшки богатой золотой узды, украшенной сердоликовыми вставками (Ашик, 1848, III:72,рис.209). На полу найдены 2 золотых кружка с оттисками монет Рескупорида II (Ростовцев, 1925:246).

Ближайшую аналогию этому погребению дает знаменитая могила царицы с маской, открытая тем же А.Б. Ашиком в 1837 г. (ДБК, табл.I). В большом кургане на Глинице, на глубине 4,27 м. был найден мраморный саркофаг. В нем лежал женский скелет в полном убранстве с большим количеством драгоценных находок. Все типы вещей могут быть разделены на 2 категории. Весь убор, по мнению М.И.Ростовцева, современен погребению и выдержан в одном стиле - полихромном иранском, который характерен для находок из кубанских и донских сарматских погребений. Вся серебряная и бронзовая посуда принадлежит другому, гораздо более раннему времени - I-II в. н.э. (ДБК, XXXVII, 1, 2; XXX, 3, 5, 11; XLIV, 2, 8; XLIV,15). Как попала эта посуда в погребение III века, показывает надпись на обороте серебряного блюда "Басилевс Рескупорей" (ДБК, XXX, 11) - и монограмма в центре "A.N.T.V.", которая может толковаться и как вязь имени "Басилевс Антиохос", и как "Басилевс Антигнос" и даже как "басилевс Антонинос". Скорее всего мы имеем дело с поздней эллинистической или римской посудой из сокровищницы одного из царей Рескупоридов, попавшей в гробницу любимой жены или наложницы.

Из убора погребенной нужно отметить прежде всего золотую маску, которая сопоставима с парфянскими масками, на что указал Н.П.Кондаков (Кондаков - Толстой «Русские древности», III, 24, ср. I, 66). О Бенндорф приводит в своей работе две золотые погребальные маски из Мессопотамии, причем одна из них обнаружена в погребении в каменном ящике с монетой Максимиана. Путешественники, посещавшие в 18-19 вв. долину Евфрата, сообщали о находках золотых погребальных масок местными грабителями могил (Benndorf, 1878:143). Самым ранним проявлением обычая изготовления золотых лицевых масок, исключая микенские, можно считать находку небольшой двенадцатисантиметровой золотой маски из Амударьинского клада (Dalton, 1905, Pl.III,1), которая, по нашему мнению, может относиться к заключительному этапу

формирования клада - II веку до н.э. Нам известны также в "Европейской Сарматии" находки погребальных лицевых золотых масок из погребений I века н.э. в Ольвии (Мурзакевич, ЗООИД, 1844:623; Уваров, 1851,р.XIV)и в Залевках в Среднем Поднепровье (Бобринский, 1887, I, табл.XXI), причем в обоих случаях в комплексе с золотыми витыми скандинавскими гривнами типа "Хавор". В более позднее время, в IV веке встречены две погребальные золотые маски в могильниках Киргизии (Каталог ПКИК, № 109,141). В отчете директора керченского музея А.Е.Люценко за 1868 год упоминается о покупке еще одной золотой маски, изображающей бородатого мужчину в диадеме. По уровню и технике исполнения золотая маска керченской царицы явно античной работы. Стилистически и по иконографии она ближе к прекрасным образцам античных бронз и скульптур, напоминая идеальные образы эпохи Александра Македонского, в то время как остальные известные нам образцы очень грубы и вряд ли отражают черты лица умершего. Здесь налицо явно две различные традиции. Корни появления керченской золотой погребальной маски нужно искать либо в античном мире, либо в зонах диалога варварства и цивилизации. В этом случае можно рассматривать и Боспор как место возможного изготовления золотых погребальных масок, так как данный регион всегда являлся контактной зоной между античными городами и варварским окружением.

Рассмотрим остальные вещи из погребения "царицы". Среди других частей украшений наиболее характерны 2 золотых шарнирных браслета, украшенных гранатами (ДБК, XIV, 4), золотой флакон, также украшенный гранатовыми вставками (ДБК, XXIV, 25), сотни маленьких золотых орнаментальных бляшек, типичных для кубанской группы (ДБК, XXII, 1, 3, 4, 6, 22-25; XXIII, 10-12, 14), серебряный скипетр (ДБК, II, 5), и золотой, украшенный сердоликами уздечный убор (ДБК, XXIX,4). На концах ремней сбруи висят две золотые бляшки, украшенные монограммой - тамгой боспорской династии (ИАК, 37, 32). В этом погребении найдено и оружие - два меча (Спаский, 1846:138), что, может, быть, также указывает на сарматское происхождение царицы (Ростовцев, 1925:248). Кроме иконографической близости изображений на центральных бляхах диадем и некоторого сходства деталей конской узды в этих двух погребениях никаких других оснований датировать женское погребение с золотой маской третьим веком по находке индикации монеты Рескупорида II в мужском у нас нет. Но в этом погребении встречены вещи европейского круга - ведро Неммоор и золотая гривна (ДБК, табл. XI, 6), относящихся к ступени С-1b/C-2 по Х.Егерсу - К.Годловскому (Godlowski, 1970, Pl. XV, XX), которые говорят о III веке достаточно убедительно.

В тесной связи с отмеченной группой стоит и погребение 1910 года, в котором найдена была диадема-венюк, почти копия диадемы царицы с маской (Pharmakowski, Arch.Anzeiger, 1911:198, 202, fig.9; АДЖ,II:рис.97). Оно обнаружено в курганной насыпи вблизи Царского кургана, недалеко от

погребения 1841 года. Погребение было раскопано "счастливчиками", поэтому до нас дошли, вероятно, не все вещи. Костяк лежал в саркофаге из местного известняка, накрытом большой плитой. Рядом с погребенным находился железный меч с янтарным навершием рукояти, в ножнах с серебряной оправой, серебряные пряжка и два наконечника ремня с сарматскими тамгами. Весь венок по полю украшен штампованными знаками-тамгами, близкими по типу знакам плиты Евпатерия II века (Шкорпил, 1910:24; Соломоник, 1959, №4). Нужно упомянуть и погребение у Карантинного шоссе с не менее интересной золотой диадемой, украшенной 3 бюстами Плутона, датированное монетой Рескупорида V (Pharmakowski, 1911, fig.10). В этом погребении найдены также 3 золотые погребальные пряжки и 3 золотых наконечника пояса, украшенные тамгами боспорской царской династии.

Чтобы понять изменения, которые произошли в укладе жизни жителей боспорских городов, необходимо обратиться к некоторым важным вехам истории Боспорского государства первых веков нашей эры. Основателем новой династии на Боспоре после смерти Митридата Евпатора и его сына Фарнака по мужской линии считается Асандр, царь или вождь сарматских племен, который породнился с внучкой Митридата царицей Динамией и после утверждения его на троне Марком Антонием в 41 году до н.э. становится царем Боспора. Поэтому его сын Аспург по материнской линии мог считать себя Ахеменидом и правнуком великого Митридата Евпатора, который, в свою очередь, по материнской линии был еще и потомком Александра Великого. Сарматские и персидские крови смешались в Аспурге и, возможно, со времени его правления нужно рассматривать начало процессов варваризации и сарматизации Боспорского общества, которые на раннем этапе отразились скорее всего только на царском дворе и свите. Изменения, которые затронули все сферы общественной жизни боспорских городов, начинаются с середины II века, когда к власти пришел тезка Митридата Великого - царь Евпатор, имя, много значащее для сарматского окружения. Меняется костюм, принятый при царском дворе, возникает новая концепция образа царя Боспора. Чекаются монеты с новыми изображениями царей в национальном вооружении и с национальными инсингниями власти: в диадеме, в длинной сарматской панцирной рубашке и с длинным скифским скипетром. В Танаисе найдена плита этого времени, где изображен царский наместник Трифон в виде воина-всадника, мчащегося на оседланной лошади с копьем в руках (КБН,1238). Всадник одет в длинный сарматский чешуйчатый панцирь, штаны, на голове конусообразный шлем (Гайдукевич, 1949:337-338) Преемник Евпатора - Савромат II изображается на монетах - либо в виде вооруженного всадника, одетого в подпоясанный сарматский панцирь и скачущего с копьем в руке, или сидящим на медленно шагающей лошади со скипетром в левой руке и вытянутой вперед правой (Гайдукевич, 1949: 335), как на золотых пластинах диадем из погребений 1837, 1841 и 1910 гг.

На монетах Евпатора появляются в качестве дифферентов выпусков такие знаки, как звезда и луна - символы Ахеменидов, понятные и близкие прежде всего сарматам-иранцам. Вспомним монеты 17/16 года до н.э. царицы Динамии с изображениями полумесяца и звезды, а также ее знак - тамгу в виде буквы "дельта" с двумя лентами сверху или тамгу ее сына Аспурга в виде "пляшущего человечка". Появление этих знаков у боспорской династии было обусловлено династическими браками с представителями высшей сарматской аристократии, в частности появление первой боспорской тамги - браком Динамии и Асандра, вождя или царя сарматов. По анализу эпиграфического и нумизматического материала установлено только с Евпатора появление тамги царской боспорской династии (Соломоник, 1959:24; Драчук, 1975:67). Хочется обратить внимание на то, что верхняя часть его тамги (дельта с двумя изогнутыми лентами) является совмещением знаков Динамии Аспурга. Вероятно, престолонаследие каким-то образом вновь перешло к дальним потомкам рода Асандра-Динамии, либо эта символика могла быть подчеркиванием связи с асандровским ахеменидо-сарматским родом, так же, как и выбор имени. Мы имеем этот знак Евпатора на другой плите из стены Танаиса 163 года, который В.С.Драчук считает именным гербом царя Боспора (КБН,1241). В погребениях найдено также значительное количество погребальных золотых и обыкновенных бронзовых пряжек и поясных наконечников с этой же тамгой (Соломоник,1959:132-135). Чем еще можно объяснить появление чуждой моды, обычая на Боспоре помещать тамги-гербы-печати на важных документах эпохи, носить пояса, украшенные тамгой нового царя, как не появлением на боспорском троне правителя, связанного узами родства со старой асандровской династией, которая практически прекратилась в 45 году с пленением Митридата III. Мы можем напомнить об отсутствии родства Евпатора с предыдущими правителями. Последний статер Евпатора отчеканен в 170 году, а первый - его преемника на боспорском троне Савромата II только 4 года спустя. Возможно, в это время на Боспоре правил неизвестный нам династ, как-то связанный с Евпатором, так как на одних и тех же пряжках с его тамгой присутствует еще другая тамга, верхней частью напоминающая знак Аспурга, но нижней из известных нам, повторяющая главный элемент тамг царей Фарзоя и Инисмея, правящих в Ольвии в 60-90 г.н.э.

Параллели, а возможно, и прототипы нашим тамгам находятся очень далеко на юго-востоке - в Греко-Индии и в районе Хорезма и Согда. Объяснения этим далеким связям можно найти в античных источниках и китайских династийных хрониках: Хань-Шу, доводящей изложение до 25 года н.э., и Хоу Хань-Шу, охватывающей события с 25 по 221 год. Юэджи, разбитые хуннами в 165 году до н.э. в китайской провинции Ганьси, бежали через юго-западную Монголию дальше в Семиречье, в долину Иссык-Куля, откуда их вытесняют около 160 года до н.э. усунь в союзе с хуннами. По хронике Старшей династии Хань "Хань Шу" юэджи удалились на запад,

пройдя через Давань (Фергана), напали на Дахя (Бактрию) и покорили это государство. Античные авторы Помпей Трог и Страбон (XI, 7,2), наоборот, при описании этих же событий не упоминают юэджей, а говорят об асиях, пасианах тохарах и сакаравлах. Объяснение этим противоречивым сообщениям может быть в том, что часть юэджей, так же, как и часть саков, живших на территории Семиречья до юэджей и усуней, осталась данниками державы Усунь, но большая часть временно смешавшихся сако-юэджийских племен отправилась на запад в поисках новой родины. Саки или сакаравалы оккупировали в 130-120 годах до н.э. не только часть бывших владений Бактрии, но и восточные сатрапии Парфии, образовав там Сакское государство. Даже после подчинения саков парфянским царем Митридатом II знатные сакские роды получают в государстве Аршакидов все возможные высочайшие привилегии: назначение из их представителей главнокомандующих войсками, возложение короны на царя, полунезависимое правление в области Парфии-Сакастане. На северо-западе Индии, в районе Матхуры, в начале I века до н.э. возникает Индо-скифское царство, а в Греко-Индии в 80-70 годах приходят к власти сакские правители Аза и Азилис из рода Суренов. Длительная "сакская угроза" явилась толчком к передвижке различных ираноязычных племен с территории Греко-Бактрии в район Хорезма и побережий Аральского и Каспийского морей, в хорезмийской чеканке первой половины I века до н.э. представлены серии монет-подражаний греко-бактрийским монетам Евтидема и Евкратиды с включением тамг правящих родов племен в основные штампы. Прототипом для этих тамг, по нашему мнению, является тамга короля Греко-Бактрии Артемидора, правящего в 90-80 годах до н.э. в Пешаваре (Narain, 1957:104, 151,181). Его тамга выбита на реверсе монеты и как бы является соединением двух тамг (Gardner, 1966: Pl.XXXII, 3, 4), известных нам позднее как тамги Фарзоя и Динамии. Европейских рубежей из этого индо-среднеазиатского котла первыми, как нам кажется, достигают аорсы, зафиксированные Страбонem и Плинием на Дону и северном побережье Каспийского моря, и которых, в промежутке между 50-47 годами до н.э. призывает боспорский царь Фарнак, сын Митридата Евпатора, стать его союзниками в борьбе с Римом. Уже у Асандра, следующего правителя Боспора, появляется именная тамга (Десятчиков, 1974:18), имеющая прототипы среди знаков сакских правителей Матхуры, и тамг на хорезмийских монетах среднеазиатского эра (Вайнберг, Новгородова, 1976: рис.7). Не мог ли этнарх Асандр привести свои племена оттуда или быть в родстве с этими правителями? Знак на монетах Динамии 9-8 гг. до н.э. в виде буквы "дельта" с двумя изогнутыми лентами, который часто считается ее тамгой, имеет почти полное сходство с знаками-монограммами на монетах короля Индии и Бактрии, Евкратиды, узурпировавшего власть в 171-155 гг. до н.э. (Gardner, 1966:19, Pl.VI-8). Можно вспомнить в связи с этим и находку фалара с изображением Хванинды, у которой изогнутые ленты за плечами идентичны лентам знака Динамии (Тревер, 1940:64-67,

табл. XIII). Эти изогнутые линии, симметрично удвоенные, с изменением абриса одной линии через несколько лет будут основой именного знака ее сына, Аспурга, потомка со стороны отца царского рода одного из ираноязычных племен, обитавших у Каспия или на Тамани. В то же время он через брак с Гиперией становится родоначальником новой фракийской линии правящей боспорской династии, и на многие годы главная символика всех правителей будет подчеркивать связь с Евмолпом, Посейдоном и Гераклом. Вновь тамги у правителей Боспора появляются через сто с лишним лет, возрождая древние традиции именных знаков, пришедших вместе с различными сакскими племенами из далекой Греко-Индии и Хорезма.

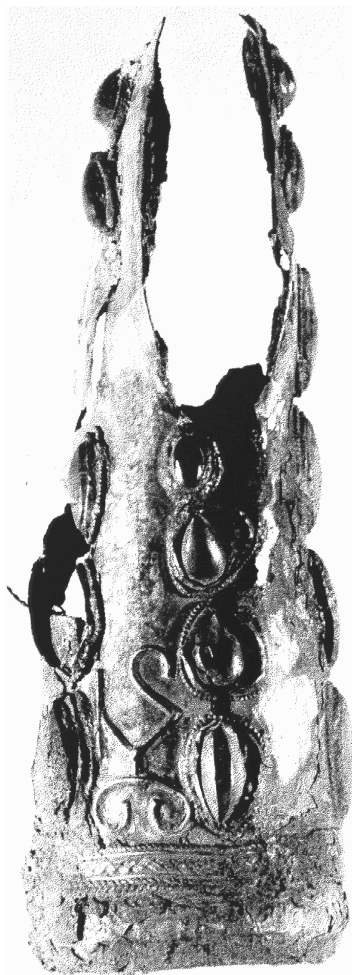

Рис 1

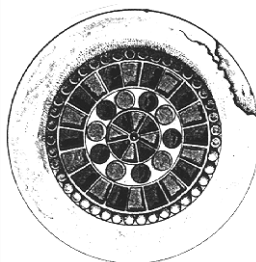

Рис 2

ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ ГОСУДАРСТВО НА БОСПОРЕ: УГАСАНИЕ ИЛИ РАСЦВЕТ?

(к распространению концепции византийского этатизма на Боспор V в.)

Концепция континуитета истории позднеантичного Боспора, по справедливому замечанию Ю.Г. Виноградова, стала в последнее десятилетие одной из ключевых проблем отечественного антиковедения¹. После целого ряда работ² уже никто, видимо, кроме И.П. Засецкой³ не сомневается в том, что гунны в 70-е годы IV в. не уничтожили Боспорское царство, которое продолжало существовать до начала VI в. в основном в прежнем виде. Теперь настает время для более глубокого исследования частных вопросов этого феномена.

Наиболее неоспоримым в концепции континуитета выглядит продолжение существования прежних форм материальной культуры⁴. Непрерывность культурного слоя на протяжении IV-VI вв. отмечена на большинстве прежних городищ и значительном количестве сельских поселений Боспора. Предприняты попытки создания новых классификаций основного датирующего материала⁵.

Достаточно отчетливо представляется нам ныне континуитет и в области духовной культуры⁶.

Остается уточнить главные подходы к ключевой на сегодняшний день проблеме: основным направлениям эволюции государства на Боспоре в позднеантичный период. Насколько нам известно, по этому поводу в печати

---

¹ Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V века)//ВДИ. 1998. № 1. - С.233.

² Николаева Э.Я. Боспор после гуннского нашествия. - Автореф. канд. дисс. - М., 1984; Амброс А.К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей//Боспорский сборник. № 1. - М., 1992 - С. 6-108; Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. - Белгород, 1996; Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. - М., 1997.

³ Засецкая И.П. Степи Северного Причерноморья в гуннскую эпоху. - Автореф. докт. дисс. - М., 1996.

⁴ Общий обзор см.: Болгов Н.Н. Ук. соч., с.50-61. Из отдельных работ см. прежде всего ук. соч. А-А. Масленникова, а также: Засецкая И.П. Материалы боспорских некрополей 2-й пол. IV - 1-й пол. V вв.//МАИЭТ. III. - Симферополь, 1993. - С. 23-104 (в данном случае приводимый автором материал противоречит общим представлениям автора о судьбах Боспора в это время).

⁵ Краткий обзор существующих классификаций см.: Болгов Н.Н. К проблеме классификации позднеантичной керамики: амфоры IV-VI веков//Юг России в прошлом и настоящем: экономика, политика, культура. - Вып. II. - Белгород, 1998. - С.34-35

⁶ См., напр.: Диатропов П.Д. Распространение христианства в Северном Причерноморье. - Автореф. канд. дисс. - М., 1988 и др.

до сего дня высказались лишь немногие специалисты⁷. Но уже сейчас в принципе определились два основных подхода. Суммарно и схематично их можно определить как идеи угасания или расцвета (или, осторожнее, благополучного существования) государства на Боспоре в позднеантичный период.

Эта проблема в высшей степени важна еще и потому, что состояние государства прямо и непосредственно (наряду с комплексом других причин) повлияло на пути трансформации западно- и восточно-римского общества соответственно в западноевропейское и византийское. На Западе империи после исчезновения политической власти равеннских императоров континуитет происходил в основном в области духовной культуры (в меньшей степени - в области материальной культуры). На Востоке же определяющей и направляющей силой континуитета выступило государство в форме ранневизантийской автократии.

Последнее послужило основанием для рождения концепции византийского этатизма.

В недавней статье Ю.Г. Виноградова достаточно четко просматривается приверженность этой концепции и выражено стремление к распространению ее на Боспор. Анализируя эпиграфический материал (датированные боспорские надписи V века), автор вольно или невольно экстраполирует на далекую периферию позднеантичного мира идею сильной централизованной государственности с элементами деспотизма. Отсюда выражения типа «... Боспор копировал должности византийского государственного аппарата»⁸ «Боспорская **держав**а (выделено нами - Н.Б.) продолжила свое стабильное существование, цементирувавшеся прочной царской властью и разветвленным гос. аппаратом»⁹, «Боспорское царство... не только продолжало существовать как политический организм со своими традиционными и новоприобретенными институтами, но и **процветало** (выделено нами - Н.Б.)»¹⁰.

Особый интерес вызывают «основные концептуальные итоги». С одной стороны, отмечается усиление византийского политического влияния на государственную жизнь Боспора во второй половине V в. (на основе надписи царя Дуптуна, отнесенной автором статьи к 483 г.; другие версии - 402 и 522 гг.) вплоть до вассальной зависимости и возрождения ее атрибутов. С одной стороны, на этой же странице¹¹ говорится о том, что «... на Боспоре не заметно ни малейших признаков интеграции его в Империю, поскольку ни византийский кесарь, ни его легаты (в контрасте с Херсонесом того же времени) не появляются даже в датировочных

---

⁷ Болгов Н.Н. Закат античного Боспора, с. 64-120; Виноградов Ю.Г. Ук. соч.

⁸ Виноградов Ю.Г. Ук. соч., с. 236, прим. 11.

⁹ Там же, с. 245.

¹⁰ Там же, с. 246.

¹¹ Там же, с. 244.

формулах актов»¹².

Итак, что же здесь является более важным - континуитет собственно боспорского государства, державшегося за счет собственных ресурсов, либо континуитет за счет имперского протектората?

Нет сомнений, что политическая организация Боспора IV-V вв. восходила к реформам Савромата I. Но гомогенно ли Боспорское государство позднеантичного времени в точности своему предшественнику - Боспору I-III вв.? Конечно, нет, и дело здесь не только в ряде прошедших столетий; для античности два-три века - не срок.

Эпиграфика рисует нам еще для III века картину действительно широкого и разветвленного государственного аппарата с обилием должностей (чего стоит хотя бы одна надпись 275/6 г. царя Тейрана: КБН, 36, а также надписи IOSPE. II². 43, 44, 46 и др.). Царь здесь имеет титул «великого царя, происходящего от предков царей». Тем не менее, никто всерьез не считает Боспор римского времени великой державой, несмотря на идеологию и политику постмитридатизма. Это - периферийное, зависимое от империи, клиентское государство на далекой окраине античного мира¹³. Таким образом, наследник этого государства - поздний Боспор, явно не выполнявший свою прежнюю буферную роль перед империей, не мог быть сильнее и могущественнее, чем прежде.

Теперь кратко изложим аргументы другой концепции. Она увязывает состояние и эволюцию государства на Боспоре с его экономическим состоянием и проблемой общего кризиса античной цивилизации.

В последнее десятилетие у исследователей, по всей видимости, выработалась определенная аллергия на употребление понятий "социально-экономический кризис", "дезурбанизация", "натурализация хозяйства" и т.п. в отношении позднеантичного времени. Этот вопрос слишком глобален, чтобы здесь хотя бы суммарно изложить основные современные оценки. Тем не менее, наличие общего кризиса античного мира (или, если угодно, локальной греко-римской цивилизации) в процессе трансформации его в ранневизантийский (Запад пока оставим в стороне) не отрицается никем из специалистов.

Боспор, как периферия и "передний край" античного мира, в эту пору испытал серьезнейшие внутренние и внешние потрясения. Если кратко напомнить внешние, то крупнейшими из них были:

- разгром Горгиипии около 234 г.;

-

---

¹² Там же.

¹³ Политический строй и геополитические функции этих государств раскрыты в кн.: Braund D. Rome and Friendly King: The Character of Client Kingship. - L.-N.Y., 1984. См. также: Болгов Н.Н. Клиентские государства на восточной периферии античной цивилизации (II-III вв.) //Сб. научных трудов преподавателей и аспирантов. - Вып. 1. - Белгород, 1995. - С. 18-23.

- гибель Танаиса между 244 и 247 гг.14;
- «готские походы» на империю с территории Боспора (253 -276 гг.15;
- «гуннское нашествие» 70-х гг. IV в.;
- «возвращение утигуров» после 469 г. (Procop. Bello Gofh. VIII. 5);
- восстание утигуров против филарха Грода (Грода) и христианизации (ок. 528 г.);
- разгром Фанагории и Кеп утигурами; разгром крепостей Крымского Приазовья ок. 540 г. (Procop. B.G. VIII. 5. 28-29);
- завоевание Боспора и его разгром тюркютами в 576 г.

Для трех с лишним столетий и для такого небольшого государства как Боспор всего вышесказанного более чем достаточно для того, чтобы поставить под сомнение само существование государства.

Теперь о внутренних аспектах кризиса. Несмотря на утверждение Ю.Г. Виноградова о том, что «... ни документально, ни археологически не прослеживается и намек на «общее запустение греческих центров» хотя бы одного азиатского Боспора¹⁶, запустение есть, и довольно значительное. Факт резкого сокращения источников, конечно, сам по себе еще не исчерпывающее доказательство наличия кризиса. Тем не менее, не простое механическое сравнение количества и качества надписей I-III и IV-V вв.¹⁷ заставляет ощутить «дыхание» упадка.

Что касается археологических материалов, то здесь мы отмечаем (вслед за археологами) следующие факты:

- сокращение территории боспорских городов, прежде всего Пантикапея (оставление жителями г. Митридат и сосредоточение жизни в нижней припортовой части города; наступление некрополя на город с востока и т.д.); частичная рустификация (сокращение численности населения, преобладание небольших городов и т.п.);
- прекращение городской жизни в ряде центров Боспора (Нимфей, Мирмекий)¹⁸;
- сокращение количества сельских поселений (на азиатском Боспоре для III в. отмечено около 140 поселений, для начала V в. точно установлено
-
-

¹⁴ Шелов Б.Д. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. - М.,1972. - С. 302-304.

¹⁵ Последние работы по этой теме: Лавров В.В. Готы и Боспор в III в. н.э.//Античный полис. - СПб.,1995. - С.112-122.; Хайрединова Э.А.. Боспор и морские походы варваров 2-й поп. III в. Н.Э./МАИЭТ. IV. Симферополь, 1995. -С. 517-528.

¹⁶ Виноградов Ю.Г. Ук. соч., с. 245.

¹⁷ Подсчет первых можно произвести по КБН, вторых - по КХНБ: Диатроптов П.Д., Емец И.А. Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. - Вып. 2. - М., 1995. - С. 7-40.

¹⁸ Недавние эпизодические находки подзднеантичного материала в Нимфее общей картины не меняют.

- наличие пока 35)¹⁹.
- Среди проявлений глобального кризиса для экономической области можно отметить следующие факторы:
- сокращение торговли и обмена (прежде всего внутрибоспорского)²⁰;
- натурализация хозяйства и естественное обособление отдельных локальных микрорайонов - территориально-хозяйственных комплексов²¹ вплоть до старой концепции «феодолизации» Боспора М.И.Ростовцева;
- прекращение чеканки монеты в 342/343 г. при сохранении денежного оборота до VI в. с тенденцией постепенной тезаврации монеты²².

В области же непосредственно политической мы можем отметить такие негативные факторы, как сокращение территории государства (потеря Танаиса, Феодосии, Горгиппии), сокращение числа магистратур по сравнению с III веком и т.п.

И все-таки, несмотря на вышеуказанные факторы, поздний Боспор существовал, и существовал вопреки этим факторам. Его общий облик оставался безусловно позднеантичным. Таким образом, парадокс нынешней ситуации в том, что сегодня уже приходится сдерживать наиболее крайние выступления приверженцев теории континуитета.

Континуитет имел место на Боспоре, с одной стороны, как проявление мощнейшей консервативной силы тысячелетней традиции, а с другой - как преодоление вышеупомянутых глобальных кризисных явлений. Поскольку основные провинции Восточной империи испытывали действие всех этих негативных обстоятельств в гораздо меньшей степени, на наш взгляд, было бы неправомерным механически отождествлять византийский и боспорский континуитет.

Боспор в эпоху поздней античности остался единственным грекоязычным государством античного типа в полосе буферных, периодически возобновлявших свой клиентский статус, государств на северо-восточной и восточной периферии поздней империи²³. Периферийное положение Боспора наложило глубокий специфический отпечаток на все его институты, включая и политические. Среди основных

¹⁹ Воронов А.А., Паромов Я.М. Планировочные принципы в организации расселения на таманском полуострове в античную эпоху // Проблемы исследования античных городов. - М., 1989. - С. 30.

²⁰ См.: Болгов Н.Н. Позднеантичная Таврика как контактная зона (торговый аспект) // Торговля и торговец в античном мире. - М., 1997. - С. 127-140.

²¹ Болгов Н.Н. Территориально-хозяйственная структура позднего Боспора // Проблемы истории и археологии Украины. - Харьков, 1997. - С. 37; исследования и публикации А.А.Масленникова о Крымском Приазовье как о локальной микроразоне.

²² Последняя обобщающая работа: Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (сер. I в. до н.э. - сер. IV в. н.э.).

²³ Болгов Н.Н. К истории клиентских государств на восточной периферии позднеантичного мира (IV-VI вв.): дескриптивный обзор // Вопросы всеобщей истории и политологии. - Белгород, 1997. - С. 35-48.

уникальных черт боспорского государства надо назвать:

- пятивековое (хотя и с перерывами) правление династии Тибериев-Юлиев;
- преемственность в эволюции государственного аппарата наряду с серьезными изменениями (эпиграфика IV-V вв. дает нам лишь 4 (или 5) должностей для всего госоударственного аппарата в V в.: эпарх, комес (bis), заведующий пинакидой, протокомит и, возможно, протевон (по В.ВЛатышеву); из них лишь одна отмечена для периода I-III вв.); этого маловато для полного отождествления двора I-III вв. и двора V в.;
- клиентский статус, постоянно ослабевавший и сошедший на нет к концу IV в.;
- важная роль «сарматской аристократии» (по М.И.Ростовцеву - «феодалов»). Сменяемость и ненаследственность магистратур препятствовали обогащению и стабильному материальному положению «сильных людей» в это смутное время; поэтому прокормить их могла лишь земля, да еще, пожалуй, участие в гуннских походах²⁴;
- гуннский «протекторат», типологически не аналогичный варварским королевствам на Западе.

Итак, на местах, «в провинции» позднего Боспора неизбежно должно было происходить ослабление влияния и эффективности действий центральной власти и замещение ее другими - церковными и гражданскими органами (местной самообороны и самоуправления)²⁵.

Таким образом, государство продолжало существовать вопреки обстоятельствам. И скрепами, на которых оно, собственно, держалось, были прежде всего боспорская аристократия («феодалы»), многовековой уклад жизни, локальные микрзоны - «узлы прочности», далее - царская власть как символ былого единства, а также, как ни странно, «гуннский протекторат»²⁶.

Боспор все-таки медленно, но неуклонно угасал, но не погиб сразу, единовременно, катастрофически. Вот в чем смысл боспорского континуитета. Остается сравнить исторические судьбы Херсонеса и Боспора. Почему Херсонес вошел, пусть и формально, в состав империи намного раньше и непосредственно? Потому что его строй муниципия идеально подходил для империи как совокупности таких муниципиев. Аннексии Боспора в первые века н.э. (назревавшей неоднократно) всегда мешали кроме более отдаленного географического положения наличие царской власти

²⁴ Так что комит Саваг все-таки должен был быть «феодалом». Некрополь Пантикапея-Боспора дает целый ряд погребений таких людей.

²⁵ Параллели с нашим сегодняшним днем, думается, излишни.

²⁶ О заинтересованности гуннов в существовании Боспорского государства см.: Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. - С. 108-113; его же: О характере отношений Боспора с гуннами в IV-VI вв. // Боспор и античный мир. - Н.Новгород, 1997. - С.21-29.

и, в большей степени, - традиции государственности. Лишь когда эта власть (под гуннским «протекторатом», влияния которого Ю.Г. Виноградов не рассматривает в своей статье и ее выводах) стала совершенно номинальной, почти «отмерла», а делами распоряжались гуннские филархи и местная боспорская знать, империя Юстиниана предприняла завоевание этой территории, поставив ее под свое прямое управление.

Таким образом, континуитет боспорской истории в позднеантичное время несомненен. Но то, что мы сегодня реально знаем о состоянии государства на Боспоре в IV-V вв., не позволяет преувеличивать роль политических институтов в этом процессе. Прямые аналогии с византийским вариантом континуитета здесь не совсем уместны.

Континуитет был комплексным. Сохранялись сам уклад жизни, язык, культура, быт, вещи. Государство же претерпевало определенную эволюцию и, несомненно, не в сторону расцвета, а в сторону «угасания». Диапазон действительных возможностей этого государства постоянно сокращался. Целый ряд сторон жизни общества постепенно выходил из-под его власти (централизованная оборона, единая налоговая система, денежная эмиссия и т.д. и т.п.). Тенденция к растворению Боспора в варварском мире была прервана византийским завоеванием, которое задало мощный импульс последующей его истории на протяжении VII-XIII вв.²⁷

В.П. ТОЛСТИКОВ, Д.В. ЖУРАВЛЕВ

Москва, ГМИИ им А.С.Пушкина

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ АКРОПОЛЯ ПАНТИКАПЕЯ

(Древнейший символ христианства на Боспоре?)

В ходе многолетних планомерных раскопок Боспорской археологической экспедиции ГМИИ им. А.С.Пушкина на территории акрополя Пантикапея накоплен обширный и разнообразный материал по истории этого важнейшего района столицы Боспора. В предлагаемой работе рассматриваются лишь два строительных объекта и происходящие из них комплексы находок. Речь идет о водораспределительном помещении №176 (далее ВРП) в здании казармы и водосборной цистерне №179 в башне II акрополя. Поскольку оба названных инженерных объекта связаны с фортификационными сооружениями, остановимся кратко на итогах изучения остатков укреплений, защищавших западное плато пантикапейского акрополя (рис.1). В процессе раскопок последних лет в пределах раскопа Центральный - Северный был открыт весьма значительный массив материковой скалы, лежащий на западной границе плато. Этой скале в античный период с

²⁷ Болтов Н.Н. Боспор Византийский//Проблемы истории, филологии, культуры. - Вып.5. - М.-Магнитогорск (в печати).

помощью системы подтесок были приданы регулярные прямоугольные очертания. Подтесы, а также частично сохранившиеся кладки указывают на то, что нами открыто скальное основание одной из боевых башен акрополя (башня II по нашей нумерации), входивших в систему обороны западного фронта его укреплений. Главный фасад башни был обращен к западу, а в южном и северном направлениях от ее боковых фасов шли куртины (в настоящее время частично исследовано лишь основание северной из них). Археологически в башне II фиксируются, как минимум, два крупных строительных периода:

* *первый период* - время сооружения башни II и, соответственно, всего западного фронта укреплений акрополя, датируется первой половиной IV - первой четвертью III веков до н.э. и завершается катастрофическим разрушением данного участка укреплений. Насколько можно судить, какой-то отрезок времени эти оборонительные сооружения лежали в руинах, выбирались на камень и их остатки, в частности фундамент куртины и западная часть скального основания башни, засыпались мусорным слоем, содержащим огромное количество битой черепицы, керамики и обломков квадров.

* *второй период* — время восстановления укреплений, сопровождавшееся их существенными перепланировками и перестройками. Скорее всего, восстановление относится ко второй половине III века до н.э., после чего эти фортификационные сооружения существуют (вероятно, с ремонтами) до первой четверти II века н.э., когда происходит их окончательное разрушение.

ВРП располагалось в пристроенном к башне II здании казармы (служившей, вероятно, одновременно и арсеналом), в крайнем западном его помещении, примыкавшем непосредственно к внутреннему - восточному фасу башни. ВРП имеет в плане очертания прямоугольника шириной 2,9 м и длиной 7,0 м, ориентированного длинной стороной по оси север-юг. Стены этого подземного помещения были вырублены в скале и материковой глине, облицованы кладкой и покрыты розовой цемянкой. Вдоль западной стены в ВРП из башни ведет вырубленная в скале лестница, от которой сохранились 8 ступеней. В настоящее время глубина камеры составляет 3 м, но очевидно, что в древности она была не менее 4 м. В восточной стене ВРП имеется прямоугольная ниша, в полу которой устроен квадратный колодец, а в северной его части — круглая в плане водосборная цистерна диаметром 2,5 м, которая в древности была отделена от основного помещения стенкой с дверным проемом. Совершенно очевидно, что мы имеем дело с уникальным инженерно-строительным комплексом, служившим для хранения и распределения стратегических запасов воды для гарнизона.

Дадим краткую характеристику материалу из слоя заполнения ВРП. Основные находки представлены фрагментами амфор Синопы (Зеест, тип 30), Родоса (Зеест, тип 50а; 51) и Пепарета (Зеест, тип 34) и других центров.

На них зафиксировано более ста клейм: Родоса (48 — III-VI группы по В.Грейс), Синопы (45 — V и VI группы по Б.Н.Гракову), Фасоса, Херсонеса, Коса, группы Зенона (Абрамов, тип 4.25), неизвестного центра (по 1), а также 12 клейм на черепице. Среди чернолаковых сосудов преобладают тарелки со штампованным орнаментом на дне, миски, чаши и т.п., а также керамика типа West Slope. Буrolаковая и краснолаковая керамика III-II вв. до н.э., как импортная, так и боспорского производства, представлена тарелками, мисками, флаконами и чашами. Рельефные “мегарские” чаши в засыпи ВРП отсутствуют. Кухонная посуда представлена фрагментами сковородок, кастрюль и крышек; среди простой столовой посуды - более полусотни полных профилей красноглиняных тарелок и рыбных блюд, а также фрагменты кувшинов и синопских лутериев. Интересна находка красноглиняной ситулы на трех ножках - возможно, местная имитация металлического италийского сосуда (рис.3:7). Найдены фрагменты пергамского скифоса (Meyer-Schlichtman, тип S8) с росписью белой краской, чаши с аппликативным рельефом [Hübner. 1993]. Кроме того, в комплексе обнаружены более 30 монет, обломки терракот, 24 светильника и другие интересные находки. Отметим, что в отличие от цистерны № 179 (см. ниже) в засыпи присутствует массовый материал I века. до н.э. (в основном — фрагменты боспорской сигиллаты).

Наиболее поздними находками, датирующими засыпку цистерны, являются фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор (Шелов, тип А-В), широкогорлых светлоглиняных с двустольными ручками (Внуков, тип С1-Б), донце красноглиняной амфоры с конусовидным дном (Зеест, тип 69), донце краснолаковой тарелки Eastern sigillata В с частью клейма O[RHOU] (?) (Hayes, 1985, Forma 58) (рис.3:8), фрагменты краснолаковых канфаров и кубков понтийской сигиллаты (Книrowitch, 1929, типы 35,37). Выделим редкую для Боспора находку — сероглиняную чашу (Gray pottery) — имитацию terra sigillata (рис.3:13). Суммарная датировка материала — вторая половина I - начало II вв. н.э.

Однако ВРП оказалось не единственным сооружением такого рода. Непосредственно в самой башне, в специальной камере размером 5 x 5 м, располагавшейся в ее северо-восточном углу, имелась еще одна цистерна для хранения воды. Пол камеры был замощен плитами. В центре возвышалось тщательно вытесанное из известняка, профилированное цилиндрическое обрамление устья цистерны. Крупные обломки этого обрамления были найдены в слое ее заполнения.

Вместилище цистерны представляет собой емкость, высеченную в скальном массиве и имеющую в вертикальном сечении очертания конуса, плавно расширяющегося от горловины к основанию. Стенки имеют скругленный переход ко дну, образующему в плане несколько неправильную окружность с диаметром по оси север-юг равным 2.20 м, по оси восток-запад - 3.15 м. В стенках имеются четыре ниши, расположенные на разных уровнях.

На момент открытия дно цистерны представляло собой не плоскость, а воронкообразное углубление, понижавшееся к центру под углом около 30 градусов. Поверхность дна обработана грубой отеской и местами имеет уступы. В центральной части дна вырублено углубление-отстойник.

Очевидно, что первоначально дно цистерны было горизонтальным, может быть, с легким уклоном к центру. В последний период функционирования цистерны оно было углублено грубой подтеской примерно на 65 см (не считая глубины отстойника), причем покрывавший его ранее слой *розовой* цемянки с керамической крошкой и мелкой галькой толщиной 3-5 см, был специально сколот, однако нового покрытия дно не получило.

В тех пунктах на стенках цистерны, где цемянка полностью обвалилась, видно, что поверхность скальных стенок специально обработана характерной косой, направленной в разные стороны, грубой отеской для обеспечения более прочного соединения цемянкового раствора с поверхностью. При сооружении цистерны, то есть *в первый период* ее функционирования, непосредственно на стенки был нанесен слой *розовой* цемянки с керамической крошкой и галькой, имевший толщину 1 - 1.5 см. Непосредственно на этот первый слой цемянки позднее, в ходе ремонта, *во второй период* использования цистерны, был нанесен слой *белой* цемянки толщиной 0.5 см, очень тщательно заглаженный с помощью шпателей с рабочим краем шириной 8 см (об этом позволяют судить следы инструмента на поверхности цемянкового покрытия). На углах ниш в стенках цистерны белая цемянка заглаживалась ладонями рук, плавно сходя на нет.

На юго-восточной стороне стенки цистерны, на высоте 2.3 м от уровня дна, выявлен участок еще одного - *третьего слоя серовато-белой* цемянки, нанесенного на поверхность слоя белой цемянки второго периода. Толщина этого последнего слоя равна 3 см. Третий слой цемянки представляет собой локальный участок, занимающий пространство между нишами №2 и №3. Он имеет регулярную верхнюю границу в виде ровного, горизонтального обреза, проходящего на уровне верхних краев этих ниш. Этот последний слой был нанесен значительно менее тщательно.

Как сказано, в стенках цистерны имеются *четыре ниши* - №№1,2,3,4

НИША №1: имеет в плане подтреугольные очертания, нижняя ее плоскость имеет уклон в сторону цистерны около 10 градусов. Ширина ниши на уровне границ резервуара составляет 0.82 м, глубина - 0.73 м, высота - 1.4 м. Вертикальные ее стенки имеют западины и облицованы на высоту 1 м белой цемянкой, выше из-под нее выходит слой первоначальной розовой цемянки. На левой от зрителя вертикальной стенке ниши, по слою белой цемянки *второго периода*, по еще сырой поверхности, то есть в момент ремонта, нанесено граффито. Изображение выполнено уверенно, вероятно, с помощью инструмента типа шпателя с толщиной лезвия около 1 мм. Оно представляет собой *изображение прямого креста*, образованное

двумя перекрещивающимися прямоугольниками (рис.2). Высота изображения 70 см, ширина 24.5 см. От нижней границы вертикального прямоугольника вниз, с легким уклоном вправо от зрителя, отходят две параллельные линии, доходящие до границы основания ниши. Верхняя грань вертикального прямоугольника имеет продолжения в стороны в виде двух горизонтальных линий длиной по 1.5 см, которые заканчиваются изломами, отходящими вниз.

Учитывая то обстоятельство, что цистерна прекратила свое существование и была засыпана не позднее середины II столетия н.э., а изображение креста было нанесено на слой сырой штукатурки в ходе ремонта во второй период, мы имеем редкую возможность достаточно точно датировать это уникальное граффито.

На момент раскопок горловина цистерны оказалась забита буговым камнем, а весь участок скалы перекрыт слоем III века н.э. и строительными остатками этого периода. В таком случае материал из заполнения цистерны может рассматриваться в качестве *закрытого археологического комплекса*, к характеристике которого мы и переходим.

В целом цистерна была засыпана слоем с материалами второй половины III — начала I веков до н.э. Амфорный материал представлен Родосом, Синопой (на амфорных ручках из этих центров найдено более 30 клейм), Косом, Книдом, Пепаретом и т.п. В комплексе обнаружено множество фрагментов рельефных (“мегарских”) чаш, в основном малоазийского (Иония, Эфес, Пергам) и боспорского производства (мастерская Деметрия), несколько десятков чернолаковых и буролаковых тарелок и чаш, в том числе украшенных в стиле “West Slope”, а также фрагментированный пергамский скифос с аппликативными рельефами — лягушками. Отметим также чашу — боспорскую имитацию (?) пергамской сигиллаты. Найдено несколько фрагментов тарелок боспорской сигиллаты (ранняя группа — вторая половина II века до н.э.). Светильники представлены малоазийскими и причерноморскими типами с выступом на плечике. Большинство монет пантикапейского чекана и датируется III-II вв. до н.э.

Датирующими являются находки краснолаковой керамики, относящейся к группе Понтийской сигиллаты: нижняя часть чаши (Haues J.W., 1985, Forma VI); венчик чаши (Haues J.W., 1985, Forma V), венчик миски, а также ряд других фрагментов, суммарно относящихся ко второй половине I - началу II веков н.э. (рис.3:1-6) В цистерне также найден сильно окатанный фрагмент ручки светлоглиняной амфоры (вероятно, типа В по Д.Б. Шелову) и небольшой фрагмент ножки амфоры с конусовидным дном (Абрамов, тип 6,1) I века н.э. Эти находки позволяют предполагать, что цистерна №179, сооруженная в башне не ранее середины III века до н.э., просуществовала длительное время, неоднократно, так же, как и сама башня, подвергаясь ремонтам и была окончательно засыпана не позднее середины II в. н.э.

Таким образом, есть веские основания полагать, что в цистерне №179 открыто граффито, представляющее собой одно из наиболее ранних изображений важнейшего христианского символа. Граффито было выполнено одним из мастеров-штукатуров по сырой, только что нанесенной цемянке в нише. Можно осторожно предположить, что находившаяся в стадии ремонта цистерна в течение какого-то времени использовалась рабочими-христианами в качестве тайной молельни.

Эта находка может служить подтверждением тому, что к началу II столетия н.э. христианство было достаточно широко распространено не только в Малой Азии, как о том свидетельствуют церковные источники («Откровение Иоанна», «Деяния апостолов», послания апостола Павла), а также письма наместника провинции Понт и Вифиния Плиния Младшего к императору Траяну), но имело приверженцев и на Боспоре, скорее всего в низших слоях общества, в частности, среди строительных рабочих.

В.Н. ЗИНЬКО

Керчь, Гос комитет по охране памятников Крыма

НИМФЕЙСКИЙ ПОЛИС

Письменная традиция обобщает обосновании четырех апоекки в районе Боспора Киммерийского. Это милетские колонии Пантикапей (Strabo. VII. 44, Plin. NH, IV. 26) и Кепы (Ps.-Scymn. 896; Plin. NH. VI. 18), колонии Теоса – Фанагория (Агг. Вуѳ. Fr. 55; Ps.-Scymn. 886 sq.) и Гермонасса, основанная либо ионийцами (Dionys. Per. 52), либо эолянами из Митилены на Лесбосе (Агг. Вуѳ. Fr. 55). Анализ археологических материалов, нумизматики и эпиграфики позволяют дополнить этот список всего одним центром – Нимфеем (Виноградов Ю.А., 1990, 1992). Возникновение самосской апоекки на месте Нимфея сейчас датируется между 580-560 гг. до н.э. (Кузнецов В.Д., 1991; Молев Е.А., 1997).

Расположенный на возвышенном скалистом мысу, город представлял собой как бы треугольник с вершиной, обращенной на восток, к морю. В античную эпоху песчаная коса, в соновании которой находится нимфейский мыс, была повернута на восток к таманскому берегу (Азиатский Боспор). Ее остатки были обнаружены на глубинах 7-9 м современного Креченского пролива (Невесский В.Н., 1959). Очевидно, здесь проходила одна из «киммерийских переправ», упоминаемых античными авторами. Мыс господствовал над значительным участком побережья, ограниченным на севере современным озером Чурбаш и уходящей далеко на запад балкой, а на юге – озером Тобечик (рис. 1). Вероятно, это были естественные северная и южная граница нимфейской хоры (Кругликова И.Т., 1975). В древности

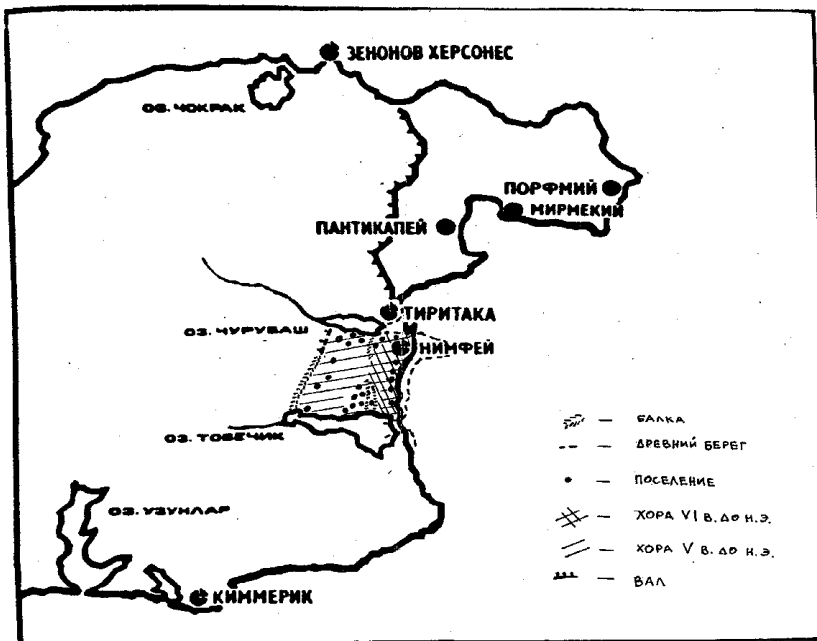

Рис 1. Хора Нимфея

Тобечик и Чурбаш являлись балками, устьевые части которых подтапливались морем. С востока хора была ограничена берегом моря, конфигурация которого сейчас сильно изменилась вследствие поднятия уровня моря, абразии берегов и перемещения песчаных кос. Подводные разведки, проведенные нами в 1991-1994 гг. в этом районе, позволили выявить 3 затопленных поселения и древние якорные стоянки. Практически все прибрежные поселения (Эльтиген, Героевка-1, 2, 3 и 4) в большей или меньшей степени разрушены абразийными процессами. Западная граница, обращенная в степные районы Керченского полуострова, на протяжении 6-5 вв. до н.э. изменялась за счет освоения новых земель.

Начальный период существования Нимфея, судя по результатам археологических исследований, был мирным, что позволило эллинам быстро и прочно закрепиться на новом месте. Это, в первую, очередь связано со слабой заселенностью этих пространств варварскими племенами. Лишь с середины VI в. до н.э. происходит активное освоение скифами причерноморских степей и сокращение их памятников на кавказе (Кузнецова Т.М., 1994). Первоначальный облик городища изучен недостаточно. Однако установлено, что на протяжении всего VI в. до н.э. существовали как землянки, так и небольшие сырцово-каменные жилые постройки. В то же время были и общественные здания, имевшие

архитектурные украшения. К середине VI в. до н.э. относится строительство первого здания святилища Деметры (Худяк М.М., 1962).

Очевидно, что сразу же с основанием апойкии начинается возделывание близлежащих плодородных земель. Однако из-за небольшого количества первопоселенцев и сложной системы греко-варварских контактов, первоначально обрабатывались лишь прилегающие непосредственно к городу прибрежные поля. Какие-либо долговременные постройки нам здесь неизвестны. Лишь в последней четверти VI в. до н.э. на хоре возводятся небольшие землянки, а в начале V в. до н.э. появляются и сырцово-каменные постройки (Героевка-1, Южно-Чурубашское). Поселения находились в пределах визуальной видимости с находящегося на возвышенном скалистом мысу города. Судя по всему, до конца VI в. до н.э. нимфейцами были освоены земли вдоль пролива (между Чурбашем и Тобечиком), а на западе до балки Глубокая, где находилось поселение Южно-Чурубашское.

Слои и многочисленные находки этого периода зафиксированы на поселении Героевка-1, Южно-Чурубашское (Кругликова И.Т., 1975). Комплекс конца VI в. до н.э. открыт и на поселении Героевка-2 (V. Zinko, 1997). Особо следует учитывать, что наиболее древние восточные части приморских поселений в настоящее время разрушены абразийными процессами. Общая площадь хоры в VI в. до н.э. не превышала 30-35 кв. км.

В целом к концу VI в. до н.э. Нимфей превратился в типичный античный полис, у которого сложились довольно натянутые взаимоотношения с соседним пантикапейским полисом. Археологические данные (клад серебряных монет, погребение А-44 нимфейского некрополя, вывод пантикапейцами поселений к югу от Тобечика), возможно свидетельствуют о военной конфронтации двух центров Европейского Боспора. Заканчивается этот период какими-то потрясениями в начале V в. до н.э. Следы пожаров этого времени зафиксированы на городище (Худяк М.М., 1962), а также на поселении Героевка-1 (Кругликова И.Т., 1975).

Весь V в. до н.э. Нимфейский полис отстаивает свою независимость от боспорской (пантикапейской) тирании. На начальной этапе этой борьбы нимфейцы активно контактируют со скифами (Шелов-Коведяев Ф.В., 1985). В округе города сосредоточено большинство скифских погребений V в. до н.э. Европейского Боспора (Скуднова В.М., 1954). На курганных могильниках, расположенных к западу от сельской территории Нимфея выявлено 3 скифских изваяния, которые следует датировать V в. до н.э. (Зинько В.Н., 1997). Здесь фиксируется древняя дорога ведущая из степей мимо Чурубашского и Южно-Чурубашского поселений к Нимфейскому мысу, где в V в. до н.э. было основное место переправы скифов за данью в Синдику. В то же время рядом с этими могильниками выявлены курганы с довольно специфическими погребениями: гробницы в виде грубых каменных ящиков с кольцевыми обкладками из дикарного камня. Эти

комплексы близки погребальным памятникам варварского населения Крымских предгорий.

Союзнические отношения нимфейцев со скифами позволяли расширять хору в западном (степном) направлении. Осваивается наиболее удаленный юго-западный микрорайон хоры вдоль Тобечикского озера. Здесь разведано 9 поселений, из которых на поселении Тобечик-3, 8 и 5, выявлены фрагменты амфор и чернолаковых аттических чаш V в. до н.э. В середине V в. до н.э. основывается поселение Огоньки-1 (Кирилин Д.С., 1965), расположенное на небольшом мысу в 9 км к юго-западу от Нимфея. Здесь же проходит в северном направлении большая глубокая балка, которая стала новой западной границей нимфейской хоры. Вдоль восточного склона балки располагалось несколько небольших поселений, рядом с которыми сохранились ограды древних наделов. Наделы зафиксированы также близ поселений Героевка-1, Героевка-2, Южно-Чурубашское, а также в урочище Чурбашские скалки. Размеры наделов колеблются от 1,1 до 35,4 га (Кругликова И.Т., 1975). Однако большая часть наделов сохранилась фрагментарно, и время размежки установлено приблизительно, хотя уже сейчас в Чурбашских скалках можно выделять два разных вида ориентировки оград наделов.

В V в. до н.э. происходит расширение городской территории, расширяются старые культовые здания, а на южной окраине строится новый большой храм ионического ордера (Соколова О.Ю., 1997). Строительство этого храма в то время, когда Пантикапей стремился объединить вокруг храма Аполлона боспорские полисы в амфиктионию, свидетельствует, как о процветании нимфейского полиса, так и о его нежелании кооперироваться с Археанактидами в той или иной форме. Вести эту борьбу можно было только имея военно-политический союз со скифами. Положение кардинально меняется с приходом к власти в Пантикапее в 438 г. до н.э. нового тирана Спартока и изменением политики по отношению к соседним варварским племенам. Нимфей начинает терять своих союзников в борьбе с боспорской тиранией. Поэтому вступление в 30-х гг. V в. до н.э. Нимфея в Афинский морской союз было обусловлено реалиями борьбы за самостоятельность полиса. Эта инициатива могла быть вызвана характером действий Перикла в Южном Причерноморье. Вероятно, Нимфей вошел в состав союза первым, и поэтому стал центром Афинского влияния на Боспоре Киммерийском. Характер афинского присутствия в Нимфее оценивается по-разному (Шелов-Коведяев Ф.В., 1985; Молев Е.А., 1997). Более вероятно предположение о выводе суда клерухии афинян. Новые поселенцы, вероятно, получили земли на юго-западной окраине Нимфейской хоры. Здесь во второй половине V в. до н.э. возводится мощный 4-башенный форт с большим (50 x 50 м) внутренним двором (поселение Тобечик-9). Рядом с этим поселением могла располагаться и гавань.

Вхождение Нимфея в союз положительно сказалось на его экономике,

начинается даже выпуск собственной монеты. Этому способствовало активное использование всей территории хоры, которая представляла собой четырехугольник (около 7 x 7 км) с естественными границами в виде больших глубоких балок. Поселения располагались по внутреннему периметру, а в глубине находились поля. Возможно на последнем этапе борьбы Нимфея со Спартакидами и их союзниками скифами, на единственном слабозащищенном участке западной границы хоры возводится вал общей протяженностью около 3 км. В целом формируется плотная (через 1 - 1,5 км) система поселений по границам хоры, связанных между собой и Нимфеем несколькими дорогами.

Самостоятельный период развития Нимфейского полиса заканчивается в 405-404 гг. до н.э. подчинением Боспору в результате т.н. измены Талона. Однако утрата самостоятельности не сказалась на экономическом развитии города и его аграрной периферии. Включение Нимфея в орбиту Боспорского государства дало новый толчок для дальнейшего аграрного освоения западных степных районов.

Д.Е. ЧИСТОВ

Санкт-Петербург, Эрмитаж

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩА НИМФЕЙ

В течение шести последних лет на территории Нимфейского городища проводились работы в рамках совместной российско-украинско-польской программы “Нимфей: история и структура греческого полиса”. Одной из ее задач являлось исследование возможности применения геофизических методов на подобных Нимфею многослойных памятниках.

В 1993 году сотрудник Института Археологии и Этнологии ПАН Томашем Хербихом при участии доктора Томаша Шолля, сотрудника Института Археологии Варшавского Университета провели электроразведку в юго-западной части городища. С целью проверки результатов этих исследований в 1994 г. был разбит участок площадью 100 кв. м., ориентированный по линии север-юг, пересекающий участок с максимальной положительной аномалией.

Исследования на раскопе “Н” проводились на протяжении четырех полевых сезонов – 1994, 1996, 97 и 98 гг; в его исследовании приняли участие польские археологи.

Общая открытая площадь участка составила 175 кв. м. Мощность культурного слоя в этой части городища составляет в среднем 1.5-1.8 метров. На территории раскопа “Н” обнаружены 25 строительных комплексов (подавляющее большинство которых - разновременные хозяйственные ямы).

Все открытые объекты относятся к двум хронологическим периодам существования города: первый период может быть датирован в пределах второй половины (возможно, последней четверти) V в. до н.э. – первой

половины IV в. до н.э.; второй период датируется в основном II-III вв н.э. Комплексов III-I вв до н.э. обнаружено не было. Количество эллинистической керамики, равно как и материалов VI в до н.э. в слое крайне незначительно.

Ко времени поздней архаики на участке “Н” относится одна единственная яма №20. Из ее заполнения происходит богатый и вполне показательный керамический комплекс, датирующийся в основном последней четвертью VI в. до н.э. Отметим находку расписной клазоменской амфоры.

Одним из наиболее интересных результатов работ на участке “Н” можно считать открытие нескольких больших котлованов неправильной формы (СК № 7а, б, в, г и СК №21). Керамика из их заполнения датируется в пределах второй половины V - первой половины IV века до н.э. По всей видимости, более узкую дату (рубеж V-IV вв. - первая четверть IV в. до н.э.) дают амфоры, поскольку большая часть чернолаковых сосудов относится к середине - второй половине пятого столетия.

Нам не удалось установить, являются ли котлованы 7а, б, в, г частями одного сооружения, или же они просто весьма близки по времени существования. Наиболее вероятным представляется первое. Данные стратиграфии свидетельствуют, что все эти котлованы были засыпаны одновременно.

Обращает на себя внимание необычная конструкция этого объекта, затрудняющая определение его функционального назначения: он состоит из четырех котлованов (№№ 7а, б, в, г) разделенных тонкими (толщина 0.15-0.20 м.), частично сохранившимися перегородками из материковой глины. Комплекс заглублен в материк на 1.40-1.60 м., причем уровень пола котлована 7б находился на 1 м выше полов 7а,в,г По данным стратиграфии, глубина засыпки котлованов достигает 2 м. Никаких следов промазок пола или очагов не зафиксировано; однако, вызывает определенный интерес уступчатая конструкция, вырезанная в материковой глине. Создается впечатление, что это – остатки лестницы, ведущей в котлован 7а.

Наиболее хорошо сохранился котлован №7в: это сооружение размерами 2.90X3.80 в плане приближаются к овалу. Практически вертикальные стенки котлована были врезаны в материк на глубину до 2.20 м. Никаких следов грунтовых конструкций, промазок пола и стенок, ямок от столбов и т.п. не зафиксировано.

Большую часть керамики в заполнении составляют крупные фрагменты стенок амфор Хиоса, Фасоса, Гераклеи, Менде, типов Солоха I и Солоха II, Лесбоса, и т.н. типа “Муригиоль”. Чернолаковые сосуды по большей части представлены фрагментами киликов и чаш со штампованным орнаментом; в числе ионийской керамики отметим светильники с полосами темного лака и около десятка крупных фрагментов верхней части диноса с S-образным орнаментом под венчиком.

Форму строительного комплекса №21 почти невозможно восстановить, поскольку он прорезан тремя римскими ямами, а его стенки уходят в северный и западный борта раскопа.

Среди находок следует отметить два фрагмента архитектурного декора - акротерия с листьями аканфа и фасадной черепицы с меандром по краю. Чернолаковая аттическая и ионийская керамика из заполнения этого сооружения датируется в пределах второй половины V – первой половины IV вв. до н.э.; амфорная тара относится в основном к концу V – первой половине IV вв. до н.э. Необходимо отметить, что, в отличие от СК№7, в заполнении СК21 широко представлены находки, датируемые временем около середины IV в. до н.э. – фрагменты канфаровидных чернолаковых киликов, хиосских амфор с высокой массивной “колпачковой” ножкой и т.п. Эту дату и следует принять как время засыпки котлована.

Помимо описанных выше комплексов, за все годы работ на раскопе “Н” были также открыты шесть ям, датирующиеся тем же временем – концом V – первой половиной IV в. до н.э. (№№ 4, 8, 12,13, 15, 18). Диаметр ям – в пределах 1-1.70м; они врезаны в материковую глину на глубину от 0.4 до 2.20 м. Соотношение различных групп керамики в их заполнении очень напоминает керамический комплекс из СК№7.

В южной части участка исследованы довольно невыразительные наземные строительные остатки римского времени, представлявшие собой часть каменной вымостки двора, хозяйственную яму и пифос. Вымостка оказалась ориентированной по линии С-В - Ю-З, что не соответствует данным, полученным в результате геофизической разведки. К северу от вымостки открыт каменный ящик, образованный поставленными на ребро каменными плитами. Заполнение ящика представляло собой рыхлый золистый грунт с единичными маловыразительными фрагментами керамики. Вокруг ящика расчищена площадка из утрамбованной обожженной глины.

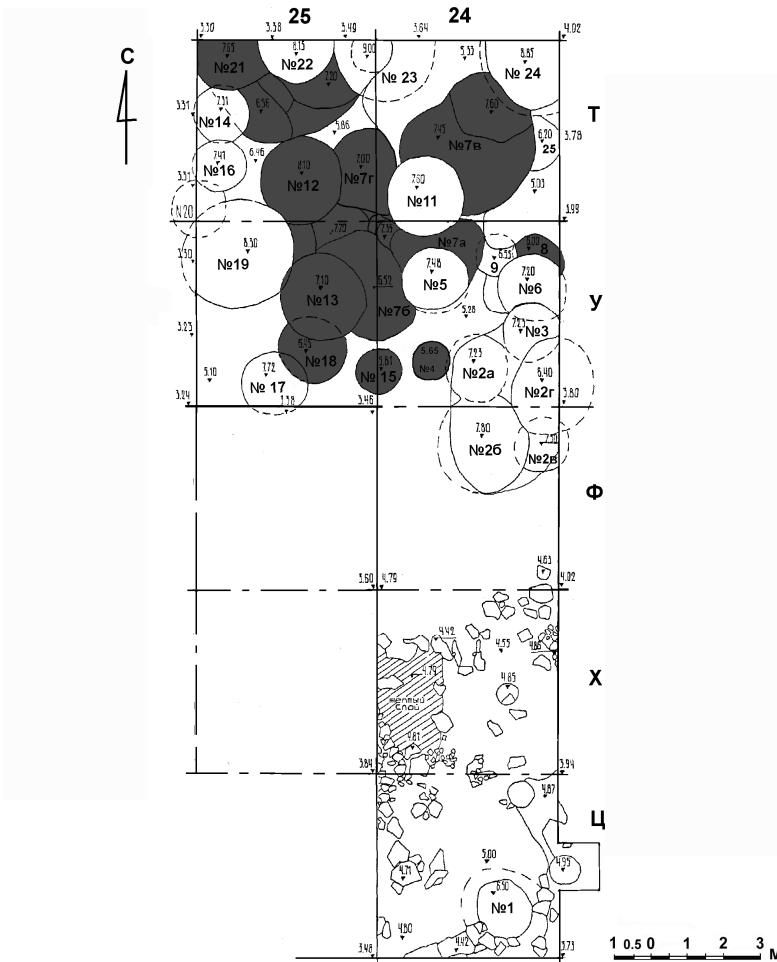
За исключением отмеченных выше конструкций, никаких следов наземных сооружений на площади участка “Н” не обнаружено. Таким образом, работы не принесли результатов, ожидавшихся по данным электроразведки.

В северной части раскопа обнаружено несколько хозяйственных ям, датирующихся римским временем. Следует особо отметить СК№19, представляющий собой огромную яму первых веков н.э. (диаметр на уровне дна - 3.4 м, глубина от устья - около 4 м.; в нижней части стенок сохранились следы плотной глиняной промазки). Керамические материалы из заполнения этой ямы довольно немногочисленные; в основном они представлены фрагментами амфор первых веков н.э., краснолаковой керамики II-III вв. н.э. - мисок и кубков, стеклянных сосудов.

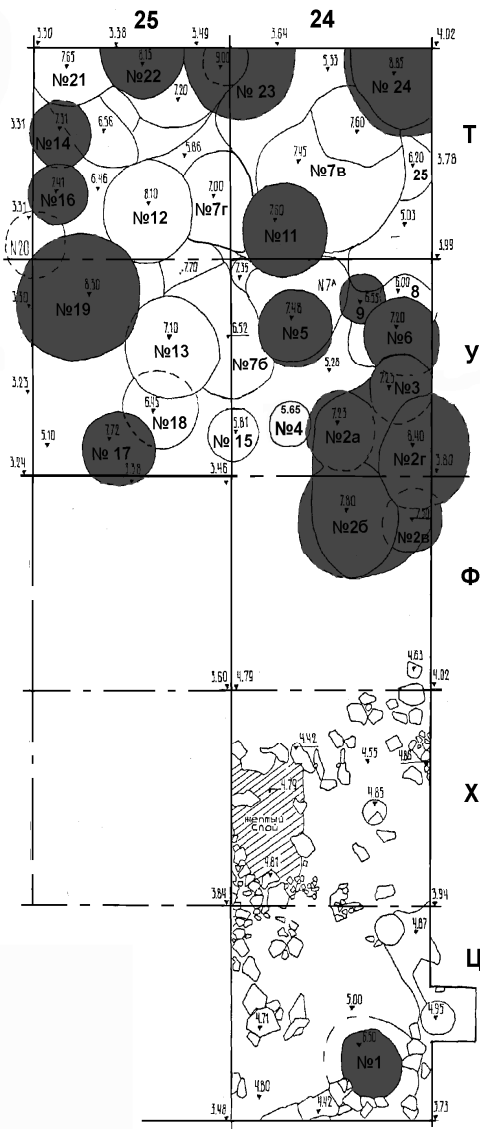
Таким образом, полученная нами на юго-западной оконечности Нимфейского плато картина во многом совпадает с ситуацией в центральной части городища (раскопы В-С), исследовавшемся

М.М.Худяком в 30 - 50-е годы. Общеизвестно, что на т.н. "акрополе" культурных напластований и строительных остатков эллинистического периода - 2-й половины IV - I вв до н.э. практически не было обнаружено.

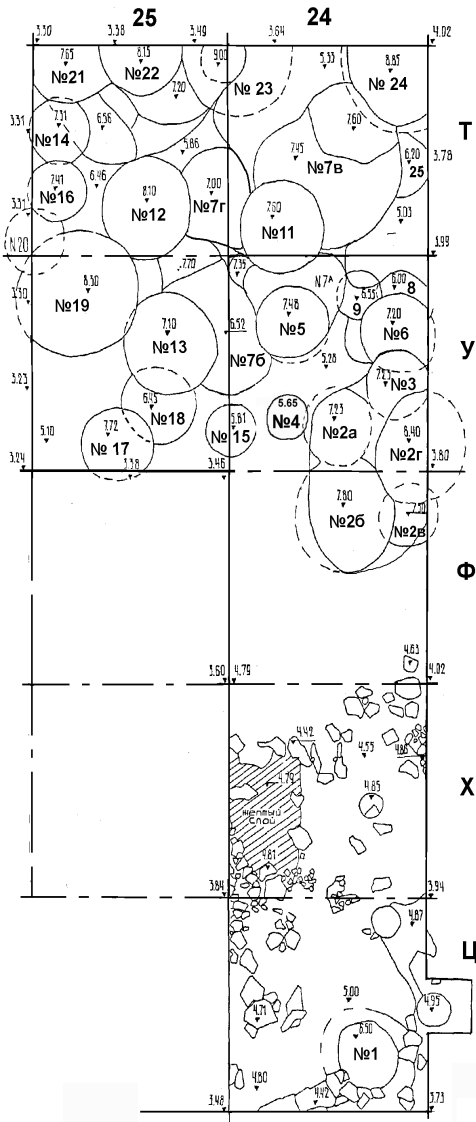
Полевой сезон 1998 г. стал итоговым в исследованиях на территории раскопа "Н": дальнейшие работы в этой части Нимфейского плато в ближайшем обозримом будущем признаны нецелесообразными. В конце сезона раскоп был законсервирован

НИМФЕЙ-98 УЧАСТОК "Н"
КОМПЛЕКСЫ 2й ПОЛОВИНЫ V - 1й ПОЛОВИНЫ IV В. ДО.Н.Э.

НИМФЕЙ-98 УЧАСТОК "Н"
КОМПЛЕКСЫ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

НИМФЕЙ-98 УЧАСТОК "М"

БЮСТ ИЗИДЫ ИЗ НИМФЕЯ

В 1941 году при раскопках в юго-восточной части городища Нимфей, в районе оборонительной стены IV в. до н. э., в слое было найдено бронзовое изображение богини, одетой в хитон. Односторонняя протомы (?) выполнена в высоком рельефе. Голова богини, посаженная на короткую массивную шею, повернута влево. У нее полное лицо, широкий нос, пухлые губы плотно сжаты. Пышные длинные волосы разделены на прямой пробор и локонами спускаются на плечи. Головной убор в виде рогов, перьев и диска Луны является принадлежностью богини Изиды, что позволяет нам атрибутировать данное изображение. Из-за повреждения поверхности изображения окислами некоторые детали головного убора плохо читаются. О назначении данного предмета говорить сложно. Судя по следам на оборотной стороне, изображение богини должно было быть прикреплено к какой-то основе.

Распространение восточных культов, в частности культа Изиды, в Греции и Малой Азии происходит в конце IV - начале III в. до н. э. (Неверов 1976, с. 172-173). Постепенно они начинают завоевывать своих почитателей. Культ Изиды станет одним из самых популярных среди восточных культов на территории Римской империи. Ей будут посвящены храмы, святилища, алтари; изображения богини и надписи в ее честь будут найдены в разных местах огромной империи.

В эллинистическую эпоху культ александрийских богов Изиды и Сераписа начинает проникать и в Северное Причерноморье, в частности на Боспор. Но здесь в этот период поклонение чужим богам является частной инициативой. Культ Изиды получает широкое распространение в среде моряков и купцов, так как богиня являлась покровительницей торговли и мореплавания, совмещая в себе функции различных богов, в том числе богини плодородия (Ревиль 1898, с. 59).

Свидетельством распространения культа Изиды в причерноморских городах, в частности на Боспоре, могут служить находки предметов с изображениями богини и ее атрибутов и надписями в ее честь. Среди них бронзовые перстни с изображениями Изиды и Сераписа, найденные в Фанагории и Пантикапее (Неверов 1976), надписи из Ольвии и Тиры (Соломоник 1973), бронзовая статуэтка Изиды из Херсонеса (Рыжов 1992) и бюст богини из Горгиппии (Кругликова 1971), терракотовые статуэтки, подвески с ее изображениями и т. д.

Найденное в Нимфее изображение богини может служить дополнительным свидетельством распространения культа Изиды на Боспоре, и в частности в самом Нимфее. О том, что в Нимфее были почитатели этой богини, мы можем судить по находкам перстней с ее изображениями в городском некрополе. Открытие в Нимфее святилища

Афродиты, где на одной из стен сохранилось изображение корабля под названием “Изида”, позволило Г. Семенову высказать предположение о том, что в Нимфее весной могли происходить празднества в честь Изиды по случаю открытия навигации (Семенов 1996).

В связи с этим следует особенно отметить надпись, найденную на Делосе в храме Сераписа и датируемую II в. до н. э.: ”Евтих, сын Аполлония, нимфеец, в дар за себя и за своего сына Евбуда, и за всех плавающих Зевсу Сопутствующему, Серапису, Исиде, Анубису, Гарпократу и богам, почитаемым в одном храме и на одних алтарях.” (Граков 1939, с. 286).

Таким образом, полученные в результате многолетних раскопок Нимфея материалы позволяют нам говорить о том, что, начиная с эллинистической эпохи, среди определенной группы жителей Нимфея - купцов и моряков - получает распространение культ богини Изиды в ее ипостаси покровительницы мореплавания и торговли. По-видимому, на начальном этапе распространения этого культа ее почитатели могли отождествлять богиню с Афродитой Навархидой и приносить дары Изиде в святилище Афродиты.

А.А. МАСЛЕННИКОВ

Москва, Институт Археологии РАН

НЕКРОПОЛИ В ЛАНДШАФТЕ ХОРЫ АНТИЧНОГО БОСПОРА

Принято считать, что некрополи являются неременным элементом ландшафта окрестностей любого античного населенного пункта. Между тем, это положение отнюдь не бесспорно, в частности применительно к Боспору, и нуждается в известных уточнениях. Скажем сразу, что речь пойдет лишь о территории Восточного Крыма. Возможно, между азиатской и европейской частями этого государства существовали определенные различия, но они еще не вполне ясны, да и преувеличивать их вряд ли следует.

Обращаясь к самому раннему периоду боспорской истории, мы с большой долей вероятности можем предположить, что уже первые греческие поселенцы у границ своих сельских угодий (скорее всего, оговоренных первоначально особыми соглашениями с местными варварами) сталкивались с курганными могильниками аборигенов. Причем, как об этом позволяет судить имеющийся в нашем распоряжении относительно небогатый археологический материал, это были, как правило, памятники глубокой, даже по понятиям того времени, древности.

Известно, что курганы с захоронениями эпохи бронзы (для данной территории, видимо, в основном т.н. Кеми-Обинской и несколько более поздних культур) в большом числе встречаются на пространствах полуострова. Главным образом, они располагались на вершинах водоразделов и столь характерных для местного пейзажа скалистых хребтов с сопками древних грязевых вулканов тянущихся с запада на

восток. Уже неоднократно отмечалось, что они, как бы сходясь к берегам пролива, образовывали естественные дороги, которыми пользовались местные кочевники задолго до образования государства Спартокидов.

Не исключено, что циклопические кладки курганов Золотого и Кора-Обы (как и возможно, еще некоторых, не сохранившихся до нашего времени) также относятся к группе этих памятников. В силу своей хорошей сохранности и монументальности, они, надо думать, поражали воображение боспорских греков куда сильнее, чем наших современников. Теоретически можно предположить, что эти погребальные сооружения (если конечно они таковыми являлись) служили своеобразными ориентирами при «демаркации» греко-варварских границ и последующем разделе сельских территорий.

В то же время вряд ли на протяжении первых десятилетий своей истории античный полис и хора на Боспоре различались составом и образом жизни их населения. И, следовательно, нет оснований говорить об особых сельских чертах и традициях, включая место и способ захоронений. Как долго все это имело место, не вполне ясно. Но на примере хоры Нимфея, о которой сейчас наши знания по сравнению с прочими более конкретны, видно, что хотя бы часть обитателей пригородных поселений, практиковала погребение своих умерших под расположенными вблизи, относительно небольшими курганными насыпями по крайней мере с конца V в до н.э. В следующем столетии это становится весьма распространенной практикой. Правда, не совсем ясен статус данных поселков: типичная сельская усадьба на наделе или «деревня», населенная несколькими семьями земледельцев.

Период первого расцвета Боспора и, разумеется, его хоры (вторая четверть IV-первая треть III вв. до н. э.) в рассматриваемом плане гораздо более показателен. Полноправные горожане ближней хоры , скорее всего, хоронили своих покойников в установленных городских некрополях, которые либо составляли элемент непосредственно пригородного пейзажа, либо в качестве курганных аллей или т.н. сплошных могильных насыпей простирались достаточно далеко. Чем определялся для боспорян (точнее жителей боспорской столицы) в каждом конкретном случае выбор между этими двумя группами - однозначно сказать трудно (имущественные или социально-этнические причины). Складывается впечатление, что представители части населения, занимавшего наиболее высокое социальное положение, предпочитали возводить в это время свои гробницы в относительном удалении. Не на границе ли городской хоры? В известной степени это относится , видимо, к членам правящей династии и особенно – к лицам, составлявшим греко-варварскую элиту.

Об обитателях сельских поселений ближней хоры Нимфея выше уже писалось. Жители т.н. малых городов по причине небольшой протяженности их сельских владений, вероятнее всего, не практиковали захоронений вне городских некрополей. Во всяком случае, мы не

располагаем сведениями иного рода.

Ситуация в окрестностях Пантикапея - Мирмекия более сложная. Возможно, тут существовали особые некрополи, сопутствовавшие «усадебным агломерациям».

Обратимся теперь к территории дальней хоры. Есть серьезные основания полагать, что археологические памятники здесь можно более или менее четко разделить на две основные группы. Это, во-первых, большие и богатые усадебные комплексы, возможно, принадлежавшие членам правившей династии. Во вторых, весьма многочисленные деревни, обитателей которых с большой долей вероятности можно связать с местным варварским этносом. Последнее подтверждается и соответствующим анализом значительного числа погребений в расположенных поблизости курганных и иных могильниках. Не касаясь специфики погребального обряда, отметим лишь, что это, как правило, курганные группы или скопления («цепочки») каменных ящиков с кольцевыми оградками. И те и другие занимали возвышенные места, но для вторых было особенно характерно размещение на вершинах скалистых холмов и кряжей. При этом они играли, надо думать, заметную роль в ландшафте Приазовской прибрежной зоны. Служили ли те и другие также своего рода отметками, условными ориентирами общинных или даже этнокультурных границ и владений, доподлинно неизвестно, но это не исключено.

Весьма примечательно, на наш взгляд, следующее обстоятельство. Несмотря на самые тщательные разведки, вблизи поселений первой группы, т.е. усадеб царской хоры до сих пор не выявлено собственно античных некрополей. При этом поблизости встречаются синхронные гробницы варварского облика. Правда, в них отмечены отдельные погребения, совершенные скорее по греческому, чем по какому-либо иному обряду. Но в целом «картины» это не меняет. По видимому, можно признать, что обитатели этих больших усадеб (а это все же был достаточно представительный коллектив), и в первую очередь их владельцы, здесь постоянно не жили и хоронили умерших на родовых или семейных участках городских некрополей. Речь идет, конечно, о некрополе Боспорской столицы. Разумеется, исключения разного рода случались или допускались (воины, слуги, рабы). Причем с последними (если таковые имелись) поступали проще (море, зольники-свалки, безынвентарные, случайные погребения).

Весьма примечательно, что все только что сказанное, видимо, применимо и в отношении малых усадеб античного облика, синхронных вышеупомянутым. Они выявлены и отчасти раскопаны невдалеке от последних. Трудно сказать, кем (владельцами или просто пользователями) были обитатели этих скромных хозяйств, но они, скорее всего, не оставили поблизости соответствующих «следов». И это при том, что от Пантикапея или иного большого города их отделяло достаточно приличное расстояние

в 25-30 км. Отметим попутно еще раз, что соседство двух этно-культурных массивов на дальней хоре Боспора в этот период было в буквальном смысле непосредственным. Могильники местного туземного населения находились подчас вблизи эллинских поселений.

Во второй половине III - начале I вв. до н.э. число обитателей сельской территории европейского Боспора, как известно, существенно сократилось. Нам практически неизвестны некрополи немногочисленных прибрежных городищ. Во всяком случае, соседствующий с ними ландшафт не отмечен никакими соответствующими специфическими деталями. Но мы вправе предполагать существование небогатых по инвентарю и простых по обряду грунтовых некрополей. Трудно допустить, чтобы жители этих достаточно крупных, хорошо укрепленных поселков периодически наезжали сюда из городов, подобно владельцам пригородных усадеб.

В отношении последних - ситуация несколько более определенная. Так, недалеко от раскопанной еще в 50-е годы между Пантикапеем и Мирмекием большой усадьбы недавно был частично исследован грунтовой некрополь с гробницами этого же времени. Учитывая наличие рядом еще нескольких аналогичных построек и равноудаленность этого места от вышеупомянутых городов, принадлежность могил сельскому населению ближней хоры вполне вероятна, хотя и не бесспорна. В любом случае, грунтовые некрополи и, возможно, т.н. сплошные могильные насыпи были заметным элементом пейзажа вдоль оживленных дорог, связывавших города и городки этой наиболее обжитой части Боспора Киммерийского.

Существенные перемены в организации боспорской хоры в середине - второй половине I в. до н.э. не могли не сказаться и на топографии некрополей.

Особо отметим, что наши знания о памятниках пригородных территорий вообще крайне ограничены. Ни одного усадебного комплекса и это весьма примечательный факт тут пока не выявлено. И хотя ни причины, ни обстоятельства такого запустения не ясны, можно с определенной долей уверенности допустить, что значительная часть прежних грунтовых некрополей была заброшена и малоприметна в первых веках н.э. Вместе с тем, тут появлялись отдельные богатые и внушительные погребальные сооружения - каменные подкурганые склепы. По-видимому, они принадлежали пантикапейской знати, но вот входили ли в черту столичного некрополя или сознательно воздвигались обособленно - не ясно. Так или иначе, но эти гробницы отчасти обновляли местный пейзаж. Как показывают раскопки, в I-III вв. н.э. продолжали «функционировать» и сплошные могильные насыпи.

Гораздо конкретнее наши представления о местоположении грунтовых некрополей дальней хоры в «римскую» и ранневизантийскую эпоху. Они надолго становятся неотъемлемой чертой сельского ландшафта в ближайших окрестностях довольно многочисленных и, видимо, разнотипных и несколько различавшихся этносом населения городищ.

Занимая, как правило, относительно ровные пространства, они в более поздний период «осваивают» иногда и склоны холмов, подчас довольно крутых.

Взору боспорян здесь представало, видимо, большое число невысоких надмогильных насыпей, кольцевых выкладок из дикарного камня и очень редкие стелы-надгробия. Пожалуй, каким-то образом помечались и входы в дромосы грунтовых склепов, фиксированных также холмами выброшенного при их строительстве светлого материкового грунта.

Нечастые впускные захоронения кочевников IV-VI вв. н.э. в старых курганах не меняли общей картины степных и прибрежных пространств полуострова.

В сущности, она оставалась почти такой же вплоть до появления здесь русских переселенцев и широкого хозяйственного освоения Восточного Крыма в XIX - XX вв.

З.В. ХАНУТИНА
Санкт-Петербург, ГМИР

СВЯТИЛИЩЕ НА НЕКРОПОЛЕ ИЛУРАТА

Три полевых сезона с 1995 по 1997 год в северо-западном углу северного участка некрополя Илурата исследовалось необычное культовое сооружение, получившее порядковый №162. «Святилище» было расположено в точке, доминирующей над близлежащим ландшафтом. Оно имело подпрямоугольную форму (вытянуто по оси юго-восток – северо-запад) со скругленными углами, ориентированными точно по сторонам света. Стены его находились на глубине 0,25-0,6 м. от современной дневной поверхности. Длина сооружения – 5 м., ширина – 4 м. Основанием (полом) является подтесанная скала, лежащая на глубине около 1 м. от дневной поверхности. Огораживающие его стены, местами сохранившиеся на высоту до 0,7 м., надстраивались на скальном основании однослойной иррегулярной постелистой кладкой из необработанных камней. Там, где кладка обрывалась, контур стены обозначался грубо обработанными плитами известняка, поставленными на ребро или отдельными подтесанными камнями. С юго-запада (почти от самого южного угла) в помещение вела лестница из двух ступеней и небольшой приступки. К лестнице подводила вымостка из плоских камней, длиной 1,8-1,9 м., шириной – 1-0,9 м. (немного сужается к входу).

Особый интерес в этом сооружении представляют выявленные внутри выгородки. Одна из них, подтреугольной формы, была открыта в юго-восточном углу. С юго-восточной и северо-западной сторон ее ограничивала однослойная постелистая кладка из небольших подобранных плоских плиток и уплощенных камней (длина стенок, соответственно, 1 м. и 1,1 м., высота 0,4 – 0,45 м.). С северо-восточной стороны были поставлены вертикально два камня пирамидальной формы (со сглаженными гранями), такой же высоты. Камни были обожжены, над

выгородкой встречались отдельные куски печины, а в заполнении ее – целый слой печины, фрагментов керамики и костей. Остальные выгородки менее выразительны и даже условны, так как камни и плитки известняка, образующие их стены лежали на грунте.

Зато бесспорно неслучайным является скопление довольно больших (от 0,2X0,4 м. до 0,4X0,6 м.) камней на некотором возвышении в центре сооружения (возможно алтарь-жертвенник), среди которых находились кости животных (лошади). Овальное воронковидное углубление, «пойманное» в верхней части по пятну светлого суглинка в темном грунте и завершающееся внизу подрубкой и трещиной в скале, в свою очередь могло быть жертвенной ямой. Диаметр ямы книзу уменьшается от 0,5-0,8 м. до 0,35-0,5 м., глубина - 0,3 м.

Наброска камней в верхнем слое производила впечатление искусственной. По всей площади внутри сооружения в грунте заполнения среди камней и щебня встречались многочисленные кости, фрагменты керамики и раковины виноградных улиток.

При расчистке и разборке выгородок и жертвенника в центре сооружения, в грунте между камнями повсеместно встречался пепел, кости, фрагменты керамики. В центре удалось выявить три пятна, в которых насыщенность ими была особенно велика, а также попадались куски печины, угли и скопления раковин виноградных улиток. В заполнении одного из этих пятен оказалась медная монета, а прямо напротив входа, под грядой из грунта с пеплом и камнями в 0,1 м. от пола (скалы) – железный лабрис.

Над самым полом (0,2-0,3 м.), в центре оказалось еще одно пятно округлой формы (диаметр 1-1,1 м.) со скоплением костей и керамики, а под ним (с небольшим смещением к северу) - неглубокая (0,08-0,1 м.) вырубка в скале овальной формы (0,4 X 0,55 м.). Эта вырубка была соединена искусственными канавками с другой округлой вырубкой, расположенной в 1,2 м. к западу вверх по скале (перепад высоты 0,1-0,15 м.). Посередине последней вырубki *in situ* лежал известняковый жернов (диаметр 0,52 м., толщина – 0,07). На боковой поверхности жернова имелся скол, а сам он, вероятно под давлением наваленной сверху земли и камней растрескался. Паз для крепления жернова с воротом, возможно не случайно, был точно ориентирован по оси восток-запад. Не вызывает сомнений то, что и в данном случае (они уже зафиксированы на некрополях Илурата и Китея неоднократно) жернов находит себе вторичное использование в качестве своеобразной эсхары. Под жерновом на нескольких фрагментах керамики (1 стенка от лепного сосуда и 6 от кружального) лежала яйцевидная галька. Под жертвенником вырубка в скале имела форму сектора воронки. В самом низу она завершалась округлым углублением, которое канавкой соединялось вырубкой, расположенной в центре. На полу имелось еще несколько лунок, возможно искусственного происхождения.

Кости человека в сооружении №162 обнаружены не были. Палеозоологический анализ показал, что костные останки принадлежали следующим животным: 1-2 взрослым лошадям и полувзрослой; 2-3 взрослым коровам (возможно разного пола) и молодой; овце, 2 овцам или козам, козе (некоторые таранные кости этих копытных были подточены); 1-2 свиньям или дикому (?) кабану, собаке и птицам. Помимо этого было установлено, что челюсть, найденная у самого входа – коровья, а некоторые бедренные кости лошадей были просверлены в таранной и дистальной частях. На многих костях имелись следы, по всей вероятности собачьих зубов.

Подавляющее большинство вещевых находок – фрагменты керамики, преимущественно амфорной. Особого упоминания заслуживают стенки и ножки эллинистических амфор IV в. до н. э. – гераклейской и фасосской – самые ранние амфорные остатки, найденные на некрополе Илурата. Преобладали же боспорские красноглиняные и южнопонтийские светлоглиняные амфоры конца I – второй половины III в.н.э. Абсолютным хронологическим ориентиром является найденная в святилище монета - сестерций Савромата I (93/94 – 123/124 гг. н.э. (близкая аналогия у Н.А.Фроловой относится к V серии 115-118 гг.). Но кроме бесспорного факта функционирования святилища postquam – во II в. н.э. или позже – она ни о чем не говорит. О культовом назначении сооружения свидетельствует и железный лабрис. Среди остальных находок – открытый лепной светильник на ножке, лепная керамика с гребенчатым орнаментом по тулову сосуда и вдавливами по венчику, а также красноглиняный кружальный сосуд с орнаментом, белой краской (горизонтальные полосы по горлу и, между последними, на переходе от горла к тулову – геометризованная «бегущая волна»).

Святилище №162 может стать ключем к пониманию 7 других каменных «кругов», раскопанных на некрополе Илурата (Хршановский, 1997). Культовые сооружения подобного типа встречались и на некрополях других боспорских городов, например Мирмекия (Капошина, 1959). Самая близкая аналогия, возможно связанная генетически с илуратскими комплексами – культовые сооружения савромато-сарматского Лебедевского могильника II – нач. III вв. н. э. (Мошкова, 1984).

И.А.ТУЛЬПЕ
Санкт-Петербург, СПбГУ

НЕКРОПОЛЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ

(по материалам раскопок некрополей Илурата и Китея в 1968 – 1998 г.)

За тридцать лет работы археологической экспедиции Государственного музея истории религии на некрополях Илурата и Китея было открыто приблизительно 110 объектов (склепов, могил, тризн), содержащих (или содержавших до разграбления или полного исчезновения)

останки почти двухсот детей (точнее, от плода человека до подростка). Более 30 из них были доследованы за современными грабителями в ходе охранно-спасательных работ последних 5-6 лет. Особенно печальна судьба некрополя Китея, более привлекательного для «счастливчиков» и подвергнувшегося значительным разрушениям. Из 42 «детских» объектов, раскопанных здесь за 10 сезонов, около половины были разрушены и ограблены в межсезонье. Однако и имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют подвести некоторые предварительные итоги.

Останки детей были обнаружены наряду с костными останками взрослых в мешаном грунте или грабительских отвалах 3 илуратских и 8 китейских склепов, в рядовых могилах – по 8 на обоих некрополях (количество взрослых – от одного до полутора десятков; захоронения одновременные и разновременные; на некрополе Китея в половине случаев остеологический материал был найден в грабительских отвалах). Раскрыты совместные детские и подростковые захоронения в одной могиле (6 на Илурате, из них 4 младенческие; 2 на Китее, из них одно младенческое). Одиночных погребений на Илурате – более 40, из них 15 это захоронения детей в возрасте от 0 до 10 лет и 3 подростков от 12 до 18 лет; в остальных случаях возраст неустановим из-за состояния останков или их отсутствия, а могила определяется как детская по размерам. На Китее одиночных могил открыто более 30, из них 3 младенческих.

«Детская» тема возникла не только потому, что на некрополях неизбежно есть детские погребения, но, главным образом, из-за того, что они, в целом, отличаются от взрослых. Причиной этих отличий, вероятно, является иная (или несколько иная) функция умершего ребенка в погребально-поминальном обряде. Материал обоих некрополей позволяет обратить внимание на несколько сюжетов, которые могут в дальнейшем стать предметом специального рассмотрения.

1. Погребальный инвентарь присутствовал в большей части непогрезованных захоронений. Репертуар предметов, вероятно, был обусловлен сакральным смыслом погребального ритуала. Однако попытки реконструкции этого смысла весьма затруднены тем, что набор каждого захоронения практически неповторяем. Он может быть разнообразным и обширным или ограниченным глиняными черепками, угольками, кремневым отщепом или кусочком гранита. Привычные составляющие погребальных наборов – краснолаковые чашечки, фибулы, браслеты, бусы, кольца и т.д. – ни количеством, ни сочетанием предметов не образуют однозначно устойчивых систем. Но выберем несколько детских погребений на северном участке некрополя Илурата, относящихся примерно к одному времени I – II века н. э. И, возможно, сможем конкретизировать проблему связи инвентаря и обряда.

Н-94 саркофаг, выдолбленный в блоке известняка (1,1x0,3-0,5x0,15-0,2), с плохо сохранившимся скелетом ребенка в возрасте до 1 года. Инвентарь: гагатые и стеклянные бусы, бронзовые колечки (серьги). Н-95

грунтовая (0,85x0,3-0,45x0,4) могила со скелетом ребенка от 1 до 2 лет. Инвентарь: браслет с 2 бусинами на правой руке, бусы у черепа. Н-76 грунтовая могила (0,8x0,35-0,4x0,2-0,25) с плохо сохранившимся скелетом ребенка 1-1,5 лет. Инвентарь: 55 бусин, 3 бронзовые спиральные привески, бронзовая нашивная бляшка, скарабей египетского фаянса, бронзовый браслет с колокольчиком на левой руке, в могиле найдено зерно.

В двух грунтовых детских могилах были обнаружены плохо сохранившиеся костяки детей одного возраста – 8-12 месяцев. Но в одном случае (Н-58 1,0x0,45-0,7x0,45x0,5) погребальный инвентарь состоял из разнообразных бусин, пронизей из египетского фаянса (скарабей и лев), бронзовой подвески-гермы, бронзовой фибулы, бронзового браслета с бусинами и колокольчиком, тремя краснолаковыми чашками, поставленными одна в другую и лепного гуттоса – в ногах. В другом погребении - Н-60 (0,65x0,3x0,23-0,3) - младенца сопровождал только бронзовый браслет.

Н-79 грунтовая могила (1,0x0,4-0,5x0,2-0,25) с плохо сохранившимся костяком новорожденного ребенка. Инвентарь: бусина, пронизь из египетского фаянса с изображением обнаженной женщины с поднятыми к подбородку руками, плакетка с головой младенца Гора, бронзовая фибула, 2 бронзовых колокольчика, верхняя часть фигурки из египетского фаянса с изображением Гарпократа, скарабей, лев, розетка и гениталии, фрагмент гагатовой плакетки с изображением головы лошади, кремневый отщеп. Н-96 грунтовая (0,7x0,25-0,35x0,25-0,28) могила с сохранившимися отдельными костями ребенка в возрасте до полугода. Единственная находка – створка большой устричной раковины.

Ряд одиночных погребений детей в возрасте от 0 до 2 лет можно дополнить материалом нескольких коллективных погребений младенцев, подростково-младенческих и взросло-младенческих..

Н-59 грунтовая могила (0,75x0,45-0,6x0,25) с плохо сохранившимися остатками костяков двух младенцев в возрасте до двух месяцев, ориентация одного из головой на запад, другого - не устанавливается. Инвентарь: 37 разнообразных стеклянных бусин и краснолаковая чашка. Н-61 - плитовая могила (1,2x0,55-0,65x0,5) с костными останками от двух до четырех детей в возрасте до 1 года (костяки в беспорядке); погребальный инвентарь: бронзовый колокольчик, костяная зооморфная подвеска, 4 бусины и угольки. Н-114 грунтовая могила (0,8x0,4x0,5) с плохо сохранившимися скелетами трех детей: лежащему в середине - 14-16 месяцев, по обе стороны от него покоились 2-месячные младенцы. Инвентарь: на всех - бронзовый браслет с колокольчиком, бисер, бусы, 2 бронзовые фибулы, бронзовая спиралевидная подвеска, под черепом среднего – 3 скарабей из египетского фаянса, бронзовые цилиндрики и спиралевидная привеска, фибула. На левой руке у третьего – бронзовый браслет, бисер и бусы. Угольки по всей площади могилы.

Н-129 грунтовая могила (1,4x0,45-0,5x0,4-0,55), в которой раскрыт костяк подростка 10-12 лет *in situ*, на нем костяк ребенка 8-10 лет и на берцовых костях первых двух - останки новорожденного. Инвентарь подростка - бронзовый браслет и браслет из гагатовых бусин на левой руке, ребенка - рубленый бисер, бронзовая фибула на груди, на тазовых костях краснолаковая чашечка, на ногах бронзовые браслеты. Вероятно, к новорожденному, кроме бронзового браслета на левой ноге, относятся чернолаковый канфароидный килик эллинистического времени, бронзовая фибула под черепом, бронзовый диск с кругами, пронизи египетского фаянса (скарабей и алтарик), бусы. Сохранились остатки деревянного гроба. Кстати, в полуметре от этой могилы находилась грунтовая могила Н-130 с костяком 2-3 месячного младенца. Погребальный инвентарь: краснолаковая чашечка у черепа, бронзовый браслет - на левой руке, бронзовая пронизь с ушком для подвешивания.

Н-98 грунтовая могила (2,3x0,55-0,6x0,75-0,8) со скоплениями костей от двух до четырех детей в возрасте от полугода до двух лет. Эти останки находились в верхнем слое над погребением мужчины, на левой руке которого был перстень с геммой, изображающей Фортуну. Инвентарь верхнего слоя составили краснолаковая чашка, стеклянный бальзамарий, бисер, бусины; краснолаковая чашка, два бронзовых браслета, бронзовая подвеска, фрагмент бронзового перстня, бусы из разных материалов и пронизи из египетского фаянса - два скарабея, лев, кисть руки (кукиш) в бронзовой оправе.

Очевидно, что если и не каждое детское (0-6 лет) погребение предполагает наличие обширного репертуара сопровождающего инвентаря, то семантически значимые предметы, в частности, пронизи из египетского фаянса, спиралевидные подвески присутствуют преимущественно в детских, особенно, младенческих захоронениях (Н-58, Н-76, Н-79, Н-91, Н-98, Н-114 Н-129). Возможно, что «младенческие» наборы, не включающие названных предметов, имеют «синонимы», пока не распознаваемые нами. В конечном счете, ситуация перехода в цикле смерть-возрождение может быть маркирована и кремневыми отщепами и створкой раковины (Н-96) и даже только угольками (Н-75). Возможно, близки по смыслу спиралевидные подвески (Н-76, Н-114) и спирали на щитке бронзового перстня (Н-168). Или браслеты, присутствующие в значительной части захоронений.

2. Особый поворот детская тема приобретает в связи с захоронениями лошадей, сопровождающими детские погребения, сюжет, который присутствует в равной степени на обоих некрополях.

Илураг. Северный участок. Н-62 саркофаг с погребением ребенка 3-6 месяцев. Инвентарь: бронзовый браслет, 165 шт. рубленого бисера, стеклянные бусины и пронизи с металлической прокладкой, гагатовые бусины. Рядом захоронение лошади Н-63. Грунтовая могила Н-108 (0,6-0,65x0,35-0,4x0,15-0,25) с фрагментами черепа младенца в восточной части.

Возле черепа: краснолаковая чашка, красноглиняный кувшин, прикрытый доньшком краснолакового сосуда, бронзовый браслет, бронзовая фибула, стеклянные и гагатовые бусины. В полуметре к северу под известняковой плитой – «семантически сокращенное» (череп и конечности) захоронение лошади.

Южный участок. Н-105 (1,0-1,15x0,6-0,8x0,25-0,45), ребенок 2-3 лет, головой на юго-запад. Инвентарь: бронзовая фибула, несколько стеклянных бусин (П пол. П – нач. Ш в. н. э.). Над могилой – несколько зубов лошади. Рядом захоронение лошади Н-106, над костяком которой – фрагменты амфорной красноглиняной, краснолаковой керамики.

Китей. Н-118 погребение в монолитном саркофаге (0,95-0,97x0,35-0,37x0,1), меридиональной ориентации. В грунте заполнения – ракушки, костный тлен, кальцинированные косточки. Почти в центре могилы – фрагменты костей черепа, несколько молочных зубов и бусина плохой сохранности. К югу, вплотную к южной стенке – захоронение лошади, лежащей на левом боку, мордой к востоку, на костяке – угольки. С севера оно огорожено камнями и известняковой плиткой, с востока – саркофагом (0,7x0,35x0,23), поставленным горизонтально на ребро, выемкой наружу.

Н-104 саркофаг, вырубленный из известняка, без плиты перекрытия, с плохо сохранившимся детским костяком, без инвентаря. Рядом захоронение лошади, над скелетом которой были красноглиняный амфориск и стенка светлоглиняной амфоры. В нагромождении камней над грунтово-щебничатой засыпкой захоронения лошади была найдена нижняя часть антропоморфного изваяния и известняковая плита с изображением статуи стоящего мужчины (Геракла), возможно, исполнявшая роль плиты перекрытия.

Еще два примера, объединяющих лошадей и детей в более насыщенных материалами ритуальных комплексах.

Китей. Ритуальная площадка Н-107 диаметром 3,2-3,7 м. Почти в центре круга, ограниченного рядом небольших необработанных камней, было выявлено зольное пятно неправильной вытянутой формы длиной 1,5 м, в котором были ракушки, угли, обожженные кости, в том числе, череп, возможно, человеческий, фрагменты керамики, буролаковая чашечка, кремневый отщеп и т.д. В северной части площадки, на ограждающих камнях, захоронение собаки, лежащей на правом боку мордой на север. В западной части площадки находилась детская грунтовая могила (0,6x0,25-0,3x0,3) Н-108, перекрытая известняковой плитой с несквозным квадратным отверстием. На дне могилы были найдены тлен костей и черепа ребенка, никакого инвентаря не было. Непосредственно под могилой было открыто захоронение лошади 8-10 лет (на левом боку, головой на запад). Оба погребения являются более поздними «впускными» в площадку. На линии окружности площадки Н-107 находился детский саркофаг Н-109, выдолбленный в известняковом блоке (0,8x0,6x0,2). Он был перекрыт двумя плитами, ни костей, ни вещей обнаружено не было. В полуметре к

юго-востоку от него раскопана еще одна «впускная» детская грунтовая могила Н-110 (1,2-0,75x0,65-0,7x0,5-0,55) с сохранившимся костным тленом, и костями черепа, а также фрагментом бронзового предмета, несколькими бусинами и бронзовой монетой с отверстием, фрагментами железа и керамики, лепным сосудом и раздавленным стеклянным бальзамарием.

Илурат. Рядом с грабленной детской могилой Н-158 (0,95-0,85x0,4-0,45x0,4) находилась тризна Н-159 с семантически сокращенным захоронением черепа и нижних конечностей 4-5-летней лошади, среди костей лошади были кости домашней курицы. К нему примыкал круг из камней, диаметром около 1 метра, в котором было обнаружено захоронение собаки, фрагменты плохо сохранившегося черепа **плода человека** (5-6 месяцев) и яичная скорлупа.

Заметим, что не все захоронения лошадей сопровождали детские погребения и наоборот не всем детским могилам сопутствовали лошади. Однако какая-то связь между ними определенно существовала, и лошадь в этом контексте, скорее всего была не ездовым животным, но выступала в своей хтоническо-плодородной ипостаси. Присутствие останков детей в тризнах в сочетании с лошадьёю и собакой может усиливать значение неродившегося или новорожденного ребенка как медиатора.

3. Антропоморфные изваяния и детские погребения – это китайский сюжет. Подавляющее большинство антропоморфных изваяний на Китае сопряжены с детскими погребениями, преимущественно младенческими.

Кроме уже упоминавшегося детского погребения Н-104 (с примыкающим захоронением лошади) на некрополе были найдены следующие памятники. Н-83 плитовая могила (0,9x0,2x0,3) с новорожденным ребенком. На юго-восточной плите перекрытия – антропоморфное изваяние (III в. до н. э.) лицевой стороной внутрь; возле черепа 3 бусины римского времени. Н-102 (0,4x0,15-0,2x0,3) плитовая могила, перекрытая известняковыми плитами, у западной торцовой стенки на боковой грани, головой к северу лежало антропоморфное изваяние. В могиле не было обнаружено ни костяка, ни инвентаря. Н-103 овальная грунтовая могила (0,95x0,35-0,45x0,05-0,07) была перекрыта 3 антропоморфными изваяниями. В могиле был найден плохо сохранившийся череп, под которым были скарабей, фрагмент костяного пряслица; бронзовые серьга и пластинка, уголька. Н-121 детская грунтовая могила, меридиональная ориентация (1,05x-0,8x0,45-0,3x0,25-0,3). Над могилой наряду с двумя камнями лежала нижняя часть (туловище) антропоморфного изваяния. В грунте заполнения - два уголька. Н-155 грабленная вырубная могила. В северо-восточном углу на скале, являющейся торцовой стеной могилы – лицом вниз рельеф с антропоморфным изображением: острые плечи, треугольная голова, треугольник на уровне живота (возможно, обозначающий место зарождения ребенка). В грабительском отвале были обнаружены камень, напоминающий голову антропоморфного изваяния,

костные останки мужчины и женщины старше 30 лет и ребенка. Н-262 непотревоженная грунтовая могила, ориентация – меридиональная. На двух южных плитах перекрытия – грубое антропоморфное изваяние с отколотой, но находящейся на своем месте головой. В могиле – плохо сохранившийся костяк ребенка около 3 лет, головой на север, угольки, фрагмент краснолаковой тарелки.

Вторичное использование в римское время антропоморфных изваяний, вероятно, отличалось от первоначального. Можно предположить, что включение их в ритуальные комплексы было обусловлено их связанностью с другим миром. Другим, в смысле, не «нашим» хронологически и или этнически. Другим, в смысле, загробным, так как и первично они, как известно, были частью погребального ритуала. То есть, антропоморфное изваяние (= пришелец из другого мира) исполняло функцию медиатора. С детьми, погребения которых, главным образом, и сопровождают эти изваяния, их, может быть, роднит недоделанность, переходность. «Антропоморф» - недостатая, каменный ребенок, как и ребенок - недочеловек, живой антропоморф

4. Дети как инвентарь в тризне.

Полифункциональность останков детей на некрополе может быть подтверждена обнаружением их не только в детских могилах в качестве объекта обряда. Так, на северном участке некрополя Илурата, к северу от Н-76 (детская могила, где наряду с вещами, сопровождающими младенца, было зерно) была открыта грунтовая, частично облицованная известняковыми плитами могила Н-77. В ней была погребена не рожавшая женщина 50-60 лет, с бронзовой фибулой, плохо сохранившимся бронзовым медальоном, красноглиняной ойнохойей. Костяк, особенно в области таза был посыпан семенами и зернами. В могиле была также краснолаковая чашечка с фрагментом детской бедренной кости. У склепа Н-1 была раскрыта грунтовая могила Н-90 (0,9x0,3м. -0,6x0,15-0,3м.) со скоплением костей мужчины до 20 лет, женщины или подростка, мужчины 40-50 лет, женщины, а так же фрагментом челюсти новорожденного и старческой челюстью. Инвентарь включал серьги, пинцет, бусины, браслет.

Конечно, наличие останков детей в этих погребениях может быть случайным или нехарактерным. Однако, в пределах сакрального пространства некрополя в непотревоженных могилах случайности маловероятны. И в женском погребении зерно на бесплодном лоне старухи коррелируется с детской ногой (анатомический код нижнего мира?) в глубине глиняной вселенной (чашка).

На некрополе Китея была доследована тризна на северо-западе от дромоса склепа Н-206. У дромоса Н-243 было погребение женщины 50-60 лет с деформированным черепом и браслетами, тризна содержала печину, фрагменты стеклянных сосудов, фрагменты терракоты и много различной керамики. Здесь, в западной прирезке, найдены другие кости взрослого

человека и череп ребенка до 2 лет. В тризне также – кости домашних животных, часть из них обожжена. При исследовании тризны на северо-западе от дромоса, в зольно-сажистом слое в северо-западном углу раскопа - скопление костей животных, печина, раковины виноградных улиток, развал костяка новорожденного ребенка; в северо-восточном углу возле камней кромлеха среди щебня, печины, фрагментов керамики – ребра новорожденного ребенка; в юго-восточном углу, в том же сажистом слое – раковины виноградных улиток, фрагменты железных предметов, оплавленного стекла, кости, в том числе, останки новорожденного ребенка. В юго-западном углу, в таком же пятне - печина, фрагменты амфорной и кружальной керамики, кости животных и новорожденного ребенка. Из определимых костей животных – лошадь, коза, корова, свинья и поросенок, собака, лиса, рыбы, клешни крабов, раковины мидий, птицы; большинство костей обожжено. При исследовании в 1997 году В большой камере, где наряду с керамическим и проч. материалом были найдены костные останки 5 мужчин (1, возможно, юноша 16-18 лет) и 2 женщин, взрослых и молодых животных, птиц, дельфина, рыб разных размеров, клешни крабов, створки мидий и устриц. Набор, представленный здесь, был больше похож на тризну, чем на погребения, даже сдвинутые или нарушенные. При исследовании камеры, под сброшенным грабителями известняковым «жертвенником» подквадратной формы, в отвале были найдены обожженные кости животных (?) и человека (?), а также человеческого эмбриона 5-6 месяцев.

Рассмотренный фактический материал дает основания выделить особое отношение к ребенку как объекту обряда и одновременно, как к средству. Ребенок синонимичен зерну или яйцу, это вариант зерна, плодородного жизненного начала. Младенец это потенциальная жизнь. Смерть ребенка преждевременна и это опасно для социума, как всякое нарушение миропорядка. Поэтому кажется, что в целом, младенческие погребения обставлялись особым образом. Семя, не успевшее прорасти и дать плод, не исполнило своей функции в одном (живом) качестве, но должно исполнить ее в другом. Может быть, поэтому сопроводительный инвентарь младенца, новорожденного содержал так много хтонически-плодородного, эротического – избыточно много: то ли, чтобы избытком жизни вытеснить избыток смерти, нарушившей порядок; то ли недавний выходец из лона, из другого мира и уже опять готовый в обратный путь, к переходу, был мостиком, медиатором миров.

Для подготовки этого сообщения использованы отчеты о раскопках некрополя Илурата, написанные М.М.Кублановым (1968-1979) и В.А.Хршановским (1984-1997), некрополя Китея, написанные В.А.Хршановским (1989-1997).

О КУЛЬТЕ АФРОДИТЫ НА БОСПОРЕ

Большое количество самых разнообразных данных свидетельствует о том, что культ Афродиты пользовался исключительной популярностью на Боспоре, а на азиатской его стороне был главным. Так, из девяти относящихся к рассматриваемому нами периоду лапидарных надписей с посвящением Афродите из Азиатского Боспора происходят шесть, причем среди них две древнейшие, относящиеся еще к V в. до н.э.

Наряду с главным святилищем Афродиты, Апатуром, местонахождение которого не установлено, другим важнейшим центром культа Афродиты на Тамани был город Кепы, само название которого указывает на связь с этим культом. Здесь было обнаружено древнейшее на Боспоре свидетельство культа Афродиты-граффито конца VI века до н.э.

На Европейском Боспоре кроме трех пантикапейских надписей о культе Афродиты свидетельствует найденный в раннем мирмекийском зольнике фрагмент граффито на обломке чернолакового килика V в. до н.э., а также часть граффито с посвящением Афродите на обломке краснофигурного килика V в. до н.э. из Нимфея.

В октябре 1871 г. в одном из курганов на западном берегу Цукурского лимана была случайно найдена сильно поврежденная двойная герма из белого мрамора с посвящением Афродите Урании, владычице Апатура.

Так как рассматриваемый памятник - вотив, одно лицо гермы должно было изображать богиню, в честь которой вырезана надпись, т.е. Афродиту. С другой стороны находилось лицо мужского божества.

Изображение Афродиты в виде головы, бюста или гермы несомненно указывает на ее хтонический характер, равно как подобные изображения других богинь природы, земли и плодородия - Деметры, Коры, Семелы. В связи с Афродитой исследователи справедливо полагают, что образцом для ее изображения только в виде головы послужили восточные прототипы (изображения Астарты через Афродиту Паракюптусу)

Что касается герм Афродиты, то они развились из аниконических ашер, которые стали известны в Греции через Малую Азию благодаря алтарям Астарты сиро-финикийских областей.

Ярчайшими восточными чертами Афродиты считаются ее эпитеты Урания ("небесная"), Эпитрагия ("на козле") и "в садах", а также ее связь с морем. Все эти черты наличествуют в культе Афродиты на Боспоре: Урания - ее самый распространенный эпитет здесь, изображение Афродиты, сидящей на козле, засвидетельствовано терракотовыми рельефами, Кепами ("садами") назывался город Азиатского Боспора, где обнаружено святилище Афродиты. Связь богини с морем фиксируется на Боспоре фигурными сосудами и терракотами, а в римское время культом

Афродиты Навархиды. О наличии на азиатской стороне Боспора культа Астарты под именем Астары известно из посвянительной надписи царицы Комосарии.

Мужское божество с обратной стороны гермы могло быть либо Гермесом, либо Дионисом, как о том свидетельствуют терракоты и изображения на вазах. Кроме того, сыном Афродиты и Диониса считался Приап, а Афродиты и Гермеса - Гермафродит.

Ближих аналогий нашему памятнику нет. Однако двойную герму мужского и женского божеств мы видим на одном "позднехалдейском", как называл его Лейярд, рельефе. Лейярд, а вслед за ним и Фарнелл считают этот памятник связанным с культом Иштар, причем в его андрогинном аспекте. Боспорская герма, посвященная Афродите Урании, скорее всего, также была связана именно с этим аспектом в культе богини.

Среди прочих данных, указывающих на характерность андрогинизма для культа Афродиты, наиболее интересным является свидетельство Геродота (I, 105) о том, что в сирийском городе Аскалоне скифы разграбили древнейшее святилище Афродиты Урании, за что богиня поразила грабителей и их потомков женской болезнью. Далее Геродот (IV, 67) рассказывает, что, по словам самих этих женоподобных мужчин-энареев, которые являлись наследственными прорицателями, это искусство дала им Афродита.

В связи с этой историей приходят на память мифы о прорицателе Тиресии, который был ослеплен либо Афиной, либо Герой. Взамен, однако, Тиресий получил дар прорицания (Apollod. III, 6,7). Структурно-типологическое сходство мифов о Тиресии с легендами о происхождении энареев станет еще ярче, если вспомнить о семантическом тождестве в греческих мифах ослепления и оскопления, что было доказано М.С.Альтманом на примере легенды о Тамириде.

Возвращаясь к аскалонскому храму Афродиты Урании, важно отметить, что этим именем Геродот назвал богиню Деркетю, изображавшуюся полуженщиной-полурыбой. Этот образ весьма напоминает Ехидну - змееногую деву, которая стала родоначальницей скифов, вступив в брак с Гераклом.

О близости или даже тождественности Ехидны и Афродиты Урании позволяет догадываться изложенный Страбоном (XI, 2, 10) миф об Афродите Апатуре. (О браке Афродиты с Гераклом Страбон не сообщает, да это ему и не важно, поскольку, излагая миф, он стремился объяснить эпитет Апатура, но на мысль о том, что богиня в награду за доблесть героя могла подарить ему свою любовь, наводят фольклорно-мифологические параллели).

Учитывая мифологическую и культовую связь Афродиты и Геракла на Боспоре, не исключено, что мужским персонажем нашей гермы мог быть и Геракл. Чтобы предупредить недоуменный вопрос, какое отношение к андрогинности мог иметь этот мужественный герой (наряду с

женоподобным Дионисом или отцом Гермафродита), напомним миф о пребывании Геракла у Омфалы, когда он носил женскую одежду и выполнял женскую работу.

Следует отметить, что андрогинный аспект в культуре Афродиты Урании на Боспоре, одним из свидетельств которого является, на наш взгляд, рассмотренная герма, мог существовать только благодаря наличию этих черт в культуре местной богини, которую греки отождествили со своей Афродитой и почитали в святилище с негреческим названием Апатур.

Несомненно, что на Боспоре Афродита представлялась как божество, связанное с загробным миром. Об этом позволяют говорить многочисленные и разнообразные памятники погребального культа с изображением богини, ее спутников и атрибутов. Особенно ярко эти представления проявились в практике помещения в могилы боспорян фигурных сосудов в виде Афродиты в раковине. Уже само изображение рождения богини из моря, которое стало общим для греков, начиная с Гесиода (Теог. 189 сл.), должно было ассоциироваться с надеждой на возрождение покойного, а рождение из раковины, связанной с очень древним и многосторонним символизмом с эсхатологическими чертами, - тем более.

Анодос Афродиты, позволяющий говорить о ее хтоническом характере, представлен на ряде "боспорских пелик". Так, на одной из них огромная голова Афродиты выходит из земли в присутствии стоящего юноши и убегающей девушки; на другой Эрот протягивает по плечи вышедшей из земли Афродите ларец и повязку. А. Метцже связывает с вышеописанными памятниками также и изображения Афродиты в виде протомы на целом ряде других "керченских" ваз и , отмечая сомнительность того, что Афродита в Афинах !У в до н.э. играла роль загробного божества типа Коры-Персефоны, справедливо заключает, что эти изображения "более соответствуют верованиям жителей побережья Эвксина, чем ремесленников Керамика".

Изображение головы "амазонки" с протомой грифона и (или) лошади - самый популярный сюжет "боспорских пелик" - является, согласно гипотезе К.Шефольда, изображением Великой богини, владычицы преисподней, которая иногда идентифицировалась с Афродитой.

Кроме рассмотренных выше памятников культа Афродиты на Боспоре, ценными свидетельствами популярности здесь ее образа являются многочисленные ювелирные изделия, некоторые из которых, безусловно, представляют собой произведения местных ремесленников. Особенный интерес для нас представляют изображения Афродиты с Эротом на двух золотых перстнях и бронзовом зеркале из склепа I кургана Б.Близница. Несмотря на то, что все эти предметы являются импортными изделиями, их значимость в интересующем нас аспекте определяется их находкой в жреческом погребении.

Изображение на одном из упомянутых перстней по сюжету

аналогично изображениям на трех терракотовых рельефах местного (фанагорийского) производства из святилища на Майской Горе, - это Эрот, завязывающий Афродите сандалию. Этот мотив, судя по всему, связан с восточной Афродитой, "богиней с сандалией", которой поклонялись гетеры. Популярность этого сюжета на культовых и ритуальных памятниках наряду с чертами гетеры у Афродиты в Страбоновом мифе позволяет говорить о наличии у боспорской богини аспекта Афродиты Порны, что сближает ее со своим ближневосточным прототипом.

Можно только гадать, почему именно Афродита заняла столь высокое место в пантеоне боспорцев. По-видимому, этому способствовало заимствование скифами ее культа во время их ближневосточных походов, причем культ Афродиты Урании (Деркетю) либо был изначально схож с культом их Великой богини - родоначальницы, либо, что менее вероятно, оказал влияние на формирование этого скифского культа.

Не исключено, что популярность Афродиты на Боспоре объясняется важной ролью колонистов из северо-западной Малой Азии, поскольку именно здесь Афродита обладала ярко выраженными чертами Великой богини, Потнии Терон.

В.А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ
Санкт-Петербург, ИИМК РАН

МРАМОРНАЯ СТАТУЭТКА КИБЕЛЫ ИЗ МИРМЕКИЯ

(к вопросу о культе Кибелы на Боспоре в первые века н.э.)

Среди разнообразных находок, сделанных во время многолетних раскопок городища Мирмекий отрядом Боспорской экспедиции под руководством Ю.А.Виноградова, художественные изделия из мрамора были достаточно редки. Поэтому обнаруженная здесь в 1992 г. мраморная статуэтка Кибелы размерами 26X15,5X10 см, безусловно, заслуживает специального внимания²⁸.

Она происходит из помещения XVII, являющегося частью крупного здания, вскрытого на площади 40 кв. М (раскоп Р). Это помещение вполне могло играть роль домашнего святилища, поскольку в слое над ним найден фрагмент другой мраморной скульптуры.

Богиня представлена сидящей на троне, с львенком на коленях

(Рис. 1). Последний изображен стоящим, причем голова и туловище показаны в весьма обобщенной манере. Кибела облачена в хитон, поверх которого накинуто покрывало, окутывающее плечи, левую руку и ноги. Под ногами богини скамеечка с резко выступающей верхней планкой и ножками. Ниже левой руки статуэтки, сбоку, находится паз в виде ласточкина хвоста (5,5X3,5X1,5 см), возможно предназначенный для

²⁸. Пользуюсь случаем выразить свою благодарность Ю.А.Виноградову за предоставленную информацию и возможность опубликовать данную находку.

крепления тимпана. Данное изображение Кибелы было явно рассчитано на обозрение впереди, т.к. тыльная сторона его имеет неровную бугристую поверхность.

Выявлены следующие утраты: голова и кисть правой руки, носок правой ноги. Имеются свежие сколы на груди, предплечье, колене, хитоне и туловище львенка. Поверхность скульптуры местами сильно окатана, с белыми пятнами известкового налета.

Описываемая статуэтка, судя по материалам комплекса, в котором она была найдена, относится к I-III вв. н.э., когда на Боспоре наблюдается рост популярности и синкретизм ряда женских божеств, связанных с плодородием.

Основным местом почитания Кибелы на Боспоре, несомненно, была столица царства, Пантикапей, где ее культ известен с конца V в. до н.э. Очевидно, давние местные традиции этого культа, пришедшего из Малой Азии, обусловили появление такого засвидетельствованного Гесихием эпитета Кибелы как «киммерийская богиня». Видимо, с посвященным ей храмом связана мраморная статуя сидящей Кибелы высотой 1,06 м, обнаруженная в 1855 г. на северном склоне г. Митридат (Кобылина. 1978). Она изображена на высоком троне со скамеечкой под ногами. Левая рука ее придерживала тимпан, правая лежала на голове льва, сидящего у трона. Прототипом для этой статуи послужила известная скульптура Матери богов из Афин работы Фидия, относящаяся к третьей четверти V в. до н.э. В то же время укороченные пропорции и тщательная полировка мраморной поверхности позволяют считать ее работой копииста II в. н.э. (Максимова, Наливкина. 1955; Саверкина. 1986). Это единственный для Боспора пример воплощения образа Кибелы в монументальной скульптуре.

Усилившаяся индивидуализация религиозного сознания в позднеантичный период способствовала увеличению числа домашних святилищ, в том числе и на Боспоре. Очевидно, для них и предназначались небольшие мраморные статуэтки сидящей Кибелы I-II вв. н.э. Некоторые из них являются вольной интерпретацией уже упоминавшегося прототипа, например, статуэтка Кибелы в собрании ГИМа высотой 0,32 м, считающаяся происходящей из Керчи (Соколов. 1972). В данном случае богиня с калафом на голове опирается согнутой левой рукой на голову льва, сидящего у края трона, а в правой держит фиалу.

Другие статуэтки повторяют также хорошо известный традиционный тип Кибелы со львенком на коленях. Можно указать на поврежденную (отсутствуют голова и обе руки) мраморную фигуру из Пантикапея размерами 0,46X0,39X0,36 м, найденную в засыпи с боспорскими монетами I-II вв. н.э. (Шкорпил. 1914). К этой группе изображений Кибелы принадлежит и мирмекийская статуэтка. Возможно, с ней связан хорошо отшлифованный фрагмент кисти правой руки с фиалой диаметром 6 см (хранится в керченском лапидарии, инв. № КЛ 1783), происходящий из осыпи южного борта раскопа 1986 г. в Мирмекии.

Помимо калафа голову богини могла украшать и башенная корона, примером чего является фрагмент сильно поврежденной сколами головы мраморной статуэтки I-II вв. н.э. из Тиритакки размерами 11,5X9X8 см (раскопки О.Д.Чевелева 1984 г., инв № КЛ 1803). Край головного убора выделен здесь рельефным валиком надо лбом. Прическа из мельчайших завитков разделена посередине прямым пробором. В ушах сохранились отверстия для крепления серег. По пропорциям она вполне соответствует вышеописанным скульптурам, т.к. общая высота статуэтки вряд ли была меньше 0,6 м.

Вышеупомянутые скульптурные изображения Кибелы восходят к тем образам богини, которые сложились в Малой Азии эллинистического периода и, скорее всего, являются привозными. К произведениям местных мастеров вполне определенно можно отнести только известняковые votивные рельефы I в. н.э. из Пантикапея и некрополя Нимфея (Марти. 1934), где представлены три персонажа - Кибела в калафе на троне, и Гермес и Кора с двумя факелами. Судя по находке рельефа с аналогичным сюжетом того же времени из Ольвии, это вариации на тему известной скульптурной композиции Агарокрита. Образ Кибелы в сходном виде воспроизводился на Боспоре и в более позднее время. Примером этого может служить рельеф из Пантикапея II-III вв. до н.э. со схематично изображенной фигурой Кибелы с львенком на коленях между двумя львами и плохо различимыми фигурами в обрамлении.

Обращает на себя внимание тот факт, что рассмотренные традиционные типы изображения Кибелы совершенно не представлены среди доступных широким слоям населения позднеантичного Боспора изделий коропластов. В редких случаях сохраняются только отдельные характерные черты: богиня восседает на троне с чашей и тимпаном в руках (Терракоты Северного Причерноморья. 1974). Все же такой образ достаточно обезличен и, очевидно, является следствием синкретизма целого ряда женских божеств в религиозных представлениях боспорян

I-III вв. до н.э. В первую очередь это касается Афродиты, Кибелы²⁹, Исиды и Тюхе. Слияние их функций придало новому женскому божеству, которое могло выступать в зависимости от ситуации под разными именами, черты матери и владычицы всего сущего. Не исключено, что именно такая трактовка скрывается за посвящением «великой богине» на сосуде из Керчи (Шкорпил. 1901).

Заслуживает упоминания и посвящение II в. н.э. богине Ма и распространение на Боспоре в I-III вв. до н.э. теофорных имен Ма и Маей

²⁹. Любопытно отмеченное для городов Северо-Западного Причерноморья первых веков н.э. присвоение Кибеле эпитеты Афродиты Урании (Русяева. 1992). Для Боспора, где культ Афродиты Урании имел более глубокие корни, следует предполагать скорее оборотный процесс, когда иконография и обрядность, связанные с культом Афродиты, носившим государственный характер, заимствуют некоторые характерные особенности почитания Кибелы.

(Лурье. 1948). Имя Ма можно рассматривать как сокращенную форму. В качестве параллели в данном отношении следует отметить, что в Ионии, Малой Азии и Ольвии встречается такое наименование Кибелы как просто Ма или Ме (МН=МНТР) (Русяева. 1972, 1992). Те же явления наблюдаются и в кругу мужских божеств, где наряду с сохранением ряда традиционных культов появляется почитание анонимного Бога Высочайшего. В образе последнего отдельные исследователи видят слияние черт греческого Зевса, иудейского Яхве, Сабазия и иранского конного бога.

Таким образом, в религиозных представлениях населения позднеантичного Боспора, как это можно видеть на примере культа Кибелы, нарастает тенденция к синкретизму отдельных божеств, связанная с отходом от устоявшейся иконографии и приданием им универсальных функций.

Данная работа подготовлена при финансовой поддержке Research Support Scheme. (грант № RSS1194/1997)

Н.В. МОЛЕВА

Нижний Новгород, Государственный Университет

СОБАКА В РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ БОСПОРЯН

В последнее время заметно активизировались попытки исследователей продвинуться в вопросах изучения религии в античных центрах Северного Причерноморья. Вышедшие работы (А.С.Русяевой, Н.П.Сорокиной, А.А. Масленникова, Н.В.Молевой, В.А.Хршановского, В.М.Зубаря и др.) затрагивают самые различные аспекты сакральной жизни этих государств. Стремление разделить религиозные представления на греческие и варварские составляющие элементы медленно и с трудом отстывает. На смену ему приходит интерес к проблемам, причинам и, главное, результатам взаимодействия казалось бы столь разных и даже противоречивых мировоззренческих систем Востока и Запада на северо-восточной периферии античного мира. Такое взаимодействие, имевшее место с глубокой древности, заметно активизировалось в различные периоды древней истории под влиянием конкретных событий и явлений. Часто в результате греко-варварского синтеза, имевшего место в религиозном сознании городского населения Северного Причерноморья, возникали инновации, развившиеся в дальнейшем уже по своим законам. Ярким примером тому может служить такой феномен как боспорская религия.

Обрядовая сторона культовой жизни Боспора пока еще изучена слабо. Причина - в минимальной информативности письменных источников (посвятительные надписи и граффити). Тем большее значение приобретают исследования сакральных боспорских комплексов, ведущиеся в Пантикапее, Нимфее, Мирмекии, Китее, Илурате. Особый интерес для реконструкции религиозных обрядов представляют собой золотые

святилища Мирмекия и Китея, в которых отправление культов осуществлялось в течение нескольких столетий подряд (в Китее более 800 лет).

В связи с проблемой взаимодействия греческих (западных) и восточных (скифских) традиций в культовой практике Боспора рассмотрим ритуал захоронений собак, встречающийся как в городах, так и на некрополях. Несмотря на то, что большинство археологов-антиковедов считают ритуальные погребения собак скифским обрядом, попробуем доказать, что такого рода жертвоприношения характерны именно для боспорской религии. Корнями же своими эта традиция в равной степени уходит в древнейшие пласты и греческой, и ближневосточной мифологии. Последняя, кстати, на рубеже II-I тыс.л. до н.э. достаточно сильно влияла на складывающуюся греческую.

Ритуальные захоронения (жертвоприношения) собак известны почти во всех боспорских городах, но в большей степени они характерны для европейского Боспора (места находок: Нимфей, Мирмекий, Китей, Илурат, поселения Азовского побережья). Они представлены двумя разновидностями: целиком лежащие на боку собаки и отделенные их головы. Обычай этот прослеживается в религиозной практике с V в. до н.э. (Нимфей), но наибольшее распространение получил в эллинистическое время. В первых же веках н.э. он чаще встречается на некрополях, чем в городах.

Откуда ведет свое происхождение такой обряд? Подобная традиция прослеживается на территории лесостепи, где жило **оседлое** население, имевшее индо-иранские корни в происхождении. Непосредственных и тесных контактов у жителей греческих городов с этим населением не было. У скифов же, живших по соседству с греками, ритуальные захоронения собак на поселениях и в городах появляются сравнительно поздно (в период эллинизма) и, скорее всего, в результате греческого влияния. Вместе с тем образ собаки присутствует на памятниках торевтики, выполненных греческими художниками с учетом скифских вкусов и заказов. Смысл сюжетов, воплощенных древними ювелирами, был хорошо понятен и грекам, и скифам. Его тема - модель мира, воплощающая единство и противоположность земного и хтонического, жизни и смерти. Статус собаки в нем можно определить как пограничный, маркировавший переходное состояние из верхнего мира в нижний и наоборот. Собака как бы обеспечивает связь этих миров и знаменует неотвратимость и взаимосвязь жизни и смерти.

Истоки такого отношения к собаке заметны еще в неолитических памятниках декоративно-прикладного искусства с территорий Ближнего Востока (кубок из Суз IV тысячелетие до н.э.). Специфически-культовое отношение к этому животному прослеживается и у киммерийцев. Генетическое родство этих культур со скифской несомненно. Вполне вероятно, что и в религиозном мировоззрении греков собака, как символ

нижнего мира, связанного со смертью, была заимствована с Ближнего Востока еще в микенский период. Не случайно в греческой вазописи тема собаки появляется очень рано, с VIII в. до н.э. и прослеживается и в ориентализирующем, и в геометрическом, и чернофигурном и краснофигурном стилях росписи. В бытовых и мифологических сюжетах скрыт ярко прослеживаемый смысловой подтекст: собака рядом с теми персонажами, которые должны умереть или погибнуть. В “языке зверей” на греческих вазах встречается тандем собака - заяц, т.е. жизнь и смерть, где заяц является жизненной ипостасью человеческой души, а собака посмертной, хтонической. Такая же тема присутствует и на боспорских памятниках (рельефный мраморный фриз, расположенный под фронтоном надгробного героона содержит изображение собаки, бегущей за зайцем). Связь собаки с хроническим миром и смертью заметна и в греческой мифологии: Кербер охраняет вход в Аид, Геката бродит среди могил в окружении псов, собаки еще недавно преданные и верные по воле богини разрывают Антиноя на части, жертвы Гермесу-Психопомпу, Плутону и Персефоне приносятся собаками. И вместе с тем для сознания греков свойственна мысль о собаке-трансверте и медиуме, т.е. существе сопровождающем человека в земной жизни и провожающей его в последний путь. Кроме того прослеживается связь собаки с врачеванием и культом Асклепия.

В заключение отметим, что, вероятно всего, на Боспоре культовые захоронения собак, появившиеся с V в. до н.э. являются жертвоприношениями хтоническим богам. Эта традиция, может быть имеющая ближневосточные корни, была свойственна греческому архаическому сакральному сознанию, сохранявшемуся в среде колонистов в VI-V вв. до н.э. В условиях активного проникновения скифских (тоже восточных) традиций в среду городского населения, этот обряд обогатился новым значением. В силу его доступности и близости мифологическому сознанию и греков, и скифов он получил в этом регионе широкое распространение в культовых отправлениях, имевших место, как в городских святилищах, так и на некрополях. С эллинистического периода в боспорской религии ритуальные заклания собак стали неотъемлемой частью культовых отправлений, посвященных хтоническим богам.

В.А. КИСЕЛЬ
Санкт-Петербург, МАЭ

КЕЛЕРМЕССКАЯ ПАНТЕРА И КОСТРОМСКОЙ ОЛЕНЬ

В раскопанном в 1897 г. кургане близ ст. Костромской была найдена крупная бляха, представляющая фигуру лежащего оленя (длина 31,5, ширина 21 см). Передние ноги животного покоятся на задних, шея вытянута, голова устремлена вперед. Громадный рог с S-видными

отростками проходит вдоль спины зверя и соединяется с крупом. Изображение чисто профильное. Предмет изготовлен из толстого золотого листа (толщина 0,05–0,15 см). Некогда в круглом глазу и каплевидном ухе оленя располагались вставки, которые закреплялись в отдельных кастах, изготовленных из тонкой золотой пластинки. Гнезда фиксировались на основе при помощи золотых проволочек, продетых сквозь отверстия и загнутых на тыльной стороне предмета. Край бляхи (ширина 0,4–0,9 см) отогнут назад. На тыльной стороне припаяны две овальные петли.

Типологически сходная бляха была найдена в 1903 г. в кургане близ ст. Келермесской (длина 32, ширина 16,5 см). Она изображает стоящего с опущенной головой кошачьего хищника. Шея животного чрезмерно удлинена. Хвост и окончания лап оформлены мелкими фигурками кошачьих хищников, свернутых в кольцо. Предмет тоже выполнен из толстого золотого листа (толщина 0,09–0,25 см). Круглое углубление глаза заполнено сложносоставной вставкой из гематита (кровавик), представляющего зрачок, и известняка (возможно, белая и сероватая паста – по Галаниной, 1997), воспроизводящего глазное яблоко. В круглой ноздре некогда также находилась вставка. Одно из ушей хищника – гладкая полукруглая золотая пластина, которая припаяна с тыльной стороны бляхи. Другое ухо, каплевидных очертаний, украшено по контуру поясом из треугольников, составленных из напаянных на плоскость тонких золотых полосок. Во всех этих гнездах в древности находилась паста, имевшая бирюзовый цвет. Ныне в результате разложения и загрязнения она превратилась в темно-коричневую (Галанина, 1997). Край предмета (ширина 0,6–1,2 см) резко отогнут назад. На тыльной стороне вещи имеются две округлые петли.

Погребения, в которых были обнаружены эти вещи, принадлежали представителям раннескифской культуры.

Как предположил А.А. Иессен, костромской олень был изготовлен выколоткой с использованием негативной матрицы (Иессен, 1949). По мнению М.И. Артамонова, предмет был отлит из золота (Артамонов, 1961). Однако Р.С. Минасян, проведя подробный технологический анализ, установил, что костромская и келермесская бляхи изготавливались выколоткой, без каких либо матриц, окончательная отделка осуществлялась чеканкой. Это указывает на работу ближневосточных торецов, поскольку древнековечнические мастера практически не применяли ни выколотки, ни чеканки (Минасян, 1988, 1990).

По мнению ряда специалистов, олень и пантера служили украшениями деревянных щитов, облицованных железными чешуйками (Pharmakowsky, 1904; Манцевич, 1959; Черненко, 1968; Граков, 1971; Ильинская, Тереножкин, 1983; Скорый, 1984; Блаватский, 1985; Горелик, 1993; Галанина, 1997). Согласно другой точке зрения, они использовались в качестве декоративного элемента панцирного доспеха (Ростовцев, 1925). В последнее время возобладала гипотеза о принадлежности этих предметов

гориту, налучью или колчану (Ольховский, 1989; Алексеев, 1996). Это предположение выглядит наиболее правдоподобным, поскольку воспроизведения щитов, к тому же без зооморфных изображений, появляются в эллино–скифской торевтике только с конца V в. до н.э. Зато среди скифских каменных изваяний известны два памятника, на которых представлены гориты с подобными бляхами (в виде зайца – из с. Манави в Закавказье, в виде пантеры – из ст. Манычской на Северном Кавказе) (Алексеев, 1996). Кроме того, согласно точке зрения А.М. Хазанова, скифские зооморфные бляхи выступали в качестве атрибутов власти, аналогичным гербам средневековых феодалов (Хазанов, 1975), поэтому вполне логично было украшение таким вещественным символом горита или налучья – предметов, связанных с луком, – основным оружием кочевников.

Келермесская пантера и костромской олень считаются классическими памятниками звериного стиля. И, несмотря на неоднократно отмеченное воздействие древневосточного влияния, в частности на пантере из Келермеса (нарушение профильности фигуры, изображение языка в оскаленной пасти, техника перегородчатой инкрустации, чеканка) (Ильинская, 1965, 1971; Галанина, 1991, 1997; Погребова, Раевский, 1992; Переводчикова, 1994), вещи продолжают считаться образцами творчества скифских мастеров.

Несомненно, оба изображения выполнены в традициях «звериного» стиля. На это указывают традиционные позы, проработка тел крупными плоскостями с резкими гранями, стилизация рогов оленя. Однако фигуры животных, составленные из плоскостей, сходящихся под углом, – отличительная черта в основном западных памятников «звериного» стиля. Большинство их выполнено нескифскими мастерами, которые, стремясь приблизиться к оригинальным произведениям древних кочевников, вырезанным из дерева, кости, рога, камня или отлитых по резным же восковым моделям (Минасян, 1988, 1989), утрированно передавали технологические следы. Технологический признак превращался в стилистический элемент. Четкие S-видные роговые отростки на изображениях оленей появляются не ранее начала скифских переднеазиатских походов. До этого времени извилистый контур рогов только угадывается, как, например, на оленном камне из Аржана (хотя S-образно изогнутые линии являлись основой при создании фигур животных древнекочевническими художниками – Грязнов, 1984). Позднее отростки рогов оленей начинают изображаться еще более загнутыми, правда, не достигают четких очертаний буквы «S», напоминая скорее по форме языки пламени (золотые бляшки в виде оленей из Гумарово и Чиликты). Именно на данной стадии развития образа скифского оленя и произошло знакомство с ним ближневосточных мастеров, которые внесли дополнение в первоначальную трактовку, перенеся, по-видимому, устойчивый элемент

стилизации побегов урартского «древа жизни» (Артамонов, 1961). Костромской олень демонстрирует окончательное сложение образа.

Позы животных на бляхах действительно соответствуют традициям «звериного» стиля. Но, если изображение костромского оленя выдержано в точности до мелочей, то поза келермесской пантеры – отступление от правил. Ни одно из известных архаических скифо-сибирских изображений кошачьих хищников не имеет четырех лап. Обычно это строго профильные фигуры, свернутые в кольцо, лежащие или стоящие с опущенной головой («припавшие на лапы»), что и было подмечено ближневосточными мастерами, создававшими «скифских» пантер (фигуры на зеркале из Келермеса, предметах из Зивие, Сард).

Келермесская пантера запечатлена как бы в момент внезапной остановки, то есть в позе, в которой обычно изображались не кошачьи хищники, а кабаны. Наиболее показательным примером служат петроглифы Жалтырак-Таша, где в многофигурной композиции среди профильных изображений животных только у кабана показано четыре ноги (Гапоненко, 1963). В сходной позе представлены также кабаны на зеркале и секире из Келермеса.

Рассматривая келермесскую пантеру и костромского оленя, необходимо упомянуть три костяные резные бляшки в виде фигур кабанов. Две из них – парные – хранятся в музее Метрополитен, и происходят, скорее всего, с Ближнего Востока. Эти предметы с лицевой стороны покрыты золотой фольгой, а с тыльной – серебряной. Представленное на них в профиль лежащее животное показано с четырьмя ногами (Bunker, Chatwin, Farkas, 1970). Третья бляшка, найденная в Эфесе, изображает зверя в позе «внезапной остановки», но строго профильно (Hogarth, 1908). Материал (кость) и техника изготовления (резьба), а также облик фигур, проработанных крупными плоскостями с резкими гранями, казалось бы указывают на руку скифского мастера. Однако ряд наблюдений заставляет усомниться в этом. Во-первых, у кабанов хвосты имеют кольцевидные окончания, что не характерно для скифо-сибирского образа. Во-вторых, глаза животных трактованы в форме миндалин, а не окружностей. В-третьих, уши вместо овалов или подтреугольников показаны каплевидными с остроконечной вершиной внизу (хотя относительно формы ушей все же нельзя исключить влияние древнекочевнического искусства – см. бляшки в виде пантер из курганов 27 и 33 Уйгарака). Таким образом, представляется наиболее вероятным, что костяные бляшки были изготовлены нескифскими мастерами.

Фигуры кабанов вместе с изображениями животных на бляхах из Келермеса и ст. Костромской входят в единую стилистическую группу. Кроме одинаковой передачи тел плоскостями, они имеют сходные выемки на бедрах. К тому же у келермесской пантеры, как и у кабанов, аналогичная форма ушей. С эфесским зверем у нее совпадает поза, а с двумя другими –

показ всех четырех конечностей. У костромского оленя и кабанов идентично трактованы копыта.

Кабанов можно рассматривать в качестве связующего звена между пантерой и оленем. Причем в этом ряду келермесская пантера менее точно передает традиции «звериного» стиля, поскольку, кроме уже перечисленных выше нарушений традиционного образа, маленькие свернувшиеся хищники на ее хвосте и лапах, вполне «скифские» по облику, вместо закрученных хвостов с кольцевидными окончаниями, снабжены слабо изогнутыми маленькими хвостиками. Хотя все пять вещей имеют много общего, трудно утверждать, что все они вышли из одного центра. И если кабаны по манере исполнения похожи друг на друга, то у костромского оленя и келермесской пантеры немало различий. Большинство отличительных признаков – это результат разного профессионального уровня создателей блях. У мастера, изготовившего оленя, профессиональные качества были значительно выше, что наблюдается в четкости граней плоскостей, приблизительно одинаковой толщине всех частей бляхи, отсутствии следов производственного брака (у пантеры имеются разрывы, полученные в процессе изготовления, которые были запаяны или заплатаны). Даже петли на тыльной стороне бляхи из ст. Костромской выглядят более изящно, чем дужки келермесской вещи. Первые сделаны из широкой золотой полосы, вторые выполнены из массивных золотых стержней с расплюснутыми концами. Основным отличием являются способы инкрустации вещей. В этом мастера продемонстрировали приверженность разным традициям. Создатель келермесской пантеры применил глухую закрепку, вероятно в сочетании с клеевой, для укрепления вставки в глазу и технику типа «клаузонне» («перегородчатая инкрустация») для декорировки уха. Именно последний прием очень часто использовался ювелирами древнего Востока (Литвинский, Пичилян, 1992). Способ же, наблюдаемый на костромском олене, – закрепка в отдельном касте, вставленном в гнездо основы, – нетипичен для Ближнего Востока. Он указывает на сравнительно слабое владение торовом техникой инкрустации. В качестве относительной параллели можно упомянуть золотые бляшки из Чиликтинского кургана 5, где уши оленей представляют собой касты, крепящиеся к основе отогнутыми лапками (Черников, Семенов, 1965). Чиликтинские олени выполнены гораздо более грубо, чем костромской, поэтому технологическое совпадение их не вяжется с мастерством, аккуратностью и талантом создателя последнего памятника искусства. Не исключено, что первоначально инкрустация костромского оленя были выполнена иначе, например, глухой закрепкой в углублениях самой бляхи. Впоследствии вставки были утрачены, и другой мастер (скиф?) сделал накладной каст из фольги.

Стилистически келермесская пантера вполне сопоставима со скифоидными изображениями из Зивие, на которых видны многочисленные

отступления от традиционных образов «звериного» стиля и ощущаются влияния искусства Ирана, Ассирии и Урарту. Костромской же олень более строго повторяет скифский прототип и почти не имеет лишних элементов, что не позволяет связать его с ирано-ассиро-урартским кругом. Скорее данный памятник имеет отношение к иному культурному миру, который испытал сильное воздействие многих изобразительных школ и оказался более привычным к заимствованиям и копированию стилистических приемов различных художественных направлений. Пожалуй, этим местом мог оказаться регион Малой Азии.

Таким образом, золотые бляхи в виде животных из Келермеса и ст. Костромской были изготовлены торевтами древнего Востока. Предметы могли выйти из мастерской, созданной во время киммерийских и скифских ближневосточных походов при ставке кочевнического вождя, куда были собраны разноэтничные мастера, работавшие по заказам кочевников.

М.Ю. ВАХТИНА
Санкт-Петербург, ИИМК РАН

К ВОПРОСУ ОБ ИКОНОГРАФИИ ЖЕНСКИХ БОЖЕСТВ НА КЕЛЕРМЕССКИХ ЗЕРКАЛЕ И РИТОНЕ ²⁹

Серебряные зеркало и ритон, украшенные сложными композициями, в состав которых входят изображения животных и фантастических существ, происходящие из раскопок Келермесских курганов на Кубани, многие исследователи выделяли в особую категорию по сравнению с основной массой греческих импортных художественных изделий, попадавших в туземный мир Северного Причерноморья в эпоху архаики. Если поток греческого импорта в это время, в основном, составляли вещи, не предназначавшиеся специально для сбыта местному населению, то знаменитые келермесские находки отражают знакомство их изготовителей с культурой конкретных варваров, занимавших господствующее положение в регионе. Это позволило высказать предположение о том, что келермесские зеркало и ритон были специально сделаны для сбыта в аристократической степной варварской среде или даже на заказ.

Обычно, говоря об этих вещах в связи с динамикой развития греко-варварских экономических и культурных контактов в VII-VI вв. до н.э., полагали, что их появление было "подготовлено" в течение более или менее длительного периода знакомства греческих колонистов с варварским населением Северного Причерноморья, в течение которого в туземный мир сбывались предметы, относимые к категории "чистого импорта", и знаменовало собой определенный, качественно новый этап греко-варварских контактов. Однако произошедшее сравнительно недавно

---

²⁹ Работа над данной темой ведется по гранту Института "Открытое общество" (Research Support Scheme) № 1283/1997

"удревнение" вещевых комплексов Келермесских курганов привело к значительным изменениям в традиционной системе взглядов. В настоящее время верхняя граница комплексов этой курганной группы определяется рубежом VII-VI вв. до н.э. (Галанина, 1997: 172 сл.); сравнительно недавно было высказано обоснованное предположение об изготовлении келермесского зеркала в период между 650-620 гг. до н.э. (Кисель, 1993). Ритон, очевидно, был сделан во второй половине VII в. до н.э. (Галанина, 1997: 148). Таким образом, время изготовления этих предметов соответствует древнейшему этапу греческой колонизации Северного Причерноморья и времени возникновения первых постоянных античных поселений в регионе.

Это соображение делает маловероятным предположение М.И.Максимовой, исходившей из более поздних датировок этих вещей, о том, что одним из возможных мест изготовления зеркала мог быть район азиатского Боспора (Максимова, 1954:304).

Если такие исследователи, как К.Шефольд и М.И.Максимова, полагали, что келермесские зеркало и ритон вышли из рук одного мастера, то В.А.Кисель считает, что их украшали разные мастера. Согласно реконструкции погребальных комплексов Келермеса, принадлежащей Л.К.Галаниной, вещи эти относятся к разным захоронениям: ритон происходит из кургана 3/Ш, а зеркало - из кургана 4/Ш (Галанина: 190-191). Несмотря на эти обстоятельства, стилистическая и хронологическая близость обоих предметов делают, на наш взгляд, крайне перспективным их рассмотрение "в комплексе". Обе эти вещи имеют форму, характерную для раннескифского вещевого комплекса (зеркало в виде диска с бортиком и центральной ручкой и ритон в форме рога животного). В образную систему декора обоих предметов введены изображения, символизирующие основные мифологемы степной Скифии, переданные в несколько иной, чем все прочие персонажи, изобразительной манере. Главным персонажем в образных системах зеркала и ритона является крылатое женское божество (или божества). Различия, заключенные и воплощенные в этих предметах, было бы интересно рассмотреть, например, по следующим парам оппозиций:

Зеркало

1. Соотносится с женским вещевым комплексом в скифской материальной культуре
2. Изображения в секторах, расходящихся от центра.
Идея круга.
3. Изображение свернувшегося кошачьего хищника (скифской "пантеры")

Ритон

- Соотносится с мужским вещевым комплексом
- Пояса изображений, идущих сверху вниз.
- Идея вертикали
- Изображение "скифского оленя" (в явно жертвенном понимании)

4. Крылатое божество стоит, держа в руках кошачьих хищников	Божество представлено в движении, в руках у него- пара грифонов

Этот список, конечно, можно было бы продолжить, однако, в рамках данной работы мы предполагаем остановиться лишь на отдельных аспектах, связанных с изображениями главных персонажей в композициях келермесских зеркала и ритона, и привести им некоторые аналогии в круге синхронных (или же несколько более поздних) греческих памятников эпохи архаики.

Зеркало. Иконография женского божества в окружении кошачьих хищников находит соответствие в круге изображений, распространенных в эпоху архаики в Восточной Греции и Передней Азии, сопоставимых с идеей женского божества, олицетворяющего производительные силы природы (Кибела, "Владычица животных") (Максимова, 1954:293-294). Тип крылатого женского божества с кошачьими хищниками также ассоциировался в греческом мире с Артемидой (Павсаний, V, 19, 5), поэтому ниже, признавая всю условность такого подхода, мы будем называть Артемидой богиню, изображенную на зеркале.

Важной чертой в иконографии Артемиды келермесского зеркала мы склонны считать "крылатость". Поиск аналогий иконографической схеме "крылатое женское божество + кошачьи хищники (хищник)" среди изобразительных памятников VII-VI вв. до н.э. показывает, что большинство из них происходит из Материковой, Ионийской и Великой Греции. Ближайшей аналогией Артемиде келермесского зеркала является изображение богини на бронзовой пластине из Олимпии.

Ритон. Божество, представленное на ритоне, большинство исследователей соотносят с греческой Медузой (Бессонова, 1983:86; Кисель, 1998:88). Если типу крылатого женского божества в окружении кошачьих хищников соответствует целый круг аналогий в памятниках греческого искусства, то схема "крылатое женское божество + грифоны" встречается редко. Точных аналогий иконографической схеме, помещенной на келермесском ритоне, среди греческих памятников эпохи архаики обнаружить не удается. Наиболее близкое к келермесскому изображение крылатой Медузы в "коленипреклоненном беге", с двумя протомами грифонов, помещенными ниже, можно увидеть на ручке бронзового кратера второй половины VI в. до н.э. из Киликии, хранящегося в Лувре. На уже упоминавшейся выше бронзовой пластине из Олимпии на одном из фризов также помещены два грифона. Этими памятниками, пожалуй, и ограничивается круг ближайших аналогий. В качестве более отдаленных, сюжетных аналогий можно привести еще три памятника, на которых представлены изображения женских бескрылых фигур в сопровождении пар грифонов. Первое, самое раннее (VII в. до н.э.), происходит из Лидии,

второе (550-530 гг. До н.э.) - из Спарты или северного Пелопоннеса, последнее, наиболее позднее (первая половина V в.) - из Великой Греции. Представляется, что сочетания изображений грифонов с женскими изображениями - явление достаточно редкое среди греческих памятников эпохи архаики. Причем ни на одном из этих памятников женское божество не касается их непосредственно, тогда как на ритоне богиня представлена держащей их за лапы, как бы демонстрируя свою власть над этими грозными фантастическими существами.

Изображения грифонов также, очевидно, довольно редко украшали собой предметы женского вещевого комплекса архаической Греции. Примечательно, что несколько изображений этих существ связаны с предметами женского обихода, обнаруженными в погребальных памятниках местного населения Северного Причерноморья.

Все это дает возможность высказать предположение, что образ грифона, соотнесенный мастером-декоратором, украшающим ритон, предназначавшийся для сбыта в варварский мир Северного Причерноморья (или делавшийся на заказ), с образом крылатого женского божества, вероятно, отражал бытовавшие в его время представления греков о Скифии. Интересно, что для келермесского зеркала отмечена композиционная (и, вероятно, сюжетная) связь сектора 1 с изображением крылатой богини и сектора 5 с изображением сцены грифоборства (Мачинский, 1998: 59-60).

Медуза и Артемида. К сожалению, изображение крылатого женского божества на ритоне сохранилось фрагментарно. Оно представлено в позе "коленипреклоненного бега" влево, в крылатых сандалиях и длинном хитоне, с обнаженной правой ногой; большинство исследователей полагает, что голова была показана повернутой вправо. Неизвестно, было ли лицо богини типичной для архаической эпохи маской Медузы с обнаженными зубами, выsunутым языком и выступающими клыками, или же божество имело облик "прекрасной девы" (второе представляется более вероятным). Известно, что в представлениях древних греков Медуза и Артемида были тесно связаны между собой. Изображения этих божеств часто сопряжены или заменяют и дополняют друг друга на целом ряде памятников эпохи архаики. Это нашло отражение и в их иконографии. В архаическое время известны изображения Медуз со стройными телами в длинных одеждах, стоящих в статичных позах и "Артемид" в позе "коленипреклоненного бега" в крылатых сандалиях, с одной обнаженной ногой. Изображения кошачьих хищников соотносятся с изображениями и Медузы, и Артемиды.

Таким образом, главными персонажами в изобразительных системах зеркала и ритона оказываются либо очень близкие божества, либо одно и то же божество в разных ипостасях. На рассматриваемых памятниках основные различия в иконографических схемах сводятся к "динамичности" и "статичности" поз богинь, а также к тому, что в первом случае в качестве атрибутов выступают кошачьи, а во втором - грифоны.

Поиск иконографических аналогий женскому божеству, изображавшемуся как в окружении кошачьих, так и в окружении грифонов (как бы заменявших друг друга), приводит нас к изображениям на некоторых памятниках предшествующей, крито-микенской эпохи. Возможно, при изготовлении келермесских зеркала и ритона, мастер (мастера) обращался, в частности, и к иконографическим схемам, бытовавшим в Средиземноморье с конца эпохи бронзы, а также к кругу достаточно древних представлений о универсальном женском божестве, связанном с небесным, земным и хтоническим мирами.

А.К. НЕФЕДКИН
Санкт-Петербург, СПбГУ

СЦЕНА БОЯ НА ЗОЛОТОЙ ОБКЛАДКЕ НОЖЕН АКИНАКА ИЗ ЧЕРТОМЛЫКА И ВОЕННАЯ РЕФОРМА ДАРИЯ III: К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЯ

Одной из особенностей боспорского производства предметов вооружения было массовое изготовление для скифов драгоценных накладок на гориты и на ножны акинаков. Такие накладки украшались определенными греческими сюжетами, которые, очевидно, были достаточно хорошо знакомы и скифам. Нам известны три аналогичные обкладки ножен акинака с изображением боя: из Чертомлыка, из кургана 8 в группе «Пять братьев», и находящиеся сейчас в нью-йорском Музее Метрополитен, происходящие, вероятно, из окрестностей Никополя. Две первые обкладки сделаны по одной матрице, третья же отличается от них формой своей боковой лопасти и сценой терзания хищником своей жертвы. Обкладки датируются второй половиной IV в. до н. э. Основной для нашего анализа послужит находка из Чертомлыка, поскольку она имеет наиболее качественную публикацию (Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Киев, 1994. Кат. 191).

Исследователи по разному атрибутировали изображение боя на данных обкладках. Так, И. Толстой, Н. Кондаков, В.П. Шилов, А.М. Хазанов, И.В. Яценко считают, что тут представлена схватка греков и скифов. Другие (В.К. Мальмберг, Дж.М.Э. Рихтер, Н.А. Онайко, С. Биттнер) рассматривают рельеф как изображение сражения греков с персами. В частности, В.К. Мальмберг усматривал в данной схватке эпизод из Марафонского сражения. Д.С. Раевский же интерпретировал бой в качестве эпизода Троянской войны, причем троянцы изображены здесь в варварской азиатской одежде.

Чтобы ответить на вопрос, кто изображен на обкладке, рассмотрим само изображение. Слева показан гоплит с бородой, призывающий идти за собой. Он одет в мускульный металлический (скорее всего, бронзовый) панцирь, нижний край которого прикрывает пах. Данный тип панциря характерен для греков IV в. до н. э. Воин одет в достаточно длинный хитон,

почти достигающий колен, что также обычно для этого периода. В левой руке боец держит щит-аспис, с центральной бронзовой рукояткой, и копье — за кончик древка. В конце V-IV вв. до н. э. гоплиты достаточно часто держали копье таким образом, еще не вступив врукопашную. Бронзовые (?) поножи воина закреплены под коленями ремешками. Это, пожалуй, единственный элемент известный нам по изображениям македонских, а не греческих гоплитов. Отсутствие же обуви, скорее, свидетельствует о том, что перед нами грек: македоняне часто носили крепиды. Особое значение для определения статуса воина имеет шлем — коринфский с тремя султанами. Последние свидетельствуют о том, что перед нами стратег (Aristoph. *Acharn.*, 965; Paph., 1172; Plut. *Arat.*, 32). В классическую эпоху обычай носить шлем с тремя султанами возник у греческих военачальников в подражание древним героям и богам. Отмечу, что узоры, нанесенные на шлем, щит и панцирь гоплита являются, скорее всего, просто дополнительными украшениями мастера обкладки, а не деталями оформления реального снаряжения гоплита. Таким образом, данный воин является греческим стратегом второй половины IV в. до н. э., призывающим своих воинов идти за собой в бой.

Бородатый противник грека вооружен луком и мечом. Обычно исследователи, исходя из композиции, предполагают, что этот воин представляет собой предводителя варваров. Однако, судя по внешнему облику воина, этого сказать нельзя: нет каких-либо признаков, указывающих на статус воина. Лук этого воина имеет не скифскую, но, скорее, азиатскую форму, одну из форм персидского лука (ср.: Hdt., VII,61). Меч представлен кривым тесаком — махайрой, которая показана мастером слишком короткой, вероятно, вследствие недостатка места. Данное клинковое оружие характерно для греков и персов, а не для скифов (ср.: Xen. *Cyr.*, I,2,8; 13; II,1,9; Strab., XV,3,19; Arr. *An.*, I,15,7-8; Plut. *Al.*, 16). Хотя последние также знали кривые однолезвийные мечи. Очевидно, ножны махайры висят на плечевой португее, которая переброшена через правое плечо бойца. На воине одета рубаха с длинными рукавами, над поясом которой сделан напуск, штаны, заправленные в туфли, и башлык. Напуск над поясом характерен для моды второй половины IV в. до н. э., его обычно делали посредством двух поясов. Такой напуск носили на рубахе как греки, так и персы, но не скифы. Расшитый (?) башлык воина имеет длинные лопасти, закрывающие уши, что также характерно для персидских, а не скифских головных уборов. Эти лопасти в бою обычно прикрывали от пыли рот вместе с подбородком воина. Следовательно, перед нами типичная персидская тиара (ср.: Hdt., VII,61). Итак, данный воин представляет собой обычного персидского стрелка ахеменидской эпохи. Подобным же образом одеты и прочие персы.

Правее мы видим двух греческих воинов: гоплит защищает раненого товарища от нападения перса. Грек пытается отбить своим копьем оружие противника, направленное в грудь раненого соратника. Гоплит снаряжен

коринфским шлемом, который в бою уже не опускался на лицо, круглым, как у стратега, щитом, копьем и поножами. Тип шлема опять же, скорее, указывает на героизацию данного персонажа, ведь в IV в. до н. э. коринфский шлем не был распространен в Греции — на памятниках его обычно имеют герои мифов и боги. Поножи у воина обычные, без ремешков, держащиеся на ноге посредством упругости металла. Все оружие воина носит чисто эллинский облик. Из одежды гоплит имеет лишь своеобразный греческий плащ, носимый обычно у локтей. Раненый воин носит аналогичное одеяние и вооружение, но он не имеет шлема.

На раненого грека нападает бородатый перс, имеющий такую же одежду, как и его вышеописанный соплеменник. Кроме того, данный воин носит за плечами персидский кафтан кандис - обычная одежда всадника, - который одевался в рукава лишь в присутствии царя (Хен. Суг., VIII,3,10; Нелл., II,1,8). Этот воин колет своего противника легким копьем, очевидно, пальтоном, ведь последний предназначался как для метательного, так и для рукопашного боя (Хен. Суг., IV,3,9; De ge eq., 12,12).

Центральное место в композиции занимает единоборство обнаженного греческого гоплита с его противником. Эллинский воин одет в хламиду, волосы его придерживаются лентой. Из оружия гоплит имеет аспис и меч. Судя по рукоятке и манере держания, воин держит в правой руке ксифос, т. е. двулезвийный рубящий меч. Однако на рельефе мастер воспроизвел махайру, имеющую рубящую сторону кверху (sic!), что вызвано, очевидно, не совсем ясным пониманием художником предмета своего изображения. Ведь махайры, хотя и были известны, но не были достаточно распространены в Северном Причерноморье, в частности, на Боспоре, где, по всей видимости, была сделана данная обкладка акинака. Обкладка из музея Метрополитен показывает у данного воина меч более похожий на ксифос, но с тупым острием клинка спереди (sic!).

Противник грека — воин, вооруженный секирой. Через правое плечо бойца проходит ремень и, судя по округлому предмету, выходящему из-за низа спины, можно было бы подумать, что это колчан. Однако нью-йоркская обкладка не показывает данную деталь. Следовательно, скорее всего, эта перевязь представляет собой португую, на которой, как и у крайнего левого персидского воина, висит меч. Иногда в этом персонаже видят амазонку (Д.С. Раевский). Впрочем, половые признаки у данного бойца отчетливо не представлены. Влияние черт амазонак на изображение персов характерны еще для аттической вазопиши первой половины V в. до н. э. (Bovon A. 1963). Возможно, это — персидский юноша. Ведь и персы в V-IV вв. до н. э. брились. А секира также была у них на вооружении, видимо, чаще в качестве охотничьего оружия (Хен. Суг., I,2,9; Strab., XV,3,19).

Правее представлен персидский всадник на раненом коне. Конь снабжен оголовьем с С-образными псалями, а также попоной из шкуры, удерживаемой подперсьем. Оголовье коня состоит из нащечных,

назатыльного, подбородочного и нахрапного ремня. Есть ли налобный ремень, не ясно. Данное оголовье типично для скифов, но и у персов оно было также распространено. Впрочем, у последних оголовье часто украшались когтями, имеющими магическую функцию. Псалии С-образной формы были одной из форм, характерных и для скифов, и для персов. У первых в IV в. до н. э. эта форма сосуществовала с псалиями прямой и S-образной формы (Ильинская В.А. 1973). У персов также обычными были С- и S-образные псалии (Bittner S. 1985). Попона на рельефе не закреплена подпругой, однако, очевидно, она также должна была скреплять чепрак. Это покрытие имеет сзади характерные для ахеменидского чепрака острые выступы. Впрочем, попона из шкуры - это не персидский, а греко-македонский элемент снаряжения коня. Однако хвост и челка коня не связаны узлом, как на многих изображениях персидских всадников. Итак, в снаряжении коня мы обнаруживаем смешение греческих и персидских элементов. К первым относится материал попоны, убранство хвоста и гривы, ко вторым — формы псалий и попоны. Каких-либо специфических скифских элементов снаряжения коня мы не находим. Возможно, данное смешение деталей сбруи действительно имело место в последней трети IV в. до н. э. либо, более вероятно, боспорский мастер не очень ясно представлял себе снаряжение персидского коня, вследствие чего и придал ему некоторые греко-македонские черты.

Единственное оружие данного всадника - длинная пика со втоком. Длина последней, судя по пропорциям, была около 3,5 м (мое внимание на это оружие обратил к.и.н. В.П. Никоноров). Такое копьё - необычное оружие для верхового перса. По иконографии оно не прослеживается у персов ахеменидской эпохи. Персидские всадники в IV в. до н. э. были вооружены пальтонома или метательными месанкилонами и / или луком со стрелами (Хен. An., I,5,15; 8,3; 6-7; Суг., VI,4,1; VII,1,2; Нелл., III,4,13; Агг. An., VII,6,5). Однако, судя по археологическим данным, копьё длиной более 3 м имелось у скифов. Да и греческие всадники в начале IV в. до н. э. уже были вооружены наряду с легким еще и длинным копьём (примерно 2,7 м), как это мы видим на надгробной стеле Панеция. Вместе с тем, в античных источниках мы можем найти свидетельство о существовании у персов ахеменидского периода длинных копий. Обратимся к истории. Во время гиппомехии между всадниками персов и гетайрами Александра III в битве при Гранике (334 г. до н. э.) первые были вооружены пальтономами, а вторые - длинными колющими копьями кистонами, имеющими вток (Агг. An., I,15,6-8; ср.: VII,6,5). Победу македонян Арриан объясняет превосходством в рукопашной кистонов над пальтономами (An., I,15,5). Затем последовало очередное поражение персов при Иссе (333 г. до н. э.), еще раз доказавшее превосходство конницы македонян. Это вынудило Дария III, при подготовке к генеральному сражению с македонянами, провести в 331 г. до н. э. военную реформу, перевооружив армию. Диодор пишет (XVII,53,1):

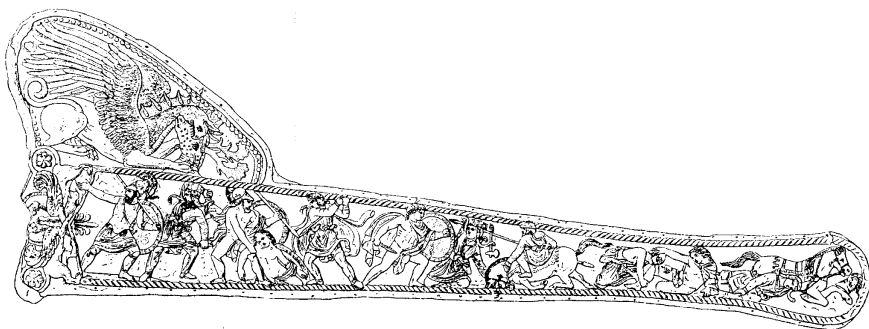
«Дарий изготовил мечи и кистоны много более длинными (πολυμε
 ιζω), чем бывшие ранее, думая, что Александр из-за их величины имел преимущество в битве у Киликии». В битве при Иссе в Киликии (333 г. до н. э.) главную роль сыграли конные гетайры Александра, вооруженные кистонами. Тогда как фалангиты, имеющие сариссы, составляли основу боевого порядка. Вероятно, в пассаже Диодора речь идет о перевооружении всадников. Тогда как информация Кв. Курция Руфа о перевооружении воинов Дария с дротиков на мечи и щиты, по-видимому, рассказывает о смене оружия у пехотинцев (IV,9,3). Не могу согласиться с английским антиковедом Н. Секундой в том, что кистоны, упомянутые Диодором, были двуручными контусами — пиками, которые позднее будут на вооружении катафрактов. Судя по контексту, Дарий перевооружил своих всадников кистонами именно по македонскому образцу, чтобы они были способны противостоять гетайрам Александра. Вероятно, такие копья получила лишь незначительная часть всадников из войска персов (Curt., IV,14,5). Ведь и впоследствии Александр вооружил азиатских всадников, вошедших в конницу гетайров, «македонскими копьями [= кистонами]», сменив метательные месанкилоны (Аг. Ап., VII,6,5). Каких-то других данных о вооружении персидских всадников этого периода длинными копьями у нас нет. По-видимому, данная реформа носила единовременный государственный характер и после падения Ахеменидской державы она не прижилась. А персы продолжали использовать свое традиционное оружие.

Но вернемся к изображению на обложке ножен. Правее персидского всадника мы видим слугу-оруженосца, который зубами вытаскивает стрелу из бедра своего господина, предварительно обвязав его ногу жгутом. Оруженосец одет в экзомис — хитон, спущенный с правого плеча. На голове у него шлем неясного (аттического?) типа с налобником, назатыльником и небольшими нащечниками. Именно по шлему можно предположить, что это не лекарь, а оруженосец. Вспомним, что каждый греческий гоплит имел в походе такого служителя. Впрочем, и последний обычно не носил шлема. Раненый, как и воин в центре композиции, одет лишь в хламиду.

Персонаж в правом углу обложки представляет собой раненого перса, который, упав с коня, пытается остановить животное, цепляясь за поводья. Воин одет так же, как и другие его соплеменники. Снаряжение же коня несколько отличается от вышеописанного: тут показана типичная войлочная персидская попона; кроме того, коротко постриженная грива животного имеет снизу длинные пяди волос. Последняя черта не характерна для убранства персами своих коней.

Справа от коня показан коринфский шлем, аналогичный имеющимся у первого и третьего персонажа. Этот шлем мог принадлежать раненному стрелой греческому воину.

Итак, можно полагать, что изображение на обкладке ножен показывает традиционное для эллинского искусства сражение греков с персами. Причем эллины показаны в героизированном виде, а персы — в своей обычной одежде: тиара, рубашка, штаны, туфли. Традиция изображения персов в подобном одеянии восходит не к аттической вазописи V в. до н. э. и не к афинским рельефам, показывающим персов (храм Ники), а к изображению персов на сидонских саркофагах и на геммах смешанного греко-персидского стиля (IV в. до н. э.). Сам же сюжет боя на обкладках мог быть отголоском Восточного похода Александра III, разгромившего персидскую империю. Основываясь на сюжете рельефа, главным образом, на изображении длинного копья у персидского всадника, датировку обкладок ножен акинаков можно несколько скорректировать по сравнению с традиционной (340-320 гг. до н. э.): после 331 г. до н. э.

Рис 1 Золотая обшивка ножен из Чертомлыцкого кургана

Е.А. МОЛЕВ

Нижний Новгород, Государственный Университет

КЛЕЙМА РОДОСА ИЗ РАСКОПОК КИТЕЯ

Керамические клейма на ручках родосских амфор довольно редкая находка в Китее. Среди общего количества находок такого рода они составляют всего 5,25%. При этом, если клейма почти всех прочих центров найдены в абсолютном большинстве на раскопе II (“зольник”), то большинство (53,5%) клейм Родоса обнаружены преимущественно в районе городских кварталов в западной части городища (раскоп I) и на других участках города.

Из общего количества определенных клейм 19 эпонимных (в том числе 1 курсивное), 12 фабрикантских и 11 клейм не поддающихся точному определению. Среди эпонимных клейм - 17 прямоугольных и 2 круглых; среди фабрикантских - 6 прямоугольных и 6 круглых; среди неопределенных клейм - 1 круглое, 1 квадратное и 10 прямоугольных.

Почти треть клейм (33,3%) имеет обозначение месяцев. На имеющихся клеймах упоминаются месяцы Агрианий (4 раза), Далий (2

раза), Иакинфий (1 раз), Панам (5 раз), Тевдаисий (1 раз) и Сминтий (1 раз). Такое их распределение по месяцам вполне соответствует таблице распределения родосских клейм по месяцам в других городах Боспора, приведенной Д.Б.Шеловым.

Среди эмблем на клеймах представлены цветок граната (на круглых клеймах 6 раз), голова Гелиоса (1 раз на круглом клейме и 2 раза на прямоугольных неопределенных клеймах), и виноградная гроздь (1 раз в прямоугольном клейме).

Кроме одного отдельного дополнительного клейма в виде восьмилучевой звезды среди наших находок представлены 2 дополнительных клейма с круглыми фабрикантскими клеймами и одно дополнительное клеймо (монограмма) в рамке эпонимного клейма. Последняя находка крайне редкая. Стоит также выделить из общего числа клейм прямоугольное клеймо с именем Зенона, которое заметно отличается от других по форме и размеру букв. Отнесенное нами к разряду неопределенных, оно, вероятно, принадлежало фабриканту с этим именем.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Эпонимные клейма

Условные обозначения: римская цифра - № раскопа, последующие арабские - №№ квадрата и штыка Номера даются по полевой описи, поскольку инвентарные описи в музее несколько раз менялись. Все клейма хранятся в Керченском историко-архитектурном музее-заповеднике. Группы даются по работе: Grace V., Savvatianou-Petropoulakou M. Les timbres amphoriques grecs.// Exploration archeologique de Delos. XXVIII. Paris. 1970. Аналогии находкам на Боспоре даются по работе: Придик Е.М., Граков Б.Н. Корпус керамических клейм Северного Причерноморья. М., 1955. С.122 (далее IPE,III). Уточнение датировок по работе: Д.Б.Шелов Керамические клейма Танаиса. М., 1975. (далее ККТ).

<p>1. Кит-89, П,11/39. Прямоугольное. №105.</p> <p style="text-align: center;">[E]π Αυ[η]σιπλου Θευδαισιου.</p> <p>Эпонима с таким именем в находках на Боспоре нет.</p> <p>Клеймо найдено в слое</p> <p>IV-III вв. до н.э.</p> <p>2. Кит-70, I,1/11. Прямоугольное. № 33</p>	<p>9. Кит-73, I,7/10. Круглое. № 25.</p> <p style="text-align: center;">Επι Πιτογεν[ευς] Αυριανιου.</p> <p>Вокруг цветка граната.</p> <p>Эпоним Питоген относится к IV группе</p> <p>- 180-150 гг. до н.э. Аналогичное клеймо</p> <p>- 3-я четв. III в. до н.э. По мнению Д.Б.</p>
<p>[Eπ] ιερεος</p>	<p>Шелова его деятельность</p>

<p style="text-align: center;"><i>Αρχε[μβ]ροτ</i></p> <p style="text-align: center;"><i>ου.</i></p> <p>Клеймо курсивное. Эпоним Архемброт отмечен в V и VI группах Курсивные клейма Д.Б.Шелов датирует концом II в. до н.э. См. ККТ.С.25. 3. Кит-94, I,23/9. Прямоугольное. № 68.</p> <p style="text-align: center;">Επι Θ[ερσαν]δρο[υ]</p> <p style="text-align: center;">Παναμου.</p> <p>Эпоним Терсандр относится к V группе - 2 пол. II в. до н.э. 4.Кит-94, I,23/11. Прямоугольное. № 79.</p> <p style="text-align: center;">Επι Θεστορος</p> <p style="text-align: center;">Σμινθίου.</p> <p>Эпоним Тестор относится к III группе - 220-180 гг.до н.э. 5. Кит-70, I,1/10. Прямоугольное. № 36.</p> <p style="text-align: center;">Επι Κλειτομαχου</p> <p style="text-align: center;">Ιακινθίου.</p> <p>Эпоним Клейтомах относится к III группе- 220-180 гг.до г.э. 6. Кит-95, I,23/яма 89. Прямоугольное № 36. Επ ι[ερε]ως</p> <p style="text-align: center;">Κρατιδα</p>	<p>непосредственно предшествовала пергамскому периоду(210-175гг. до н.э.).См.ККТ № 191. 11.Кит-95,I,23/12. Прямоугольное. № 42.</p> <p style="text-align: center;">Επι Σοστρατου</p> <p style="text-align: center;">Παναμου.</p> <p>Есть 2 эпонима с таким именем во II группе. Судя по отсутствию в клейме эмблемы в виде головы Гелиоса - это Сострат I. 12.Кит-80, III,5/7. Прямоугольное. № 38.</p> <p style="text-align: center;">Επι Τι[μ]ο[δικ]ου</p> <p style="text-align: center;">Δ[αλι]ου.</p> <p>Эпоним Тимодик относится к 5 группе - 2 пол. II в.до н.э. Из-за наличия у этого эпонима ручки с дополнительным клеймом Д.Б.Шелов считает возможным отнести время его деятельности еще к первой половине II в. до н.э. ККТ, № 212. 13.Кит-91,I,21/10.Прямоугольное.№ 206.</p> <p style="text-align: center;">Επι Τιμοθευ</p> <p style="text-align: center;">Παναμου.</p> <p>Эпоним Тимофей относится к 4 группе 180-150 гг. до н.э. Аналогичное клеймо - найдено в Танаисе. ККТ, № 219</p>
---	--

<p>Παναμου.</p> <p>Эпоним-жрец Кратид относится к III группе - 220-180 гг. до н.э. Аналогичное клеймо найдено на Елизаветовском городище - IPE,III. № 2805, но без монограммы Подобной монограммы в</p> <p>клеймах из Северного Причерноморья . не обнаружено.</p> <p>7.Кит-93, II,12/15. Прямоугольное. № 12.</p> <p>[Eπi] Ξεναρετου</p> <p>Αυριανου.</p>	<p>14. Кит-70, I,3/10. Прямоугольное. № 35.</p> <p>Eπi...σeтop Eχ...</p> <p>Клеймо найдено в слое IV-III вв. до н.э.</p> <p>15.Кит-75, II,5/29. Прямоугольное. Без №</p> <p>Eπ... μapχou.</p> <p>Клеймо найдено в слое III в. до н.э.</p> <p>16.Кит-76, II,5/36. Прямоугольное. № 46.</p> <p>Eπ ιapε[oc]</p> <p>...λιε...</p> <p>Ретроградное. Из слоя IV-III вв. до н.э.</p> <p>17.Кит-82, II,7/21. Прямоугольное. № 31.</p> <p>Eπi .....α γo... υ...</p> <p>Клеймо найдено в слое II-I вв. до н.э.</p>
<p>8. Кит-77, I,14/11. Круглое. № 10.</p> <p>[Eπ]ι Ξενοστρα[του]</p> <p>Αυριανου.</p> <p>Вокруг цветка граната.</p> <p>Эпоним Ксенострат относится ко II группе - 3 четв.Шв.до н.э. найдено в Танаисе. ККТ № 187.</p>	<p>18.Кит-85,IV,,5/10.Прямоугольное.№ 21.</p> <p>Голова Гелиоса Eπ... po...</p> <p>Клеймо найдено в слое IV-III вв. до н.э.</p> <p>Судя по наличию эмблемы слева от лe-генды его можно датировать последней третью III в. до н.э. См. ККТ. С.20.</p> <p>19.Кит-90,II,11/23.Прямоугольное.№105.</p> <p>Голова Гелиоса... .. ..ovι.</p>
<p>10. Кит-70, I,1/12. Прямоугольное. № 34.</p> <p>Eπi Σω</p> <p>δαμου.</p> <p>Эпоним Содам относится ко II группе</p>	<p>Судя по эмблеме клеймо эпонимное. См. ККТ.С.16.Датируется последней третью III в. до н.э. См. ККТ. С.20.</p>

Фабрикантские клейма

<p>1. Кит-94, I, 23/11. Прямоугольное. № 80.</p> <p style="text-align: center;">Αγριαν[ιου]</p> <p style="text-align: center;">Αγαθ[οκλευς].</p> <p>Агафокл работал между 220 и 180 гг. до н.э. IPE. III. С. 123.</p> <p>2. Кит-75, II, 5/31. Прямоугольное. Без №.</p> <p style="text-align: center;">Αγορανακτος</p> <p style="text-align: center;">Δ[αλι]ου.</p> <p>Агоранакт работал между 220 и 180 гг. до н.э. IPE. III. С. 123.</p> <p>3. Кит-84, I, 20/14. Прямоугольное. № 139.</p> <p style="text-align: center;">Αντιλο[χου?]</p> <p>Нижняя часть клейма сколота. Эпоним Антилох известен во II в. до н.э. Фабрикант с таким именем в находках Боспора неизвестен. Слой IV-III вв. до н.э.</p> <p>4. Кит-76, II, 5/38. Круглое. № 52.</p> <p>Αρισ]τοκλευς. Вокруг цветка граната.</p> <p>Дополнительное клеймо ⊗. По мнению Д.Б. Шелова этот Аристокл работал в 220-180 гг. до н.э. См. ККТ. № 288.</p> <p>5. Кит-76, II, 5/40. Круглое. № 60.</p> <p>Αριστοκλ[ευς]. Вокруг цветка граната.</p> <p>Дополнительное клеймо ± .</p>	<p>Эргастериарх с таким именем неизвес-тен. Клеймо найдено в слое II-I вв. до н.э.</p> <p>7. Кит-93, I, 1/ у ст. 79. Прямоугольное. № 84. Θεωδωρος</p> <p style="text-align: center;">Παναμος.</p> <p>Эрастериарха с таким именем в клеймах с Боспора не найдено. Клеймо из слоя IV-III вв. до н.э.</p> <p>8. Кит-94, IV, B8/13. Прямоугольное. № 64</p> <p style="text-align: center;">Λι[v]ος Σ[μινθιος]. Гроздь.</p> <p>Лин работал между 200 и 180 гг. до н.э. ККТ. № 392.</p> <p>9. Кит-76, II, 5/38. Круглое. № 53. Стертая легенда вокруг цветка граната. По эмблеме и форме клеймо принадлежит эргастериарху, скорее всего Аристоклу, чьи аналогичные клейма найдены в этом и следующем штыках.</p> <p>10. Кит-76, II, 5/39. Круглое. № 55. Аналогично предыдущему.</p> <p>11. Кит-84, IV, B7/10. Круглое. № 19. Аналогично предыдущему.</p> <p>12. Кит-89, II, 11/40. Круглое. № 138.</p> <p>Стертая легенда вокруг головы</p>
---	---

<p>Вероятно, это тот же фабрикант.</p> <p>6. Кит-70, I,3/10. Прямоугольное. № 37.</p> <p style="text-align: center;">Ἦρατος.</p>	<p>Гелиоса. Отнесено к фабрикантским по эмблеме. Подобные клейма датируются второй половиной II в. до н.э. ККТ. С.20.</p>
--	---

Неопределенные клейма

<p>1. Кит-70, I,2/8. Прямоугольное. Стертое.</p> <p>2. Кит-70, I,2/8. Прямоугольное, трех- строчное: ...ΑΡ... ΔΡΟ[ΜΩΝ?] ΠΟΣ[ΙΣ?] Слой II-I вв. до н.э.</p> <p>3. Кит-70, I,3/10. Прямоугольное. № 32. Восьмиконечная звезда справа. Остальная часть сколота. Слой IV-III вв. до н.э.</p> <p>4. Кит-72, I,6/10. Прямоугольное. № 34.</p> <p style="text-align: center;">ΑΡΤΕ.</p> <p>Судя по сокращению имени это может быть имя гончара. Слой IV-III вв. до н.э.</p> <p>5. Кит-72, II,2/32. Квадратное. № 39.</p> <p style="text-align: center;">ΛΔ.</p> <p>Вероятнее всего, монограмма гончара. Слой III-II вв. до н.э.</p> <p>6. Кит-73, I,4/13. Прямоугольное, ретро- градное. № 24. На ручке маленькой ам-</p>	<p>форы. ...ΑΜΟΣ. Слой IV-III вв. до н.э.</p> <p>7. Кит-74, II,4/20. Круглое, стертое. Слой II-I вв. до н.э.</p> <p>8. Кит-79, I,16/ мост. 13. Прямоугольное. № 152. Верхняя строка стерта, в нижней Α[ΡΙΣΤΑΡ]ΧΟ[Υ]? Слой I-II вв. н.э.</p> <p>9. Кит-85, III, A8/7. Прямоугольное. № 116 Сохранились 2 буквы в конце второй строки. ... ...ΟΥ. Слой II-I вв. до н.э.</p> <p>10. Кит-90, II,8/28. Прямоугольное. № 273. ...ΟΝΑΣ ...Υ. Слой II-I вв. до н.э.</p> <p>11. Кит-94, I,23/под кл. 87. Прямоугольное. № 78. ΖΗΝΩ[N]. Буквы «ню» и «омега» перевернутые. Возмо- жно это фабрикант, работавший между 220 и 180 гг. до н.э. См. IPE. III. С. 123.</p>
--	---

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА АРХАИЧЕСКОГО МИРМЕКИЯ

(динамика изменений)

Лепная керамика, происходящая с территории античных городов и поселений Северного Причерноморья, с давних пор привлекает внимание исследователей. Из всего археологического материала именно лепная посуда в первую очередь использовалась для реконструкции греко-варварских взаимоотношений на конкретных памятниках. Особенно любопытны остатки лепных сосудов, найденные в наиболее ранних слоях и комплексах, которые позволяют пролить свет на первый период существования греческих колоний, когда небольшие группы колонистов вступали в первые контакты с населением ближайших областей.

Лепная керамика Ольвии и Березани была детальнейшим образом изучена в работе К.К. Марченко (Марченко 1988), для Боспора же до сих пор единственной сводной работой остается книга Е.Г. Кастанаян (Кастанаян 1981). Со времени ее выпуска прошло уже довольно много времени, за которое был накоплен весьма многочисленный и интересный керамический материал. В значительной мере это касается и раздела, посвященного керамике VI - начала V вв. до н.э., которая была представлена в книге весьма незначительным числом фрагментов.

В своем сообщении я хотел бы рассмотреть обломки лепной керамики конца VI - первой трети V вв. до н.э., открытые при раскопках на городище Мирмекий в 80 - 90-х гг. При этом основное внимание будет уделено не столько отдельным фрагментам, сколько изменению типов и состава лепной посуды на протяжении архаического периода, так как эти колебания фиксируют разнообразные изменения, происходившие в греко-варварских взаимоотношениях на протяжении изучаемого времени. В ряде своих работ я уже касался проблем, связанных с лепной керамикой или в комплексе вместе с остальным керамическим материалом (Бутягин 1997, 98), или в сравнении с лепной керамикой Нимфея (Бутягин 1998, 143-144), но не рассматривал весь комплекс мирмекийской позднеархаической лепной посуды в целом.

Большинство позднеархаических слоев содержащих лепную керамику датируются достаточно широко. В связи с этим наибольший интерес вызывает керамика, происходящая из комплексов (ям или полуземлянок), которые можно датировать более-менее точно.

Самые ранние образцы лепной керамики происходят из группы ям, находившихся вблизи мирмекийской скалы. Судя по многочисленным фрагментам расписных сосудов, время существования этих ям относится ко второй четверти VI в. до н.э. Ямы забиты керамическими обломками, значительная часть которых носит следы пребывания в огне. Пожар, в

котором погибли эти сосуды произошел не позднее середины VI в. до н.э.

Таким образом, материал из ям относится к самым ранним годам существования поселения. Доля найденных фрагментов лепной керамики составила 14% (здесь и далее указана доля от неамфорного материала), то есть около 40 фрагментов. Выразительных обломков также найдено немного. Среди них большинство составляют части горшков с отогнутым наружу венчиком (тип 1 по К.К. Марченко 1988, 72-73), широко распространенных на памятниках Северного Причерноморья (рис. 1-3). Один небольшой обломок принадлежит сосуду с резным орнаментом (рис. 5), которые обычно связывают с Кизил-Кобинской культурой (Крис 1981, 33-34). Также найден фрагмент, по всей видимости, принадлежавший горшку с прямым краем (рис. 4) и стенка горшка с налепом. Открыто и несколько обломков лощеных мисок. Следует сказать, что тесто лепной посуды, найденной в Мирмекии, обычно серое, иногда черное в изломе, с примесью значительного количества тертой ракушки, реже шамота не изменяется на всем протяжении поздней архаики. Иной состав теста имеет лишь незначительное число фрагментов.

Одна из ранних ям несколько отличается от других. В ней было открыто несколько уровней заполнения, но наибольшее число находок происходит из слоя золы, который образовался в результате упомянутого выше пожара. Доля лепных фрагментов в найденном здесь керамическом материале несколько выше, чем в других ранних ямах. Среди них очень любопытны фрагменты горшков с загнутым внутрь краем, один из которых украшен пальцевыми вдавлениями (рис. 6, 7), и обломки серолощенных мисок.

Ряд ям, судя по керамическому материалу, так же, как и предыдущие, датируется временем около середины VI в. до н.э., но они не перекрыты прослойкой пепла, а их заполнение не до такой степени насыщено золой, чтобы его можно было связывать с пожаром. Скорее всего большая часть этих ям была сооружена непосредственно после пожара середины VI в. до н.э. и, таким образом, характеризует следующий этап развития поселения. Эту мысль подтверждает и то, что доля лепной керамики чрезвычайно возрастает и составляет здесь 54%(!). В большинстве своем здесь представлены обломки горшков с отогнутым венчиком, который иногда уплощен, часто украшен насечками или ногтевыми вдавлениями (рис. 8, 13-15). Встречены и обломки горшков с вертикально поставленным (рис. 11) или загнутым вовнутрь венчиком. Есть обломки серолощенных мисок.

Здесь же следует рассмотреть и материал происходящий из самой ранней мирмекийской землянки, время функционирования которой относится к середине VI в. до н.э. (Виноградов 1991, 11-19). Это небольшое заглубленное сооружение круглой в плане формы прорезало чуть более раннюю яму, но материал из них столь схож, что представляется целесообразным рассмотреть керамику из землянки и ямы вместе. Доля лепной керамики в керамическом комплексе составила 24%, что является

наивысшем показателем среди архаических полуземлянок, а в прилежащей яме - целых 37% и формы лепной посуды здесь чрезвычайно разнообразны. Открыты обломки трех типов горшков: с отогнутым венчиком (рис. 24, 27), с прямым вертикальным краем и с загнутым вовнутрь краем (последние имеют под краем ряд пальцевых вдавлений (рис.18, 19). Найдено довольно много обломков серолощенных мисок с вертикальным или загнутым вовнутрь краем, некоторые из них имеют горизонтальные или вертикальные налепы под краем (рис. 22, 28). Подобные фрагменты найдены и в четырехугольной землянке открытой на акрополе Мирмекия, но поскольку это сооружение существовало с середины VI по начало V вв. до н.э., достоверно нельзя утверждать, что эти обломки относятся к раннему периоду.

Примерно к третьей четверти VI в. до н.э. относятся материалы найденные в слое засыпки за ранней оборонительной стеной, где открыто множество обломков лепных горшков с отогнутым и вертикальным венчиком. К концу третьей - последней четверти этого века относится керамика из четырехугольной землянки, открытой вблизи мирмекийской скалы. Здесь найдены обломки маловыразительных горшков и мисок. Любопытен только фрагмент венчика, возможно, кувшина, аналогии которому мне неизвестны (рис. 23). К этому же времени, видимо относится и небольшая четырехугольная землянка. В ее заполнении было сравнительно много лепных обломков, в том числе многочисленные обломки горшков с отогнутым наружу венчиком и фрагменты мисок с налепами под краем (рис. 20, 21).

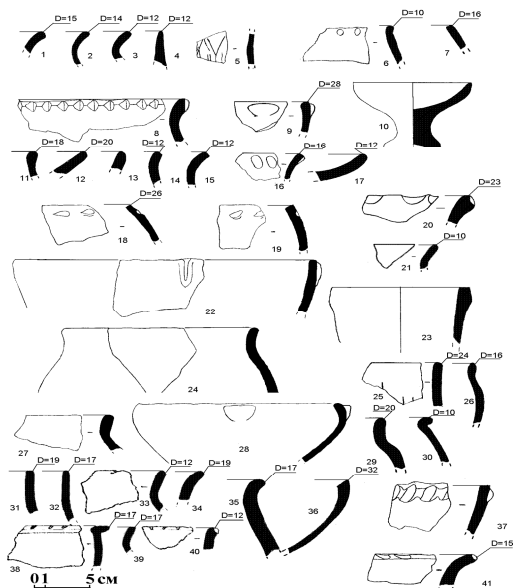
Большинство позднеархаических ям (сейчас их открыто более 30) относятся ко второй половине VI - началу V в. до н.э., причем их большая часть была сооружена в последней четверти VI в. до н.э. Доля лепных сосудов в их керамическом комплексе составляет около 16%. Подавляющее большинство фрагментов относится к обломкам горшков с отогнутым венчиком, многие из которых имеют насечки или вдавления по краю (рис. 33, 34, 39, 40). Встречаются и горшки с вертикальным венчиком. Наиболее любопытны фрагмент с защипами под венчиком, подобный находкам на некоторых скифских памятниках, и обломок лепной лощеной миски с подрезанным краем, который имеет аналогии на фракийских поселениях. Очень немногочисленны фрагменты лепных лощеных мисок, один из которых имеет налест под краем.

В поздних землянках, время существования которых относится к последней четверти VI - началу V в. до н.э., то есть непосредственно перед переходом к каменному наземному домостроительству, процент лепной керамики составил 12%. В большинстве своем это обломки горшков с отогнутым наружу венчиком, иногда украшенным пальцевыми вдавлениями. Исключениями являются фрагментированная курильница, поверхность которой чуть залощена и несколько обломков лощеных мисок с вертикальным или отогнутым наружу краем.

В начале V в. до н.э. землянки были засыпаны и по всей территории поселения строятся наземные постройки с сырцовыми стенами на каменном цоколе. Доля лепной керамики в этих комплексах несколько уменьшается (до 9.8%), хотя она колеблется в разных помещениях в пределах 6-15%. Это практически исключительно обломки плоскодонных горшков с отогнутым наружу венчиком. В конце первой трети V в. до н.э. эти дома были брошены и разрушены при строительстве оборонительной стены, что и является конечным рубежом поздней архаики в Мирмекии.

На основании представленного материала можно сделать ряд выводов. На самом раннем этапе развития поселения (до середины VI в. до н.э.) количество варварской керамики найденной в комплексах невелико, что скорее всего свидетельствует о незначительном присутствии представителей варварского населения. Около середины века количество керамики резко возрастает, причем она чрезвычайно разнообразна. Помимо широко распространенных горшков с отогнутым венчиком, которые принято связывать со скифскими племенами, в очень значительном количестве присутствуют обломки горшков с вертикальным или загнутым вовнутрь краем, а также лощеные миски с налечами, которые уверенно можно связать с меотскими племенами (Беглова 1991; 59; Книпович 1935, 163), возможно, синдами. Отдельные фрагменты относятся к керамике Кизил-Кобинской культуры, а один, по всей вероятности, фракийский. На протяжении второй половины VI в. до н.э. уменьшается как количество лепной керамики, так и разнообразие ее форм. Хотя иногда встречаются керамические находки, которые также можно связать с меотами.

На основании представленного материала можно сделать ряд выводов. На самом раннем этапе развития поселения (до середины VI в. до н.э.) количество варварской керамики найденной в комплексах невелико, что скорее всего свидетельствует о незначительном присутствии представителей варварского населения. Около середины века количество керамики резко возрастает, причем она чрезвычайно разнообразна. Помимо широко распространенных горшков с отогнутым венчиком, которые принято связывать со скифскими племенами, в очень значительном количестве присутствуют обломки горшков с вертикальным или загнутым вовнутрь краем, а также лощеные миски с налестками, которые уверенно можно связать с меотскими племенами (Беглова 1991; 59; Книпович 1935, 163), возможно, синдами. Отдельные фрагменты относятся к керамике Кизил-Кобинской культуры, а один, по всей вероятности, фракийский. На протяжении второй половины VI в. до н.э. уменьшается как количество лепной керамики, так и разнообразие ее форм. Хотя иногда встречаются керамические находки, которые также можно связать с меотами.

Рис 1 - 41. Фрагменты архаической лепной керамики из Мирмекеи: 1-7 - ранние ямы (со следами пожара); 8, 11-15 - ранние ямы (после пожара); 9, 18, 19, 22, 24, 27, 28 - полуземлянки середины VI в. до н.э.; 31-34, 38-40 - слой за ранней оборонительной стеной; 20, 21, 23 - полуземлянки 3-ей четверти VI в. до н.э.; 10, 16, 17 - полуземлянки конца VI - начала V вв. до н.э.; 25, 26, 29, 30, 37, 41 - ямы конца VI - начала V вв. до н.э. (у фрагментов венчиков диаметр не указан в том случае, если он не определялся или определялся очень приблизительно).

К концу позднеархаического периода количество лепной керамики достигает низшей точки, и она представлена одним единственным типом - горшком с отогнутым венчиком.

По всей видимости, представители варварского населения, прежде всего меотских племен, вошедшие в состав населения городища около середины века, постепенно растворились или эллинизировались. На данный момент затруднительно сказать, кем могли быть эти люди, вряд ли это вообще можно сделать опираясь исключительно на анализ керамического материала.

В заключение хотелось бы сделать еще одно замечание. Горшки с отогнутым венчиком неизменно встречаются во всех комплексах и слоях Мирмекия на протяжении всего периода поздней архаики, даже когда исчезают все другие типы лепной посуды. Если толстые горшки с пальцевыми вдавлениями по краю можно более-менее уверенно связывать со скифским миром, то стоит ли это делать со всеми горшками типа 1 по К.К. Марченко? Некоторые экземпляры имеют относительно тонкие стенки, четко выделенный, иногда подрезанный венчик. Можно предположить, что эти горшки не только использовались, но и изготавливались греческим населением колонии. Эта форма вполне могла быть воспринята поселенцами от представителей варварского населения Мирмекия.

Библиография

- Беглова Е.А. 1991 Венцы I - поселение эпохи раннего железа в Закубанье. - Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М. с.55-67
- Бутягин А.М. 1997 О переходе к каменному домостроительству на городище Мирмекий - Stratum+ПАВ, СПб-Кишинев, 1997, с.94-100.
- Бутягин А.М. 1998 Варвары на поселениях архаического Боспора: по материалам лепной керамики из ранних комплексов Нимфея и Мирмекия - Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции. СПб, 6-9 октября 1998 г., СПб, Изд-во СПбГУ, 1998, с.141-144
- Виноградов Ю.А. 1991а Ранние комплексы Мирмекия - Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж-Белгород с.11-19.
- Кастанаян Е.Г. 1981 Лепная керамика боспорских городов. Л.
- Книпович Т.Н. 1934 Опыт характеристики городища у станицы Елизаветинской по находкам экспедиции Гос.Академии истории материальной культуры в 1928 г. - ИГАИМК вып.104 с.111-201
- Крис Х.И. 1981 Кизил-Кобинская культура и тавры. САИ Д1-7
- Марченко К.К. 1988 Варвары в составе населения Березани и Ольвии. Л.

ИГАИМК - Известия ГАИМК

ПАВ - Петербургский археологический вестник

САИ - Свод археологических источников

Ю.Л. ДЮКОВ
Санкт-Петербургский, Эрмитаж
Т.Н. СМЕКАЛОВА
Санкт-Петербург, СПбГУ

СОСТАВ МЕТАЛЛА МОНЕТ ГОРОДА КИЗИКА

С VI в. до н.э. и вплоть до широкого распространения золотых монет Александра Македонского в 30-х годах IV в. важное международное значение в денежном обращении Малой Азии, Причерноморья (в частности, на Боспоре) и самой Греции имели битые по фокейской системе статеры города Кизика, так называемые *кизикины* (Greenwell, 1887; Зограф, 1951, с. 41; Laloux, 1971). Они легально обращались в самих Афинах и в подвластных афинянам государствах, а в Причерноморье заменяли собственно аттическую монету (Шелов, 1949, с. 96; Карышковский, 1960, с. 96). Известно, что кизикские статеры и более мелкие их производные (гекты, гемигекты и мисгемигекты) изготавливались из электра - сплава золота и серебра. Исследователей неизменно интересует вопрос о соотношении этих двух благородных металлов в составе сплава кизикинов, поскольку без знания этого невозможно решить такие важные проблемы древней экономики, как установление курса кизикинов и относительной стоимости золота и серебра в разные периоды истории древнегреческих государств.

В научной литературе укрепилось мнение о непостоянстве состава металла кизикинов (Meysers, 1980, p.191; Зограф, 1951, с. 41; Виноградов, Карышковский, 1976, с.34-35), основанное на результатах разновременных исследований с использованием разнородных методов анализа (Hofmann, 1884; Head, 1892; Марков, 1903; Hammer, 1908, S.26-32; Healey, 1957, p.533; Das, Zonderhuis, 1964, p.90-97; Bodenstedt, 1976, S. 126; Булатович, 1970). Большая часть данных появилась более века назад еще до выхода наиболее полного исследования типологии и хронологии кизикинов Г. фон Фритце (v. Fritze, 1912). В настоящее время ощущается необходимость обобщить и привести в систему имеющиеся результаты анализов состава кизикинов с учетом классификации Фритце и ряда поздних поправок (Regling, 1931; Brett, 1955).

Летом 1998 года представилась возможность провести исследование электровых монет г. Кизика из собрания Государственного Эрмитажа с помощью рентгеновского флуоресцентного спектрометра³⁰ и присовокупить полученные данные к общему объему известных результатов. Полученные сводные данные могут послужить отправным

---

³⁰ Анализы проводились с помощью рентгеновского флуоресцентного спектрометра «Спектроскан», выпускаемого Санкт-Петербургским заводом Спектрон. Этот спектрометр позволяет получать полный спектр элементов в сплаве и количественно оценить содержание основных компонентов электра – золота, серебра и меди. Аренда спектрометра стала возможной благодаря гранту ФЦП «Интеграция» №326.24

пунктом для изучения динамики изменения золотого содержания кизикинов, их курса и относительной стоимости металлов в различные периоды в древнегреческих городах.

Греки и римляне знали два главных сплава золота и серебра, так называемое «белое золото» (*λευκοσ χρυσοϛ*) и *электр*, которые ими использовались для производства монет и ювелирных изделий. *Белое золото* – это природная смесь, получаемая непосредственно термической обработкой частиц выветренной золотоносной породы. *Электр* же был искусственным сплавом золота и серебра, причем часто с добавлением некоторого количества меди.

Первые монеты были выпущены во второй половине VII века до н. э. в Малоазийском государстве Лидия из «белого золота», то есть из золотого песка, который несли воды рек Пактол и Герм. Древние источники (Плиний – I в. н.э., Исидор Сивильский, VII в. н.э.) свидетельствуют, что состав природного белого золота определяется соотношением золота к серебру как 5:1 или 3:1³¹. Но на деле имеющиеся данные аналитических исследований показывают, что содержание золота может колебаться от 69% до 2%. Например, анализ состава двух гект 650-561 гг. до н. э., относящихся ко времени правления лидийского царя Алиата, отца знаменитого Креза, проведенный методом электронных микропроб и рентгено-флуоресцентной спектроскопии показывает, что сплав этих монет содержит 45-50% золота, 47-41% серебра и 1,5-3% меди³². Металлографический анализ доказал, что монеты были чеканены из неочищенного природного *белого золота* из аллювиальных месторождений (Paszthy, 1970). Непостоянство *белого золота* по своему составу (Nealy, 1974, p. 21), возможно, явилось одной из причин установления Крезом (560-546 гг. до н. э.) биметаллизма в монетной чеканке, то есть введения золотых и серебряных монет, связанных между собой определенным соотношением. Это новшество было предопределено развитием технологии очистки и повышения содержания золота в намытом песке до желаемого соотношения. Раскопки в Сардах раскрыли квартал ремесленников - металлургов, в котором находились печи времени царя Креза для отделения золота от серебра из исходного аллювиального продукта (Hanfmann, Waldbaum, 1970). Возможно, при этом применялся так называемый метод цементации, который в общих чертах описан у более поздних авторов –

---

³¹ Plinius [XXXIII, 80]: *omni auro inest argentum vario pondere aliubi decuma parte, aliubi octava; ubicumque quinta portio est, electrum vocatur* (любое золото содержит серебро в различных пропорциях, иногда одну десятую, иногда одну восьмую часть; при содержании пятой части серебра смесь зовется электром). Isidorus, Origines XVI, 24: электр есть смесь трех частей золота и одной части серебра.

³² Таким образом, присутствие небольшого количества меди не может служить индикатором того, что сплав изготовлен искусственным образом.

Агафаркида (конец II века до н.э., в передаче Диодора (Diod.,3,4³³) и Страбона (I век до н.э. (Strabo, III, 2,8)).

Наиболее ранним свидетельством применения искусственного сплава электра, состав которого находился под государственным контролем, является уникальный документ о монетном союзе между городами Митиленой и Фокеей (IG XII, (2), 1; Nealy, 1974, p.22-23), который также гласит, что любой, виновный в ухудшении качества сплава относительно установленного, должен будет подвергнуться смертной казни. Однако даже угроза сурового наказания не смогла повлиять на тенденцию постепенного снижения содержания золота в монетах. Так, гекты Фокеи в 600-525 гг. до н.э. содержат 53,8% золота, 38,4% серебра и 7,8% меди. В период от 521 до 478 гг. до н.э. их состав иной: 45,7% золота, 44,6 % серебра и 9,7% меди. А в период 477-326 гг. до н. э. содержание золота падает до 38,9% за счет увеличения содержания серебра (49%) и меди (12%) (Bodenstedt, 1976; Moesta, Franke, 1995, S. 29).

Из искусственного электра чеканили монеты также города Карфаген, Кизик, Лампсак, Милет, Эфес, Хиос, Самос, Сиракузы, Панормос (Nealy, 1957, p. 533; Nealy, 1965, p. 37; Jenkins, 1968). Результаты предшествующих аналитических исследований показывают, что существовало два типа электровых сплавов: двухкомпонентный (золото, серебро) и трехкомпонентный (золото, серебро и медь). Из сплава первого типа выпускал свои монеты Карфаген (Jenkins, Lewis, 1963, p.9-10, 63-72, 139-140) а сплав монет остальных перечисленных выше городов содержит в заметных количествах медь, которая добавлялась, очевидно, как из соображений улучшения металлургических качеств монет (увеличения жесткости сплава и увеличения золотистого оттенка монетных кружков), так и удешевления их производства. Кизикины по сравнению с другими электровыми монетами занимают особое положение в силу их необычайной популярности в эпоху наивысшего расцвета древнегреческого мира (Виноградов, Карышковский, 1974, с. 36), которые с VI по IV вв. до н.э. служили своего рода международной валютой для многих античных городов Причерноморья. Было высказано предположение, что электр кизикинов, по-видимому, рассматривался как самостоятельный металл, и монеты, чеканенные из него, обращались по некой фиксированной стоимости, которая не зависела от содержания золота в сплаве (Виноградов, Карышковский, 1974, с. 37; Marchetti, 1976, p.35). Нам представляется это предположение верным, по крайней мере, для начального периода чеканки, когда кизикины только завоевывали ту

---

³³ Diod. III, 14, 1-4: После обогащения получившаяся руда закладывается в глиняный сосуд. Искусный мастер примешивает к этому некоторое количество свинца, соли, немного олова и ячменные отруби. Все это закрывается плотно пригнанной крышкой, которая замазывается глиной и ставится в печь, где прокаляется в течение 5 дней и ночей. За тем после остывания сосуда, в нем оказывается чистое золото с небольшой естественной потерей в весе относительно исходного продукта.

популярность и доверие, которые затем обеспечили им устойчивость рыночного курса на долгие годы.

Полученные данные для монет из коллекции Государственного Эрмитажа позволяют сделать вывод о том, что содержание основных компонентов в сплаве меняется в небольших пределах: золота – от 43.8 до 65.2%, серебра – от 27.1 до 50.5%, меди – от 1.6 до 8.8%. Для того, чтобы проследить изменение состава кизикинов от периода к периоду, были высчитаны средние значения и среднестатистическое отклонение от среднего для монет каждого из четырех периодов (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Среднее значение состава сплава кизикинов из коллекции Государственного Эрмитажа

Период (годы до н.э.)	Кол-во экз.	Среднее процентное содержание компонентов		
		Au %	Ag %	Cu%
I (600-500)	2	58.8 ± 1.5	31.2 ± 1.5	8 ± 3
II (500-460)	33	54.7 ± 3.1	38.6 ± 3.2	5.4 ± 1
III (460-400)	10	50.3 ± 3.5	43.4 ± 3.6	5.7 ± 1
IV(400-330)	9	52.2 ± 2.4	40.5 ± 2.6	5.8 ± 0.8

Отметим, что наиболее надежные результаты получены для второго периода, так как исследовано достаточно большое количество экземпляров.

В эрмитажной коллекции монет первого периода всего две. Обе они демонстрируют высокое содержание золота в своем составе – более 60% и довольно заметное содержание меди – около 5%. Для двух следующих периодов мы наблюдаем неуклонное снижение содержания золота в сплаве, в основном, за счет увеличения содержания серебра, так как содержание меди в монетах остается на одном уровне. Довольно резкое падение среднего значения золота наблюдается для монет второго периода³⁴, самых многочисленных в коллекции (33 экз.), - количество золота в кизикинах II группы уменьшилось до 56.7%. Для монет третьей группы эта величина составляет 52.3% (исследовано 10 экз.). Интересно, что монеты позднейшей, четвертой группы (имеется 9 экз.) содержат золота примерно столько же, сколько и на предыдущем этапе (с учетом интервала разброса данных).

³⁴ Как известно, в основе классификации Г. фон Фритце лежит анализ технических особенностей вдавленных квадратов на оборотной стороне монет (v. Fritze, 1912). Второй период исследователь подразделял на три, причем монеты подгруппы II-с не отличаются своими вдавленными квадратами от монет следующей группы III-а, и поэтому граница между этими группами устанавливается по стилистическим признакам изображений на лицевых сторонах (Жарышковский, 1960, с. 4)

Таким образом, по результатам исследования кизикинов из собрания Государственного Эрмитажа можно сделать вывод об уменьшении содержания золота в их сплаве, причем наиболее резкий скачок зафиксирован для монет второй и третьей групп по отношению к первой: монеты II группы содержат золота в среднем на 4% меньше, чем I, а монеты III группы – еще на 4% меньше, чем второй. Монеты четвертой группы содержат золота в среднем на 6.6% меньше, чем монеты первой и на 2.5% меньше, чем второй, но примерно столько же, сколько было этого металла в составе монет третьей группы.

Сравним теперь полученный результат с предыдущими данными, известными по литературным источникам. Как уже упоминалось, для исследования кизикинов применялись самые различные методы (см. сводку применявшихся методов в работе: (Healy, 1980). Наиболее популярным оказался способ измерения удельного веса, то есть взвешиванием в жидкости. Этот метод наиболее простой, известный древним грекам со времен Архимеда. Несмотря на то, что точность метода удастся повысить за счет применения более тяжелых жидкостей (хлороформа вместо дистиллированной воды) и введением температурных поправок (Caley, 1949), тем не менее остаются другие причины ухудшения надежности метода (наличие каверн в монетах, влияние поверхностного натяжения и пр.) (Hughes, Oddy, 1970). Однако наибольшее ограничение метода состоит в том, что он пригоден только для двухкомпонентных сплавов. Поэтому применение метода удельного веса для исследования кизикинов, которые, как известно, содержат помимо золота и серебра также и медь в заметных количествах, приводит к занижению полученных значений концентрации золота и завышения содержания серебра. В тех случаях, когда имеются независимые данные по составу меди в кизикинах, представляется возможность внести соответствующие поправки в величины содержания золота и серебра.

Наибольшее количество кизикинов (113 экз.) было изучено еще в конце прошлого и начале нынешнего века (Hofmann, 1884; Hammer, 1908) именно методом гидростатического взвешивания. Поэтому эти данные должны быть критически рассмотрены с точки зрения того, что приведенные значения концентраций золота занижены не менее чем на несколько процентов. Действительно, это подтверждалось в тех немногих случаях, когда одну и ту же монету удавалось исследовать методом удельного веса и с помощью «мокрого» химического анализа. Например, статер из собрания Британского музея исследовался сначала взвешиванием, что дало 51% золота и 49% серебра. Затем эта же монета исследовалась методом химического анализа, и показатели были следующие: 57.9% золота, 39% серебра и 3.4 % меди (Head, 1892).

Несмотря на сделанную существенную оговорку, попробуем все же принять во внимание полученные исследователями данные (Hofmann, 1884; Hammer, 1908). Поскольку эти работы вышли еще до появления статьи Г.

фон Фритце по периодизации кизикинов, необходимо было привести их в систему с учетом современных представлений о хронологии этих монет. Для этого данные Дж. Хаммера и К.В. Хофманна нами были перегруппированы заново. Из-за отсутствия данных по содержанию меди в этих монетах, не представляется возможным внести поправки на заниженное содержание золота. Приходится только предполагать более высокие истинные значения концентрации этого элемента и рассматривать данные с точки зрения относительных изменений содержания золота в кизикинах от периода к периоду. По данным Дж. Хаммера, средняя концентрация золота в кизикинах наиболее ранней группы – 44.95%; второй группы – 44.07 %, третьей группы – 42.96, четвертой – 36.5%.

Сравнительно немногочисленные данные К.В.Хофманна дают следующие значения: I период – золота 59%, II период – 47.46%, III период – 45.26%, IV – 42.16%. Необходимо учесть, что исследования также проводились гидростатическим взвешиванием, так что, вероятно, данные по концентрации золота занижены по сравнению с истинными значениями.

Приступим теперь к рассмотрению данных анализов монет из собрания Музея в Гааге. Всего было исследовано 30 экз., относящихся ко второму-четвертому периоду чеканки, причем исследования проводились несколькими независимыми аналитическими методами: гидростатическим взвешиванием и тремя разновидностями нейтронно-активационного анализа (Meuvers, 1972). С помощью взвешивания монет было первоначально оценено количество золота и серебра в сплаве, в то время как с помощью нейтронно-активационного анализа удалось определить содержание меди. Полученные данные можно в совокупности использовать для введения поправок на содержание золота, чтобы получить наиболее приближенные к истинным значения состава кизикинов. Для первого периода была исследована только одна монета. В ней золота содержится 52.6%, или с учетом поправки 55%. Средние значения содержания золота для монет второго периода составляет 49.07%, или 51%. Для третьего периода соответствующие средние значения равны 43.04% и 45%. Была исследована только одна монета четвертого периода, в которой золота оказалось 40.3%, а с учетом поправки – 42%.

И, наконец, приведем данные пробирного анализа статеров города Кизика из Орловского клада (Булатович, 1970). Монет первой группы в кладе не было. Среднее значение содержания золота для кизикинов второй группы – 54.45%, третьей группы – 53.4%. Статеры наиболее многочисленной представленной в кладе четвертой группы содержат в среднем 53.2% золота.

Внесем все полученные данные в таблицу 2:

Таблица 2. Сводные данные по среднему содержанию золота в кизикинах по результатам исследований Дж.Наммера, К.В.Хофманна, П.Мейера, С.А.Булатович и авторов статьи

Период, Годы до н.э.	Среднее содержание золота в кизикинах, %				
	J.Hammer	K.W.Hoffmann	P.Meyer	С.А.Булатович	Ю.Л.Дюков, Т.Н.Смекалова
I (600-500)	44.95	59	55		58.8
II (500-460)	44.07	47.46	51	52.45	54.7
III (460-400)	42.96	45.26	45	51.4	50.3
IV (400-330)	36.5	42.16	42	51.2	52.2

Из рассмотрения полученных данных следует, что содержание золота неуклонно уменьшалось от периода к периоду, и этот процесс нельзя признать случайным, так как он зафиксирован по данным всех известных нам исследований.

О чем же может говорить данный факт? Во-первых, о том, что кизикины изготовлены из искусственного сплава, так как только при этом условии может наблюдаться данная закономерная тенденция. Кроме этого, состав сплава, безусловно, находился под государственным контролем, так как в противном случае отклонения в составе могли быть беспорядочными. Наиболее высокие значения концентрации золота наблюдаются только для начального периода чеканки. Для этого же периода характерен и наибольший разброс данных, что может свидетельствовать в пользу того, что кизикины только на первом этапе изготавливались из природного аллювиального «белого золота»³⁵. Однако такое положение, по-видимому, продержалось недолго. Как только было обнаружено, что золотой песок состоит из золота и серебра, и как только был изобретен эффективный способ отделения одного от другого, так сразу же новый искусственный сплав электр получил самое широкое распространение в монетном деле.

Полученные усредненные данные (Таблица 2) можно использовать для оценки относительной стоимости драгоценных металлов в ту или иную эпоху. Предполагается, что эта тема будет затронута в следующей статье авторов.

Список литературы

- Булатович С.А. Клад кизикинов из Орловки. ВДИ. № 2. 1970. С.73-86
- Виноградов Ю.Г., Карышковский П.О. Ольвийский декрет Каноба о деньгах и стоимость драгоценных металлов на Понте в IV в. до. н.э. ВДИ. № 4. 1976. С. 20-42

³⁵ Пролить больший свет на эту проблему помогли бы дальнейшие исследования состава кизикинов с учетом таких примесей, как свинец, так как было установлено, что этот металл в аллювиальном золоте не обнаруживается, поэтому его присутствие в монетах может говорить о том, что сплав изготовлен из очищенных золота и серебра, так как свинец обычно присутствует в небольших количествах в очищенном серебре.

- Карышковский П.О. Ольвия и Афинский союз. МАСП. Вып.3. Одесса, 1960. С. 57-100
- Карышковский П.О. Об обращении кизикинов в Ольвии. НЭ. II.1960. С.3-13
- Марков А.К. Древняя нумизматика. СПб, 1903. С. 203
- Шелов Д.Б. Кизикские статеры на Боспоре. ВДИ. № 2. 1949. С.93-98
- Bodenstedt F. Phokaischen Elektron-Geld von 600-326 v. Chr. Mainz, 1976. S.126 (K1-8)
- Brett A. Catalogue of Greek Coins. Museum of Fine Arts, Boston. 1955. P. 185-204
- Caley E.R. The validity of the specific gravity method for the determination of the fineness, of gold objects. Ohio Journal of Science. XLIX. 1949. P. 73-82
- Das H.A., Zonderhuis J. Archaeometry. VII . 1964. P.90-97
- Hammer J. Der Feingehalt der griechischen und römischen Munzen. Zeitschrift für Numismatik. XXVI. Berlin, 1908, S.1-144
- Hanfmann M.A., Waldbaum J. Excavations at Sardis. Harvard University Press, Cambridge, Mas.,1970, p.18
- Head B.V. A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Ionia. London, 1892, p. XXVII, XXVIII.
- Healy J.F. The composition of Mytilenian electrum. Congress International de Numismatique Paris, 1953. Paris: Biblioteque Nationale, 1957. P.529-536
- Healy J.F. The use of Sicilian and Magna Graecian Types in White Gold and Electrum Series of Asia Minor and the Islands. Congresso internazionale di Numismatica. Roma, 1965 p.37-44
- Healy J. F. Greek refining techniques and the composition of gold-silver alloys. RBN. CXX, 1974, p.19-33
- Healy J.F. Greek white gold and electrum coin series. RNS. Special publication N 13. 1980. P. 194-215
- Hoffmann K.W. Zur Geschichte der alten Legierungen. NZ. Bd. XVI, 1884. S.32-35
- Hoffmann K.W. Zur Geschichte der alten Legierungen. NZ. Bd. XVII, 1885. S.7-9
- Hughes M.J., Oddy W.A. A re-appraisal of the specific gravity method for the analysis of gold alloys. Archaeometry. XII. 1970. P.1-11

- von Fritze H. und H. Gaebler. Die Elektronprägung von Kyzikos. *Nomisma*, Heft VII, 1912, S.1-38
- Greenwell- W. Greenwell. The electrum coinage of Cyzicus. *Numismatic Chronicle*. Ser. 3. VII. 1887
- Jenkins G.K., Lewis G.K. Carthaginian Gold and Electrum Coins. RNS. Special publication N 2. London, 1963
- Jenkins G.K. Electrum Coinage at Syracuse. In: *Essays in Greek Coinage presented to Stanley Robinson* (eds. C.M.Kraay and .K.Jenkins). Oxford, 1968, p. 145-162
- Laloux M. La circulation des monnaies d'electrum de Cyzique. *RBN*. CXVII. 1971. S. 31-69
- Marchetti P. Le cours du cyzicene au IV-e siecle. *RBN* CXXII, 1976, p.35-58
- Meyers P. Activation Analysis Methods Applied to Coins: A Review. *Methods of Chemical and Metallurgical Investigations of Ancient Coinage*. Ed. E.T.Hall and D.M.Metcalf. London. RNS. 1972. P.183-193
- Moesta H., Franke P.R. *Antike Metallurgie und Munzprägung*. Basel; Boston; Berlin: Birkhauser Verlag, 1995. 183 S.
- Paszthory E. Investigations on the Early Electrum Coins of the Alyattes type. *Metallurgy and Numismatics I*, London, 1980, p. 151-156
- Regling K. Der griechische Goldschatz von Prinkipo. *ZfN*, XLI, 1931, S.1-46

Список сокращений:

ВДИ	– Вестник древней истории
МАСП	– Материалы по археологии Северного Причерноморья, Одесса
НЭ	– Нумизматика и эпиграфика
RBN	– <i>Revue Belge de Numismatique</i>
RNS	– <i>Royal Numismatic Society</i>

И. В. ТУНКИНА

Санкт-Петербург, Архив РАН

РАСКОПКИ И. П. БЛАРАМБЕРГА В КЕРЧИ В 1826 Г. 36

Иван Павлович Бларамберг (1772–1831), избранный в 1830 г. членом-корреспондентом Берлинской АН по представлению основателя научной эпиграфики Августа Бека, широко известен как один из первых русских археологов и коллекционеров древностей. В 1826 г. он стал директором

³⁶ Исследование проведено при финансовой поддержке РФГФ, проект № 96-01-00236.

Керченского музея древностей, который в соответствии с проектом Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова должен был хранить памятники, найденные в окрестностях Керчи, по берегам Боспорского пролива, на Таманском полуострове и в Крыму.³⁷

В письме к И. П. Бларамбергу от 31 марта 1826 г. М. С. Воронцов предписал директору отправиться в Керчь для открытия музея и «для занятия систематического разрытия одного или двух курганов в окрестностях Керчи». 2 июня 1826 г. музей был официально открыт. «Дом нанял я для помещения музея по необходимости, — сообщал И. П. Бларамберг, — и до дальнейшего повеления Вашего Сиятельства, на два месяца у г. Павла Дюбрюкса, за 400 рублей в год, с тем уговором, чтобы все нужные поправки и раскрашения зала, сделаны были на счет его». ³⁸ У частных лиц были «собраны» мраморные статуи, надгробия и «другие камни с барельефами и надписями», большое количество амфор.

Вещи из первых раскопок директора также поступили в музей. К 1826 г. им совместно с Дюбрюксом было раскопано более 35 курганов, большая часть которых оказалась грабленными. В полевых работах участвовали П. Дюбрюкс, фактически руководивший раскопками, сын Бларамберга — Михаил, «практикованный гребкопатель» Дмитрий Семенов.³⁹

В 55 сажнях [ок. 12 м] от Золотого кургана (Алтын-Оба) И. П. Бларамберг приказал начать раскопки остатков круглого в плане «псевдоциклопического сооружения», имевшего 19 сажений в поперечнике и заваленного огромными бесформенными глыбами,⁴⁰ которое П. Дюбрюкс принял за место, «где отдавались почести умершим и приносились жертвы душам усопших»,⁴¹ а Бларамберг за храм или жертвенное место. Описания И. П. Бларамберга и П. А. Дюбрюкса довольно невняты и не дают адекватного представления об исследованном ими памятнике.

Затем были проведены раскопки кургана, расположенного «в некотором отдалении» от Алтын-Обы. В Керчи ходили слухи, что один из таможенных служащих, разрушив часть свода для добычи хорошо обработанных камней, наткнулся на следы погребения. Дюбрюкс также пишет о раскопанном им склепе с полукруглым сводом, находящемся поблизости от Золотого кургана, который оказался грабленным.⁴²

---

³⁷ ИР ЦНБ. V, 1224–1516. Л. 12.

³⁸ Там же. Л. 112, 127–127 об., 131–131 об.

³⁹ Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского // ЗООИД. 1858. Т. 4. Отд. 1. С. 28; ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 20. Л. 23.

⁴⁰ ИР ЦНБ. V, 1025. Л. 2.

⁴¹ Дюбрюкс П. Указ. соч. С. 28, 29.

⁴² ИР ЦНБ. V, 1025. Л. 2.

Работы перенесли на курган, находившийся по дороге из Керчи в Еникале, в 1,5 верстах [1,6 км] от крепости. Там обнаружили ограбленный, еще «более грандиозный» склеп, по конструкции отличавшийся от предыдущего.

Неподалеку от этого склепа открыли гробницу с останками деревянного резного ложа, чеканными золотыми пластинками в виде листиков, бронзовым литым браслетом, осколками стекла и изъеденным ржавчиной оружием. Рядом с могилой нашли фрагмент надробной плиты с рельефным изображением головы лошади до погрудного ремня и правой руки всадника, держащего поводья.⁴³

Потом Бларамберг перенес раскопки на один из курганов на хребте горы Митридат, за пределы границ древнего Пантикапея. Один из склепов этого кургана ранее обследовал П. Дюбрюкс, «которому почти ничего не удалось... найти». Он использовал камни склепа для своих хозяйственных построек и оставил курган «в том положении, в каком мы его и обнаружили». О других находках в рапорте Бларамберга не упоминается.⁴⁴

Такая скудость находок разочаровала Бларамберга. Чтобы «с лихвой окупить все расходы» он решил раскопать «один из курганов средней величины», расположенный слева от дороги, ведущей в Феодосию. По свидетельству Ф. Дюбуа де Монпере, он находился у городских ворот. Швейцарский путешественник сообщает неверную дату раскопок — 1824 г. Он пишет, что в Керченском музее хранился каталог находок в этом кургане. Бларамбергом был составлен план «с положением его раскопок», с которым Дюбуа де Монпере так и не удалось ознакомиться.⁴⁵ Более подробные сведения приведены в рапорте директора музея М. С. Воронцову и в неопубликованной статье И. П. Бларамберга, к сожалению, лишенной иллюстраций.⁴⁶

В этом кургане были открыты 4 погребения, перекрытые мощными известняковыми плитами.⁴⁷ В первой могиле погребальный инвентарь оказался разложен на некоем подобии деревянной скамейки из можжевельника или «фигового дерева» с инкрустацией. Вещи оказались перемешанными с останками обугленных костей. Характер инвентаря позволяет утверждать, что было открыто трупосожжение женщины конца I в. до н. э. Среди находок — прядь волос «очень черного цвета» прекрасной сохранности; золотой перстень с сирийским гранатом (инталия с изображением Афины со щитом в правой и копьем в левой руке); два золотых перстня меньшего размера с гладкими выпуклыми камнями без гравировки; золотая булавка с камнем, на котором вырезано изображение

---

⁴³ Там же.

⁴⁴ ИР ЦНБ. V, 1025. Л. 2–2 об.; V, 1026. Л. 2 об.

⁴⁵ Dubous de MontpOreux F. Voyage autour de Caucase, etc. P., 1843. Т. 5. P. 139–140.

⁴⁶ ИР ЦНБ. V, 1024–1026.

⁴⁷ ИР ЦНБ. V, 1026. Л. 2 об.

бачочки; серебряная окисленная булавка, «разделенная на части, окружающие маленький камень, на котором гравирована голова»; бирюзовые серьги в золотой оправе с украшениями в виде золотых маленьких эротов; 4 шарообразные серьги из халцедона и агата; 7 резных бусин из халцедона и стекла разного цвета с дырочками и каннелюрами; 2 золотых браслета с искусно выполненным филигранным орнаментом; фрагменты терракотовой статуэтки Сераписа, покрытой голубой и розовой красками; протома «Изиды или Прозерпины» (Коры), выполненная в «лучших греческих традициях»; пара терракотовых голубок, сидящих на веретенообразной палочке; фрагменты большого ожерелья из очерненного, местами окисленного, серебра, концы которого украшены львиными головами; расколотое надвое металлическое зеркало; тонкие золотые листики (вероятно, от погребального венка); круглая золотая пластинка с индикацией монеты — «герма, на ней мужская бородатая голова, справа ветка мирта» («ветка какого-то дерева или кустарника, склоненного наподобие плакучей ивы»), слева монограмма ВАЕ (Фролова, ч. 1, табл. IX, 20–28; табл. X, 1–8)⁴⁸; две медные монеты с той же монограммой — одна с изображением «мужской головы, на обороте — крылатый змей, опирающийся на извивающийся хвост» (ср.: Фролова, ч. 1, табл. VI, 24–26; табл. VII, 1–7), другая — на аверсе «голова Аполлона», на реверсе изображение, аналогичное отписку на золотой пластинке (Фролова, ч. 1, табл. IX, 20–28; табл. X, 1–8).⁴⁹

Во втором, также женском погребении с трупосожжением, найдены: золотой перстень с камнем и гравированным изображением идущей Афины с щитом в руках; две круглых золотых серьги; два стеклянных «флакона или фиалы»; прядь волос «необычайно черного цвета в деревянной шкатулочке, имеющей форму чаши» (пиксиде); медная монета — на лицевой стороне «изображение бога садов с отличительными атрибутами», на обороте — «то же изображение с веткой мирта или ивы», что и на индикации монеты из первого погребения.⁵⁰

В третьем, несомненно мужском погребении, находились две «фиалы» или стеклянных флакона с птичьими косточками, медный стригиль, полностью покрытый окислом зеленого цвета, золотой перстень с инталией, изображающей козерога, из сирийского граната, тончайшая золотая пластинка в форме монеты с индикацией — «голова Пана, изображение которого можно встретить на автономных монетах Пантикапея».⁵¹

⁴⁸ Фролова Н. А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. — середина IV в. н. э.). М., 1997. Ч. 1. Здесь же на с. 24–53 см. подробный разбор дискуссии о монетах с монограммой ВАЕ.

⁴⁹ ИР ЦНБ. V, 1024. Л. 2–2 об.; V, 1025, Л. 3 об.; Dubous de MontpOreux F. Voyage... T. 5. P. 140–141.

⁵⁰ ИР ЦНБ. V, 1024. Л. 2 об.–3.

⁵¹ ИР ЦНБ. V, 1024. Л. 4–4 об.

В последнем, четвертом погребении, вероятно, женском, были обнаружены кусочки золотого погребального венка в виде листьев дикого сельдерея, перстень с изображением «Юноны, мечущей молнию» на сирийском шлифованном гранате выпуклой формы, золотая подвеска серьги в виде «диоты [амфоры. – *И. Т.*] или сосуда с двумя ручками», украшенная мелкими драгоценными камнями, две стеклянных «фиалы». ⁵² Бларамберг сокрушался, что из-за спешки при раскопках этого погребения рабочие не смогли использовать стальное решето для просеивания земли, почему, скорее всего, пропустили часть вещей, «скрытых в комьях земли», ⁵³ в том числе важнейший датирующий источник — монеты или индикации с них.

По просьбе директора музея И. П. Бларамберга М. С. Воронцов просил керченского городского архитектора А. Дигби снять «планы и фасады» двух «подземельных сводов» в раскопанных курганах близ Алтын-Обы и по дороге в Еникале. 25 сентября 1826 г. А. Дигби представил генерал-губернатору готовые «планы и фасады с профилями». ⁵⁴ Таким образом, к отчету Бларамберга прилагались чертежи, планы и рисунки всех открытых погребальных сооружений и инвентаря, к сожалению, так и не найденные в архивах.

По итогам раскопок И. П. Бларамбергом была написана оставшаяся неопубликованная статья «Description de differens objets precieux decouverts, avec d'autres antiquites pres de Kertch, dans un terre funeraire des Panticapeens, contenant 4 tombeaux» со ссылками на «раскрашенные» рисунки. Ее рукопись сохранилась в двух редакциях в материалах Одесского общества истории и древностей. ⁵⁵ 2 декабря 1826 г. Бларамберг писал М. С. Воронцову в Лондон, направляя вторую редакцию своего исследования: «Я беру на себя смелость послать Вашему сиятельству рукописный экземпляр объяснения предметов, открытых в ходе моих последних раскопок в Керчи. Он содержит некоторые необходимые изменения, и тот, который я имел честь представить госпоже графине [Е. К. Воронцовой. – *И. Т.*], подлежит замене этим». ⁵⁶

Первая редакция статьи скорее приближена к полевому отчету (нумерация погребений нами приводится по первой редакции) и содержит лишь осторожные исторические выводы. ⁵⁷ Вторая редакция полна научнообразными рассуждениями, в ней изменена нумерация могил (так, четвертое погребение стало первым), встречается путаница в перечнях

---

⁵² ИР ЦНБ. V, 1024. Л. 4 об.

⁵³ ИР ЦНБ. V, 1024. Л. 3 об.

⁵⁴ ИР ЦНБ. V, 1224–1516. Л. 176 об., 187.

⁵⁵ Мурзакевич Н. Н. Приобретение обществом неизданных сочинений Бларамберга // ЗООИД. 1844. Т. 1. Отд. 3. С. 652.

⁵⁶ РСА СПбФ ИРИ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 253. Л. 1

⁵⁷ ИР ЦНБ. V, 1024. Л. 2–4 об.

вещей и принадлежности их к определенному комплексу (остается неясным, в какой именно могиле — первой или второй — найдена прядь волос «необычайно черного цвета»), а также в функциональной интерпретации находок. Так, стригиль из третьего погребения (во второй редакции — четвертого) с течением времени превратился в *lituus* (загнутый авгурский посох, жезл).

На основании находок монет и золотых индикаций с монограммой ВАЕ Бларамберг выдвинул гипотезу о принадлежности первых двух погребений времени правления царя Евмела (во второй редакции он относит их соответственно царице и любимой наложнице Евмела), а третью гробницу приписывает самому Полемену I.⁵⁸

По мнению главного авторитета того времени в области античной нумизматики, хранителя Кабинета медалей в Париже Т. Э. Мионне (1770–1842), автора «Description de medailles antiques, grecques et romaines, etc.» (Paris, 1807. Т. 2),⁵⁹ монеты с монограммами ВАЕ и ВА-ЕУ принадлежали Митридату VI Евпатору, ВАР — Рискупориду, ВАК — Котису I и т. д. Полемизируя с французским нумизматом, Бларамберг высказывается за то, что монограммы ВАЕ и ВА-ЕУ принадлежали Евмелу.

Бларамберг подробно разбирает известные к тому времени медные монеты с монограммой ВАЕ из собраний Перовского, И. А. Стемповского и своего собственного. Все они на лицевой стороне имели изображение «головы Аполлона», на оборотной — монограмму ВАЕ, и по типам изображений распались на следующие 6 групп: 1. Протома коня (Фролова, ч. 1, табл. VI, 9–23); 2. Протома «барана» (Фролова, ч. 1, табл. VI, 1–8); 3. «Базилик или дракон, опирающийся на извивающийся хвост» (Фролова, ч. 1, табл. VI, 24–26; табл. VII, 1–7); 4. «Герма, впереди ветка мирта» (Фролова, ч. 1, табл. IX, 20–28; табл. X, 1–8); 5. Треножник (ср.: Фролова, ч. 1, табл. VIII, 11–20); 6. Собака, повернувшая голову (ср. Фролова, ч. 1, табл. VII, 8–14). И. А. Стемповский являлся владельцем еще одной монеты, на лицевой стороне которой было «изображение льва, над ним звезда», а на оборотной — «двойная ветвь мирта или лавра в короне» (Фролова, ч. 1, табл. IX, 1–7).⁶⁰ Принадлежность этих монет одному времени и одному правителю не вызывала у Бларамберга сомнений.

Как известно, вопрос о времени выпуска, принадлежности монет и значении монограммы ВАЕ достаточно дискусионен до сих пор и составляет «одно из наиболее загадочных явлений в боспорской нумизматике».⁶¹

А. Л. Бертье-Делагард и М. И. Ростовцев отнесли время

⁵⁸ ИР ЦНБ. V, 1025.

⁵⁹ Дополнение («SupplOment») к нему вышло только в 1829 г.

⁶⁰ ИР ЦНБ. V, 1025. Л. 3 об.

⁶¹ Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 82.

выпуска таких монет к рубежу нашей эры.⁶² А. Н. Зограф разделил их на три группы и датировал первую 17–14 гг. до н. э., вторую и третью — 8 г. до н. э.–10 г. н. э., т. е. первым и вторым правлением Динамии.⁶³ В. А. Анохин несколько расширил хронологические рамки выпуска подобных монет: первую серию он отнес к правлению Полемона, вторую — к правителю, ставившему монограмму ДУМ, третью — ко второму правлению Динамии, четвертую — к правителю с монограммой КЛЕ, т. е. с 14/13 гг. до н. э. до 9/10 гг. н. э.⁶⁴ Н. А. Фролова полагает, что выпуск меди первой группы с монограммой ВАЕ относится либо ко времени после заключения брака Динамии с Полемоном, либо чекан принадлежит неизвестному правителю Боспора после смерти Динамии, оспаривавшему у Полемона право на боспорский престол, т. е. к периоду после 12 г. до н. э. до воцарения Аспурга. В этой монограмме она предлагает видеть имя чиновника, ответственного за чекан медных монет.⁶⁵

Таким образом, раскопки Бларамберга 1826 г., о которых до сего дня практически отсутствовала информация в научной литературе, обнаружили скорее всего семейную усыпальницу с трупосожжениями какой-то пантикапейской семьи рубежа эр — конца I в. до н. э. — начала I в. н. э., т. к. индикации на золотых пластинках, несомненно, одновременны монетам.

Список сокращений

ГАОО	Государственный архив Одесской области
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей
ИР ЦНБ	Институт рукописей Центральной научной библиотеки им. В. И. Вернадского Национальной Академии наук Украины
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
РСА СПбФ ИРИ	Русская секция Архива Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН

В.А. ХРШАНОВСКИЙ
Санкт-Петербург, ГМИР

НЕКРОПОЛИ ИЛУРАТА И КИТЕЯ. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ГМИР 1968-1998 (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ)

Тридцатилетие экспедиции — повод для того, чтобы начать подводить итоги, хотя бы предварительные. Первые пять полевых сезонов (1968-70, 1972 и 1979 годов) были проведены под руководством М.М.Кубланова.

⁶² Бертъе-Делагард А. Л. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ЗООИД. 1912. Т. 29. С. 158; Ростовцев М. И. Медь Динамии и Аспурга // ИТУАК. 1918. № 54. С. 47–53.

⁶³ Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 193–196.

⁶⁴ Анохин В. А. Указ. соч. С. 82.

⁶⁵ Фролова Н. А. Указ. соч. С. 31, 51.

Работы велись в южной части некрополя Илурата. Было исследовано 40 объектов: погребальные сооружения, святилища, тризны. Полученные материалы опубликованы в археологической периодике (КСИА вып.128, 130, 145, 159) и обобщены в итоговой статье (Кубланов, 1983). Помимо установленной хронологической вилки некрополя: I-Vвв. н. э, VII-VIII и XIII вв., была разработана классификация найденных сооружений, раскрыт и описан погребально-поминальный обряд, придающий этому памятнику особый варварский колорит, поставлен вопрос об этнокультурной характеристике илуратского общества. Одним из самых поразительных открытий оказались христианские символы на стенах «языческого» склепа, появившиеся при его вторичном использовании на рубеже IV-V вв. н.э.

С 1984 по 1998 годы на некрополе Илурата было проведено 15 полевых сезонов подряд. До 1994 года отряд музея организационно входил в состав Боспорской археологической экспедиции ИИМК РАН. Общее количество исследованных объектов достигло почти 200 (197). В отличие от первых сезонов, работы велись преимущественно в северной части некрополя. В результате были открыты новые типы погребальных сооружений (грунтовые склепы) (Хршановский, 1997), многочисленные следы тризн, в том числе человеческого жертвоприношения (Кубланов, Хршановский, 1989; Хршановский, 1995) ритуальные захоронения лошадей и собак (Хршановский, 1996, 1998), сооружения, специально предназначенные для поминальных обрядов (жертвенные ямы и святилища – «тризницы»)(Хршановский, 1995, 1997).

Подводя итоги своему этапу исследования некрополя Илурата, М.М.Кубланов предполагал, что на северном участке – ближе всего подходящем к городу – могут оказаться наиболее ранние захоронения, возможно принадлежащие к иной этнокультурной традиции, нежели и южном участке (Кубланов, 1983). Действительно здесь был открыт ряд могил I – начала II вв. н. э, отличающихся по набору погребального инвентаря, поминальным обрядам и некоторым антропологическим характеристикам (Хршановский, 1998). Помимо этого были найдены и материалы, относящиеся к IV – I вв. до н. э. К наиболее ранним из них относятся фрагменты гераклейской и фасосской амфор, чернолаковый конфароидный килик, и, возможно, обломки терракот. II-I вв. до н.э. представлен амфорами с двустольными ручками (светлоглиняной и красноглиняной) (Горончаровский, Хршановский, 1994), фрагментами «мегарских» чаш, а также понтийской монетой I в. до н.э. (определение А.М.Гилевич). Рубеж эр и первая половина I в.н.э – ранней краснолаковой керамикой со следами росписи белой краской и орнаментом en barbotin. Таким образом, и предположение В.Ф. Гайдукевича (Гайдукевич, 1958) о том, что на месте Илурата было эллинистическое поселение, получает новое подтверждение.

Впервые на некрополе был найден позднеантичный погребальный комплекс из взрослого и детского погребения, датируемый по монете

императора Аркадия (395-408 гг. н.э.) – первой половиной V в. н. э. (Хршановский, 1988). Местонахождение этого комплекса, впущенного в так называемый «каменный круг» позволило его и 6 других, аналогичных сооружений превратить из средневековых «оснований для юрт» (Гайдукевич, 1958) в синхронные некрополю Илурата (II-III вв. н.э.) святилища – «тризницы» (Хршановский, 1997).

Следы многочисленных и разнообразных тризн и жертвоприношений на некрополе Илурата свидетельствуют о наличии мощного архаического пласта в сознании обитателей этого города. Стадиально они Среди находок нельзя не вспомнить самую большую (высота 62 см.) терракотовую статую, изображающую стоящую в полный рост античную богиню (Кубланов, Хршановский, 1989, Khrshanovsky, 1995) I-II вв. н.э. и известняковый барельеф с изображением мужского лица (хтонического божества) (Хршановский, 1991).

С 1989 года по предложению начальника Китейской экспедиции Е.А.Молева параллельно началось исследование некрополя Китея. За 10 полевых сезонов было раскопано и доследовано после грабителей около 200 объектов. Подавляющее большинство из них - погребальные сооружения: грунтовые и вырубные могилы, плитовые могилы, в том числе с вымощенным полом, склепы-катакомбы с пещеровидными камерами (вырублены в материковой глине, свод – подгесанный пласт известняка), большие (двухкамерные) склепы, с вымощенным известняковыми плитами полом и стенами сложенными из квадр.

Встречались и ритуальные площадки со следами тризн, но реже, чем на некрополе Илурата. Зато здесь было найдено более десятка вторично использованных (в основном для перекрытия детских могил) антропоморфных изваяний, три надгробных рельефа и несколько небольших эшхар из известняка (одна *in situ* возле вырубной могилы). Работы велись в основном в северной, северо-восточной части некрополя и в зоне береговой абразии на юго-западе.

По целым погребальным комплексам хронологическая вилка некрополя Китея V в. до н. э. – V в. н. э. По материалам – еще шире: конец VI в. до н. э. (фрагмент расписного чернофигурного кратера с головой Диониса) (Молев, 1996) – VI в. н. э. (поздние амфоры). Отчетливо прослеживаются два периода наиболее интенсивного использования некрополя: IV – III вв. н. э. и II – IV вв. н. э. Причем вторичное (и третичное) использование в более позднее время уже имевшихся погребальных сооружений (как для новых погребений, так и для жертвоприношений) носило массовый характер. Наиболее показательны в этом склепы из двух приморских раскопов XXV и XXXIII (соответственно № 141 и 206) (Хршановский, 1994, 1997).

Судя по архитектурно-строительным особенностям и раннему эллинистическому материалу, они были сооружены в IV в. до н. э. Возможно, использовались в качестве погребальных сооружений до I-II вв. н. э. Но позже они становятся местами совершения тризн. Помимо многочисленных керамических остатков здесь были найдены кости животных – лошади, коровы, овцы, сайги, лисицы, собаки и зайца в устойчивом повторяющемся сочетании: взрослая и молодая особь. Кроме них встречались кости молодой домашней или дикой кошки, полувзрослый еж, разнообразные птицы: кудрявый пеликан, большой баклан, свиязь, болотный лунь, серая куропатка, дрофа, серебристая чайка (Каспаров, 1996).

Среди находок из склепа №141 заслуживает упоминания серебряный перстень с сердоликовой вставкой. На гемме был изображен Т-образный крест, с двумя рыбками под ним. Верхняя граница комплекса, в котором он был найден – III в. н. э. (Хршановский, 1994).

Из остальных, наиболее редких находок необходимо упомянуть мужской погребальный набор из составного (две половинки) золотого браслета, двух золотых бляшек (на одной точечный орнамент по окружности, на другой – тисненное изображение голова Медузы Горгоны), пяти кружков из тонкой золотой фольги, прикрепленных проволокой к свернутым из фольги трубочкам. и нескольких обкладок пряжек и наконечников ремня из золотой фольги с тисненым орнаментом «елочка», антропоморфным (женским?) изображением и сарматским знаком боспорского царя Евпатора (154/155 – 170/171 гг. н. э.).

Нет полной аналогии и еще одному, на этот раз женскому погребальному набору, из закрытого комплекса гуннского времени – первой половины V в. н. э. 66 золотых пронизей четырех типов, судя по всему составляли ожерелье, а «в комплекте» с ними оказались две фигурные пластинчатые серьги в полихромном стиле. Лицевая сторона серег была украшена миндалевидной и тремя круглыми вставками из сердолика (один миндалевидный сердолик был утрачен и заменен стеклянной вставкой) (Хршановский, 1998).

**МИХАИЛ МОИСЕЕВИЧ КУБЛАНОВ
(1914 – 1998)**

Памяти учителя

Ночные звонки, как правило, ничего хорошего не сулят. Спросонья не сразу понимаешь, кто звонит, о ком речь. И только потом, по мере осознания необратимости происшедшего, наваливается тяжесть и бередящие образовавшуюся пустоту осколки воспоминаний...

К 84-м можно устать от жизни, и, подобно библейскому Иову, уйти, «насыщенным днями». Немногие и доживают до столь преклонного возраста. Но еще реже сохраняется такая острота и свежесть восприятия, ясность мысли, четкость изложения, жажда самовыражения, наконец, как у Михаила Моисеевича Кубланова.

Публикуемые материалы – отрывки из «Автобиографии», воспоминаний, отзывов и писем последних лет – последняя дань человеку, положившему начало исследованиям Илурата (1947), возглавлявшему археологическую

экспедицию на его некрополе (1968-1979), написавшему на грани дозволенного тогда несколько книг по истории раннего христианства («Иисус Христос – бог, человек, миф?» /1964/, «Находки в Иудейской пустыне» совместно с С.И.Ковалевым /1964/, «Новый завет. Поиски и находки»/1968/, «Возникновение христианства»/1974/), до сих пор не утративших научной значимости. Двадцать лет проработавшему в Музее истории религии, несправедливо и преждевременно изгнанному из него на пенсию, но и еще двадцать с лишним лет после этого - до последних дней и даже часов, преодолевая многочисленные хронические и возрастные болезни, жившему насыщенной и творческой жизнью. Не в этом ли высшее предназначение человека.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ СЕРЕДИНЫ 50-х ГОДОВ

Я родился в 1914 году в г.Себеже Калининской области в семье мясан. В 1929 году окончил семилетнее училище в г.Невеле той же области. В 1930 году приехал в Ленинград и в течение полугода работал делопроизводителем, а затем учеником в часовой мастерской. В 1931 году поступил на краткосрочные курсы при геофизической обсерватории и в том же году уехал на зимовку на высокогорную метеорологическую станцию в Дагестане. После зимовки в 1932 году вернулся в Ленинград, где работал разъездным метеорологом.

В 1933 году поступил для завершения среднего образования на Рабфак, который закончил в 1936 году. В 1936 году поступил в Ленинградский Государственный Университет; окончил университет (по историческому факультету) в 1941 году.

В 1941 году в первые дни пошел добровольцем в народное ополчение. В середине августа того же года был отчислен из рядов ополчения по болезни со снятием с военного учета и направлен отделом кадров Университета на работу на Урал.

С сентября 1941 до 1944 года работал преподавателем истории средних школ в Свердловской области.

В 1944 году поступил в аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР, которую закончил в октябре 1947 года; в январе 1948 года там же защитил диссертацию и получил степень кандидата исторических наук. В 1946 году, будучи еще аспирантом, поступил в Ленинградский Педагогический институт им А.И.Герцена в качестве ассистента...

С 1937 года ежегодно в течение ряда лет принимал участие в работах Боспорской археологической экспедиции АН СССР (первые два года в качестве практиканта, а затем – научного сотрудника). В 1947 году организовал и возглавил первую археологическую экспедицию Пединститута им. Герцена на Керченский полуостров...

ОТРЫВКИ ВОСПОМИНАНИЙ

В 1951 или 52 гг. после длительного перерыва в общении, мне повстречался во дворе ЛАХу В.Ф. Гайдукевич. Я бы уклонился от встречи, будь здесь больше пространства, но мы столкнулись как раз в воротах – я входил, он выходил. Он протянул руку и со своей полусмешливой улыбкой сказал: «предадим наш спор суду истории». Мне некуда было деваться, и я принял протянутую руку. А теперь коротко о том, что было до этого эпизода и что после.

Начало имеет почти пятидесятилетнюю давность. В 1936 г. в первые месяцы моих занятий в Университете, я увлекся археологией Северного Причерноморья (античной). Бегал на доклады в ИИМК, мечтал об участии в экспедиции – увлекся со всем пылом юноши, хотя юношеский возраст календарно миновал – мне было уже 22 года. Меня взяли в экспедицию –

В.Ф. Гайдукевичу были нужны молодые люди. В следующем году на истфаке возникло не имевшее, кажется, официального статуса археологическое отделение. Со всего истфака (а он был громадным, только на нашем курсе училось 350 студентов) на это отделение набралось 10 человек. Мы слушали, помимо общих, факультативно археологические курсы и поскольку на эти 10 человек приходилось почти столько же специальностей (первобытная археология, античная, русская и многие другие), нередко слушателями отдельных курсов оказывалось 2-3 человека (иногда я слушал Гайдукевича в единственном числе). Дело это древнее, и я надеюсь, не буду заподозрен сейчас, спустя полстолетия, в похвальбе, если скажу, что среди этой десятки я оказался чем-то вроде номера 1.

В экспедициях дела мои шли хорошо. Моя непосредственная экспедиционная начальница Р.В. Шмидт (я работал практикантом на ее участке) поощряла мои инициативы, придумывания, улучшения ведения работ. И я купался в этом наивном творческом самовыражении. Были в Боспорской экспедиции (так именовалась экспедиция Гайдукевича) старшие студенты, примкнувшие к ней еще до возникновения археологического отделения. Среди них были обретшие уже немалую раскопчную квалификацию, самостоятельно ведущие участки. Они были для меня эталоном, я их догонял. А Гайдукевич, который был не на много старше нас (как и почти все наши археологические учителя) однако, воспринимался нами не только как мэтр, но и как человек пожилой, посматривал на нас со слегка насмешливым прищуром патриарха, не стесняя ни повелениями, ни наставлениями. Он держался, как я впоследствии понял, осмысливая это время, кутузовской тактики – пусть все идет как идет. И мы старались.

Я интеллигент в первом поколении. Мои родители едва умели читать и писать и никакого воспитания, в смысле как надо себя держать, я не получил. Это обучение происходило тут же. И опять-таки, оглядываясь назад, вижу сколько ляпов я при этом допускал и как удивительно терпелив был Виктор Францевич. Он читал свои курсы, сидя в каком-нибудь маленьком кабинете за канцелярским столом, по другую сторону которого сидели мы, слушатели, два или три человека. По ходу лекции у меня непрерывно возникали вопросы, и я тут же, прерывая его, их задавал. Таких вопросов я обрушивал на него десятки, и он прерывался, отвечал, продолжал, опять прерывался и т.д. Со стыдом я вспоминал об этом впоследствии и думал, что я на его месте при такой ситуации быстро бы поставил неотесанного студюоза на место.

Во вторую, кажется, экспедицию, моя невоспитанность проявилась уже в другом. Это было в Камыш-Бурунском отряде. Раскапывалась Тиритака. В.Ф. любил поспать и приходил на раскопки поздно, незадолго до обеда. Он обходил участки, присаживался, рассматривал, что нового, смотрел извлеченные черепки. Делал записи для отчета.

В один из таких его поздних приходов я, отвлекши его от этих дел, пристал настырно по поводу того, что землю из раскопов, выбрасываемую по его указанию туда-то, туда не следует выбрасывать – там перспективный участок и надо начать там раскопки. Доводы у меня были слабые – обломок мраморной колонны, увиденной мной в осыпи (я любил ходить и примечать) да интуиция. Он это не принимал, я настаивал. Разговор затягивался. Он всегда сдержанный (внешне, по крайней мере), пришел и раздражение. Но и это меня не образумило. Кончилось тем, что сильно сердясь, он мне позволил взять двух рабочих и в течение двух дней произвести там разведки. Уже во второй половине второго дня обнаружился стены здания и каменные ступени, ведущие внутрь, а к концу дня венчик вкопанного в землю пифоса.

Так я сделался заведующим новым участком, который раскапывал три (или четыре?) года. То, что открылось в ходе работ, мы окрестили домом рыбака (по найденным там грузилам), но в дальнейшем получило наименование позднеримской усадьбы IV века, большого хозяйственного комплекса, занимающего заметное место в научном балансе экспедиции. В.Ф. его опубликовал и не единожды к нему возвращался в печатных работах.

Ташкент. В 1943 г. там открылась аспирантура. Послал документы, был вызван на экзамены, сдал, остался в Ташкенте. Затем было возвращение в Ленинград, а в 1946 г. первая послевоенная археологическая экспедиция Гайдукевича. На меня легли хлопоты с ее организацией – время было голодное, надо было ехать в Москву за продуктами, добывать

рабочую силу. В экспедиции я заведовал участком в Тиритаке. Здесь произошло, казалось, еще более тесное сближение с Гайдукевичем. Еще в последней довоенной экспедиции мы жили с ним в одной комнате (в помещении Камыш-Бурунского клуба) и составляли «клуб молокососов» (в буквальном смысле этого слова). Здесь же жил и другой студент Валя Шиллов, и мы трое договорились с некоей местной владелицей коровы, которая каждое утро поставляла нам трехлитровую банку парного молока, и мы ее «высасывали». Мы были преданы до последней степени нашему шефу, и он с нами был также на близкой дружеской ноге. И поэтому я, нимало не сомневаясь в поддержке, поделился с ним заветной своей мечтой.

Дело в том, что в 1939 и 40 году директор Керченского музея Юлий Юльевич Марти (мы его звали ЮМ) вместе с сотрудником Музея Никопетом (Николай Петрович Кивокурцев) водил нас на нераскопанные археологические памятники Керченского полуострова и один из них, у деревни Ивановки (верстах в 18 от Керчи по направлению к Феодосии) произвел неизгладимое впечатление. Я несколько лет уговаривал Гайдукевича начать раскопки. Он отшучивался или приводил те доводы, что памятник этот – мощное городище – очень удален от места работ его Боспорской экспедиции, что нет денег и нет людей. Я предлагал себя, он посмеивался, говорил, что помимо меня нужны еще рабочие, наблюдатели и т.д.

В 1946 г. после возвращения из Тиритак, я (будучи аспирантом) поступил ассистентом в пединститут им. Герцена. Читал курсы археологии, организовал студенческий кружок любителей-энтузиастов, а в следующем 1947 г. убедил дирекцию пединститута выделить небольшую сумму на проведение раскопок. Был создан из моих слушателей отряд пединститута, и я отправился к Гайдукевичу для обсуждения.

Моей инициативой он был явно обескуражен. В присущей ему манере полшутливого разговора он меня всячески отговаривал от этой затеи. Среди доводов был и такой, что даже большой экспедиции такие работы не под силу и кроме конфуза, который представит меня археологическим кругам как человека несерьезного, из этого выйти ничего не может. Наши переговоры переносились и переносились. Наконец, состоялся последний, решительный разговор. Я и сейчас, спустя 48 лет, вижу эту картину. Поздний вечер. Я у Гайдукевича дома, в его маленьком кабинете. У окна письменный стол, покрытый стеклом, настольная лампа с зеленым абажуром, под ней разлегся на столе серый котенок, греется, нежится, мурлычет.

Гайдукевич не улыбается, не полшутит как обычно. Толстые губы излучают легкое раздражение. Но он вполне корректен и деловит. Он дает свое согласие на организацию самостоятельного отряда. Но на следующих условиях: я должен выполнить организационные дела по его экспедиции, и в частности поехать в Симферополь и добиться в инстанциях выделения его экспедиции взвода пленных немцев в качестве рабсилы (в Камыш-Буруне был один из их лагерей). Другое условие – половину денег, выделенных пединститутом для моего отряда я должен был употребить на оплату счетов и ведомостей по работам Гайдукевича. Условия были тяжелые. Но я с легкостью согласился. Я был молод, оптимистичен, деятелен, верил, что преодолею все трудности. Об «Открытом листе» на мое имя Гайдукевич не заговаривал. А я постеснялся этой темы. И какая мне разница, где вписаны эти работы. Для меня важны были они сами.

Сохранилось в памяти и заключительная фраза, брошенная Гайдукевичем мне на прощание – Ну что ж, поезжайте в Ивановку, но ничего у вас не выйдет.

Итак, выполнив все условия нашей договоренности, я выехал в самостоятельную экспедицию. Со мной был отряд из семи студенток и одного студента. В те годы студенты в экспедициях обычно выполняли роль лаборантов, управляющих действиями рабочих. У нас же не было средств для найма рабочих, я едва был в состоянии прокормить студентов, поэтому землекопами были мы сами, включая начальника отряда.

Совсем недавно закончилась война. Деревня Ивановка, где мы разместились в крохотном обветшалом домике школы (состоявшем из одной классной комнаты), как и все находилась в упадке. Людей было мало, хотя непосредственно военные действия в этой малой округе не велись, но здесь стояли немецкие воинские части (румыны), съевшие все, что было в деревне. Так что коров, кур, гусей ко времени, о котором идет рассказ, почти не было.

Сейчас я даже не могу себе представить, чем мы питались. Кажется, в Чурбаше (за 4 км) мы доставали по командировочному черный хлеб, а у хозяйки одной покупали молоко. Но мои девушки, будущие учителя, простые деревенские девчата, терпевшие в годы своего детства всякие лишения, были не привередливы. И, самое главное, все было исполнено энтузиазма и работало, как люди работают на себя, весь световой день.

Мне везло с выбором раскопочных участков, и за месяц мы получили немало сведений об этом загадочном городище. К концу работ, в последнее воскресенье к нам пожаловали высокие гости – две основных экспедиции, работавшие в Керчи – Гайдукевича и Блаватского. Они приехали на грузовиках – много народа. Наш крохотный отряд терялся на их фоне.

Здесь уместно небольшое отступление для того, чтобы представить второго (или первого?) корифея Боспорской археологии В.Д.Блаватского. Он был родственник (племянник?) известной теософки Блаватской. Невысокого роста, аскетически худой, с запавшими щеками и черной, клином, бородкой, он уже внешне был противоположен полнеющему толстогубому, любившему поесть и пожить Гайдукевичу. Был он противоположен ему и по духу. Не могу припомнить его улыбающимся, а тем более смеющимся.

Итак, в одно из воскресений именитые гости приехали смотреть мои раскопки. Прошло без малого пятьдесят лет, но все свежо и зримо встает предо мной. Знойный безоблачный летний день. На плато, где расположено городище, было особенно жарко. Все приехавшие, несколько десятков человек, были одеты, как одеваются летом на юге – максимально легко, в открытых платьях, распахнутых белых рубашках, сандалиях. На этом фоне неповторимо комично выглядела фигура Блаватского. На голове полувоенного образца фуражка, профессорское тело было заковано в застегнутую до последней пуговицы солдатскую гимнастерку и штаны, заправленные в кирзовые солдатские сапоги. Через плечо висела кожаная, туго набитая командирская планшетка. Он был несбиваемо серьезен и сосредоточен. Я начал экскурсию, и она поразила гостей. Они увидели раскопанную нами часть мощной крепостной стены, каменное помещение, стены которого сохранились на высоту в два метра, дверной проем (рядом с ним Гайдукевич в следующем году откопал т.н. святилище). Дальше проследовали на «кромлех», который оказался поздним сооружением; затем впервые увидели некрополь – северную его часть, представленную прекрасно сохранившимся (за исключением свода) каменным склепом из притесанных плит. На закуску я им оставил то, что было моей наибольшей гордостью. Я их повел на южную часть некрополя и ничего не говоря, остановился у катакомбы, в дромосе которой лежал нетронутый грабителями скелет лошади.

Гости были ошеломлены, в том числе и Гайдукевич, который еще не знал об этом, в те годы, сенсационном открытии. Потом все стали хвалить нас как чисто, как красиво проведены раскопки, все видно, все понятно; Гайдукевич не преминул вставить перо Блаватскому (у которого всегда на раскопе не видно и не понятно) и сказал, что таково направление ленинградской школы Боспорской археологии... А Блаватский? Суровый, излишне серьезный, чуждый сантиментов генералиссимус от археологии, Владимир Дмитриевич растрогался. И сказал, что если бы ему в один сезон удалось сделать половину того, что сделали мы, он был бы доволен (а его экспедиция, вместе с нанимаемыми на месте рабочими, раз в шесть превосходила нашу).

Гости уехали. Мы остались одни: Федя, 7 девочек и я – счастливые, ошеломленные и... смертельно голодные. Наводя последний лоск на участках перед приездом гостей, мы совсем забыли о еде. Федя побежал в Чурбаш за хлебом, девочки за двойной порцией молока, мы уселись на торце раскопанного нами участка крепостной стены и принялись жадно трапезничать. А когда первый голод был утолен, и трапеза приобрела более вялый характер, девочки стали петь: «Что стоишь качаясь, тонкая рябина...».

Я просил их повторить еще и еще, и эта мелодия осталась звучать во мне на всю жизнь, как нечто неизъяснимо хорошее и печальное.

Потом вся осень ушла на подготовку к защите диссертации – срок аспирантуры кончился. Я защитился. Гайдукевич выступал «за». Но места мне у себя в секторе не предоставил.

Весной следующего года я пришел к нему с разговором о продолжении раскопок, о статье и т.п. Он на все отвечал уклончиво – и на предложение написать совместную статью, и на вопрос о продолжении раскопок. Время шло. Я ходил и ходил. Уже надо было готовить новую экспедицию – а он все не говорил ни «да», ни «нет».

В конце концов, где-то в апреле я его все-таки принудил к определенному ответу. Он мне сказал, что этот район археологических памятников лежит в сфере его интересов, а мне он советует предпринять работы в другом районе, например, в западном Крыму.

Я ушел и через несколько дней послал в Москву отчет о раскопках и просил выдать «Открытый лист» на продолжение работ. Ответа я не получил. Позже я узнал, что мой отчет был переслан Гайдукевичу и что он сам отправляется на мое городище, где намерен сосредоточить главные усилия Боспорской экспедиции.

Так 1948 год выпал из моей полевой деятельности.

В 1949 г. я запросил «открытый лист» на разведочные раскопки на Таманском полуострове. И археологическая моя фортуна опять мне улыбнулась (результаты описаны в одном из номеров старой «Советской археологии»). Особенный резонанс получило открытие памятника эпохи бронзы (Майкопской культуры). Только что вышла монография А.А.Иессена, доказавшего, что этого этапа на Тамани не было. И первый, кому я показал найденные здесь вещи, которые я сам оценить не мог, был А.А.Иессен.

Александр Александрович Иессен был подлинный ученый и, хотя своим открытием я разрушал только что обнаруженную им схему исторического развития этого региона, это не повлияло на его отношение ко мне. Наверно, не без горечи принял он это, тем не менее советовал на будущий год сосредоточить работы именно здесь (таким образом расширить круг аргументов против его теории). Все эти годы он оставался дружелюбен мне.

В 1950 г. начались массовые увольнения евреев из ВУЗов. Из Герценовского института, где я работал, были уволены многие десятки, и среди них и я. В течение пяти лет я не имел постоянной работы и перебивался случайными заработками. А свободное время я проводил в читальном зале публичной библиотеки, куда ходил, как на работу.

В один из таких дней того же 1950 (или 1951 года – не могу вспомнить точно), меня разыскал там мой многолетний товарищ по экспедициям и аспирантуре, с которым мы вместе (буквально) «хлеб преломляли».

... Полагая во мне враждебные чувства к Гайдукевичу, он предложил ему «отплатить»: сорвать защиту его докторской диссертации. Я начну, а другие продолжат. Но предложения такого рода были не по мне. Я уклонился, на защиту не пошел. Как она проходила не знаю, но степень доктора он получил.

По-видимому, до Гайдукевича дошли слухи о готовившейся ему западне, и о роли, которую мне отводили. То, что я уклонился, видимо, хотя он не был человеком сентиментов, задело в его душе струну. Только так я могу объяснить протянутую мне руку в воротах ЛАХУ, с чего я начал этот рассказ, и предложение предать наш спор суду Истории.

Суд Истории – бесполезный суд. Он предполагает решение тяжбы по ту сторону Бытия, между тем как мне, потерпевшему, предстояло еще много лет тянуть бремя по эту его сторону.

В 1966 г. Гайдукевич умер. Но Илурат (так он назвал это городище, раскапывавшееся им в течение 12 сезонов) ко мне не вернулся. Он перешел к единственному избранному им из всех ученику и наследнику И.Г.Шургая.

В 1968 г. П.Н.Шульц, ставший после Гайдукевича заведующим сектором, позвал меня к себе и предложил организовать раскопки некрополя. У Гайдукевича поиск на некрополе не удавался, и он после одной двух неудачных попыток, бросил им заниматься.

Я в те годы, за неимением лучшего, работал в Музее истории религии и атеизма. Мне удалось уговорить тогдашнего его директора В.П.Красникова выбить в Министерстве небольшие деньги на раскопки. И начался новый этап в моей жизни и жизни этого памятника – раскопки некрополя.

И мне опять повезло. Открытия пошли по нарастающей. Существа здесь касаться не буду. О них опубликованы статьи, и сравнительно недавно я сделал последнюю, итоговую. В ходе этих работ многие исторические выводы, сделанные Гайдукевичем на основании раскопок только городища, оказались поколебленными – функциональная характеристика

Илурата, социальные градации его общества, хронология. Было открыто много первоклассных сооружений. И в этот момент мне был нанесен удар наследником Гайдукевича. Когда я в 1981 г. запросил очередной «Открытый лист», мне отказали на том основании, что «Открытый лист» на право раскопок некрополя выдан И.Г.Шургая.

Таковы обстоятельства, связанные с историей раскопок Илурата. Они мало известны, и вместе со мной, последним участником и свидетелем всего этого, грозятся кануть в Лету. И поскольку мы с Гайдукевичем как бы заключили мистический договор о «суде Истории», я и оставляю эти свои показания Высокому Суду.

Запись эта сделана 14-17 июля 1985 г.

ИЗ ОТЗЫВА О ПОЛЕВОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ М.М. КУБЛАНОВА

В. Ф. Гайдукевич, в течение многих лет неизменно давал высокие оценки М. М. Кубланову как полевому работнику. Приведу выдержку из этих оценок, полностью доверяя и на них полагаясь: » М. М. Кубланов принимал участие в работах Боспорской экспедиции, производившей под моим руководством археологические исследования на Керченском полуострове. М. Кубланов сразу проявил себя как очень способный сотрудник, которому через короткий промежуток времени уже можно было давать ответственные поручения. Достаточно сказать, что в 1939 и 1940 гг. М. Кубланов с успехом вел раскопки на одном из важнейших участков городища Тиритаки, не только прекрасно справляясь с сложными обязанностями заведующего большим и стратиграфически сложным раскопом, но и проявляя при этом прекрасные качества археолога – инициативного, умеющего отлично организовать раскопочный процесс и вместе с тем не упускающего из поля свои научные наблюдения ни одной мельчайшей археологической детали »(отзыв В. Ф. Гайдукевича приложен).

Менее положительно отнесся В. Ф. Гайдукевич к работам, проведенным М. М. Кублановым в Ивановке в 1947 г., справедливо считая, что «Открытый лист» на самостоятельные раскопки М. М. Кубланову выдавать еще преждевременно...

Вместе с тем, считая М. М. Кубланова способным археологом, как в научном, так и в организационном отношении и принимая во внимание его шестилетний, во многих отношениях весьма успешный полевой опыт (справедливо оцененный В. Ф. Гайдукевичем в прилагаемом отзыве) глубоко убежден, что М. М. Кубланов хорошо справится с археологическими разведками (с вскрытием небольших площадей) на Фонтанном полуострове...

2 апреля 1949 года. Зав. сектором истории и археологии КНИБ АН СССР: П.Н.Шульц.

ИЗ ОТЗЫВА ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТА М.М.КУБЛАНОВА

В 1949 г. он (М.М. Кубланов) организовал и возглавил археологические исследования Пединститута им. А. И. Герцена на малоизученной части полуострова Фонтан (Таманский полуостров). Эти работы привели к открытию новых неизвестных ранее здесь памятников и дали ценные результаты.

М. М. Кубланов является таким образом хорошо и разносторонне подготовленным специалистом в области археологии и древней истории, он обладает большим опытом полевых археологических исследований, горячо предан интересам науки; беря на себя какое-либо научное задание, выполняет его обычно настойчиво, инициативно, самоотверженно...

29 мая 1951г. Зав. ЛО ИИМК АН СССР, доктор исторических наук: М.М.Дьяконов Зав. сектором Древнего Причерноморья, доктор исторических наук: В.Ф.Гайдукевич

**«МНЕ ВСЕ ЕЩЕ ВСЕ ИНТЕРЕСНО...»
(Отрывки из писем последних лет)**

18.10.94. Филадельфия.

Народ они, американцы... легко улыбающийся, добродушный, основательный. Если что делают, то со смыслом. Они очень функциональны. И это во всем – от коробки соли с приспособлением для легкого доставания, унитаза с особым (винтовым) спуском воды, вилки электрической, которую собрать – полминутное дело до... Написал «до» и не знаю как закончить. Надо бы «до ракет», но ракет в моем доме нет – врать не буду.

Ездили мы (бесплатно, за счет заведения) в казино Атлантик-Сити. Продулись и 3 доллара оставили этому Трампу и другим акулам империализма. Но насмотрелись, какие сооружения! Какие вертепы! Какое убранство! И шумы: гулы голосов, звон падающих монет (когда выигрывают) из тысяч игровых аппаратов, убойная по силе звука, и типы человечьи – смешенье народов. Сразу вспомнились Содом и Гоморра до ...

14.01.95. Филадельфия.

Итак, ответы на вопросы: рыбки на вашей гемме могут быть отзвуком того евангельского сказания, где Иисус накормил сколько-то тысяч человек пятью хлебами и **двумя** рыбами. Склеп хорош – у меня только ощущение, что я его сам когда-то раскопал, а вы, в согласии с духом времени, прихватизировали его у меня и перенесли на Китей.

28.03.95. Филадельфия.

Еще меня поражают тюрьмы. Сам я, правда, туда еще не угодил, и это со слов печати. Но если бы угодил, тоже ничего страшного. Хорошие помещения, питание по научным выкладкам диетологов, телевизоры, телефоны, свободные визиты посетителей, спортивные площадки, занятия по личному усмотрению – школьная программа, профессиональные программы. Если бы я был чуть моложе, пошел бы туда, чтоб делать докторскую диссертацию – ничего отвлекающего, заботящего, сосредоточивайся, в меру своего таланта, на науке.

05.10.95. Филадельфия.

Во-первых – поздравления. То, что Вы прислали – здорово. А что в закрытом пробкой двуручном сосуде? Нефть? Вы, конечно, хотели бы вино, но эти древние, судя по отсутствию этого продукта во всех раскопках, были сами не дураки выпить и немало не заботились о потомках. Я с удовольствием замечая, что с каждым годом результаты экспедиции становятся все значительней. И от души поздравляю Вас и всех, кто с вами – и меня помнящих и тех, кто меня не знает – с прекрасными успехами и немеркнущим энтузиазмом, позволяющим переносить экспедиционные тяготы. И Кучинского, сумевшего в эти смутные времена понять значение делаемого и достать деньги на эти работы. Поздравляю и себя – то что так давно (1997 год будет пятидесятилетием) начато мной живет и преемственно разрастается.

22.03.96. Филадельфия.

Приятно удивлен, что вам (Кучинскому?) удалось отстроить здание напротив Почтамта, и вы скоро переедете... Но еще более приятно, что музей находит свою экологическую нишу в мире научных учреждений...

Спасибо за книгу. Имя Тантлевский мне неизвестно. В мое время оно еще не вышло на свет – кто он? Я давно уже не слезу за кумрановедением и не могу что либо сказать. Знаю только, что в мое время проблема датировок (за единичными исключениями) и, еще более, проблема идентификации исторических событий и реальных имен были очень далеки от решения. Если ему это удалось – это событие...

Видел во время последнего медицинского осмотра портрет моей починенной шейки бедра. Красотища. На рентгеновском снимке на месте поломки – три металлические пластинки, судя по блеску - из золота высокой пробы. Представил себе, что ощутит археолог, скажем IV тысячелетия, раскопав такой экспонат, какие возгорятся ученые дискуссии о природе этих пластин – организм ли выработал в себе такую потребность саморемонта, или искусные кузнецы это сработали.

В 1997 г. – круглая дата: первая археологическая экспедиция на Илурате (1947г.). Если Вы сделаете юбилейный сборник может быть будет безынтересно вместить туда кусок

моих дневниковых (литературных) записей о «начале начал». Правда записи эти сделаны не в те годы, а гораздо позже, но им уже годков двадцать и сделаны они не только по памяти (того времени), но и по разным письменным источникам – документам и разрозненным собственным записям, сведенным воедино.

27.02.97. Филадельфия.

Спасибо за письмо. Мне очень интересно все, что Вы пишете о бытии. В совокупности с другими письмами, получаемыми нами и устными рассказами наезжающих время от времени гостей создается яркое впечатление о жизни страны ... Ну и особенно интересны мне Ваши археологические зарисовки, Такого, чтобы экспедиции ученых проходили в соседстве с уголовниками-кладоискателями, которые ничего не боясь, творят свое – такого не было даже в те годы безвременья и гражданской войны. Кладоискатели (они назывались «счастливики») таились, и старались не попадаться на глаза, ибо их ждала тюрьма.

Теперь, на десерт дела экспедиционные. Стучу по дереву, чтобы не сглазить. Должен признаться, что каждый раз, получая Ваши «отчеты» и фотографии новых находок, я, невзирая на возраст, прихожу в азарт и возникает желание самому выехать в поле. Помните эту раскопанную Вами глиняную скульптуру – из этого материала скульптур такого размера науке известны единицы (кажется, в Эрмитаже тоже есть и только). И у вас в музее.

Фотографии находок последней экспедиции очень поучительны. Во-первых, эти золотые украшения – сарматские, т.е. это история древнейших народов, живших в первые века на нашей территории... Тут и искусство древних златокузнецов, и верования... Но наибольшее впечатление на меня произвели три все еще загадочных сарматских знака...Что это – родовые символы, знаки собственности, сарматские письмена? Вокруг этого в литературе давно уже идут споры, и каждая новая находка приближает к решению...

Со мной в Университете училась Элла Исааковна Соломоник, профессор, доктор, человек с европейским научным именем... Так вот она пишет мне, что Вы ее разыскали по моей просьбе... и дальше цитата из письма:»Он показывал мне слайды раскопок этого года и я узнала много нового и интересного». Скупая, но много стоящая фраза. Ибо Соломоник в этом вопросе специалист номер один.

Я рад, что Станислав Кучинский проявляет понимание. Думаю, что ему не легко в нынешних обстоятельствах выбивать деньги на экспедицию. И все-таки экспедиция живет...В библейской книге Иова есть такая сентенция: »Редет облачко и уходит. Кто вспомнит о нем? Так и человек...» Все мы делаем в жизни много такого, что редет и уходит, и не вспомнится. А вот научные экспедиции (результативные) в нынешних тяжелейших условиях есть акт, который не забудется и после нас. И имя помогавшего им выжить тем более.

02.02.98. Филадельфия.

О себе. Равномерно выходят из строя узлы агрегата, которые должны были бы работать. Запчастей здесь нет. Приходится обходиться как-то. Единственно, что пока более или менее работает – это та кость, которая именуется черепом. Но это и понятно – кость, что ей делается.

Меня здесь довольно много печатают. И даже нахваливают. Но денег, собаки, не платят. А хорошо бы их заметить, ибо есть желание (а также и текст) на издание еще двух книжек. Жалко, что Вы не миллионер – уж я бы Вас потряс.

29.04.98. Филадельфия.

...Этот год в плане взаимоотношений с медициной у меня не лучший. А в плане литературном – в какой-то степени пик...Послать Вам издания не могу – издания дорогие. Так что придется поверить мне на слово – сильно нахваливают. В этом году здесь выходит антология филадельфийских писателей и, оказалось, что и меня туда сунули. К сожалению, по медицинским показателям я не могу развезжать. Это жаль. Мне все еще все интересно...

ОГЛАВЛЕНИЕ

НАМ 30!	4
Ю.А. ВИНОГРАДОВ	
СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ ВЕЛИКОЙ СКИФИИ	7
О.В. ШАРОВ	
ПОГРЕБЕНИЯ САРМАТСКОЙ ЗНАТИ НА БОСПОРЕ	10
Н.Н. БОЛГОВ	
ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ ГОСУДАРСТВО НА БОСПОРЕ: УГАСАНИЕ ИЛИ РАСЦВЕТ?	19
В.П. ТОЛСТИКОВ, Д.В. ЖУРАВЛЕВ	
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ АКРОПОЛЯ ПАНТИКАПЕЯ	24
В.Н. ЗИНЬКО	
НИМФЕЙСКИЙ ПОЛИС	29
Д.Е. ЧИСТОВ	
ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩА НИМФЕЙ	33
О.Ю. СОКОЛОВА	
БЮСТ ИЗИДЫ ИЗ НИМФЕЯ	39
А.А. МАСЛЕННИКОВ	
НЕКРОПОЛИ В ЛАНДШАФТЕ ХОРЫ АНТИЧНОГО БОСПОРА ..	40
З.В. ХАНУТИНА	
СВЯТИЛИЩЕ НА НЕКРОПОЛЕ ИЛУРАТА	44
И.А. ТУЛЬПЕ	
НЕКРОПОЛЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ	46
И.Ю. ШАУБ	
О КУЛЬТЕ АФРОДИТЫ НА БОСПОРЕ	54
В.А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ	
МРАМОРНАЯ СТАТУЭТКА КИБЕЛЫ ИЗ МИРМЕКИЯ	57
Н.В. МОЛЕВА	
СОБАКА В РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ БОСПОРЯН	60

В.А. КИСЕЛЬ

КЕЛЕРМЕССКАЯ ПАНТЕРА И КОСТРОМСКОЙ ОЛЕНЬ..... 62

М.Ю. ВАХТИНА

**К ВОПРОСУ ОБ ИКОНОГРАФИИ ЖЕНСКИХ БОЖЕСТВ
НА КЕЛЕРМЕССКИХ ЗЕРКАЛЕ И РИТОНЕ 67**

А.К. НЕФЕДКИН

**СЦЕНА БОЯ НА ЗОЛОТОЙ ОБКЛАДКЕ НОЖЕН АКИНАКА
ИЗ ЧЕРТОМЛЫКА И ВОЕННАЯ РЕФОРМА ДАРИЯ III:
К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЯ..... 71**

Е.А. МОЛЕВ

КЛЕЙМА РОДОСА ИЗ РАСКОПОК КИТЕЯ..... 76

А.М. БУТЯГИН

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА АРХАИЧЕСКОГО МИРМЕКИЯ 82

Ю.Л. ДЮКОВ, Т.Н. СМЕКАЛОВА

СОСТАВ МЕТАЛЛА МОНЕТ ГОРОДА КИЗИКА 88

И. В. ТУНКИНА

РАСКОПКИ И. П. БЛАРАМБЕРГА В КЕРЧИ В 1826 Г. 96

В.А. ХРШАНОВСКИЙ

**НЕКРОПОЛИ ИЛУРАТА И КИТЕЯ.
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ГМИР 1968-1998..... 102****IN MEMORIAM 106**

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Материалы научной конференции.

Составитель: В.А.Хршановский